

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/2013

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

В. В. КАДЫРОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой стр. обложки:
фрагмент наскальных рисунков

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Журнал издается при спонсорской поддержке
издательства «Турар»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2013

ПРОЗА

Александр Иванов. Бегущие от воды. Ледовое чудо. <i>Рассказы</i> 5	5
Виктор Кадыров. Жизнь в подарок. <i>Рассказ</i> 55	55
Владимир Медведев. Захлок. <i>Роман (продолжение)</i> 83	83

ПОЭЗИЯ

Вячеслав Шаповалов. Кружилось время, как листва... <i>Стихи</i> 149	149
Александр Каменский. В осенней свежести туманной. <i>Стихи</i> ... 160	160

ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав Тимирбаев. **Предварительное знакомство:**

Конурбаевы 170	170
-----------------------------	-----

КУЛЬТУРА

Бахтияр Койчуев. Меж двух родин, меж двух чужбин 208	208
Александр Никитенко. Словно зорька, светла моя память 216	216
Дмитрий Ащеулов. «ЖЗЛК» - маяки эпохи 224	224

Коротко об авторах 229	229
-------------------------------------	-----

ПРОЗА

Александр ИВАНОВ

РАССКАЗЫ

БЕГУЩИЕ ОТ ВОДЫ

Олег развеселился, да так, что у него от хохота потрескивали штаны, будто в них металась в поисках выхода шаровая молния. Кресло под ним скрипело и вращалось с бешеной скоростью. Выпади он из него – и окружающие предметы, начиная от компьютера, телефона и кончая стоящими на столе двумя чайными чашками с алыми розочками на боках, были бы разбиты вдребезги. Поэтому его руки мертвой хваткой вцепились в подлокотники кресла.

Но вот приступ дикого смеха, напавшего на Олега внезапно, также внезапно, словно обо что-то споткнувшись, прекратился. Кресло остановилось, как вкопанное. Еще слегка кружилась голова, и он часто хватал ртом и сглатывал чуть подкисший кабинетный воздух.

Сидевший напротив Игорь, коренастый темноволосый крепыш с классической проседью на висках, обжигал взглядом его переносицу. Глаза Игоря, обычно полуприкрытые тяжелыми веками, были грозно распахнуты, черные зрачки раскалены. Тонко чувствующий юмор, он, однако, не терпел шуток и насмешек, когда речь заходила о его идеях, связанных с крупным бизнесом. А тут был как раз такой случай.

Олег молча, по-восточному, повинился, склонив крупную голову и приложив руку к сердцу. По его широкому, раздольному лицу плыла добродушная улыбка, склоняющая собеседни-

ка к миру. Игорь выдержал паузу, потом громко хмыкнул, от чего мясистый крючковатый нос подпрыгнул, и на какой-то миг обнажилась полоска крупных желтоватых зубов заядлого курильщика. Это был его излюбленный способ выпускать пар, о чем знали все друзья Игоря, включая Олега.

– Ну и дурья ты башка! Съездить бы тебе по уху для полного успокоения, да боюсь, что надолго отключишься, – вполне миролюбиво заговорил он. – А мне хочется, чтобы моя ценная мысль проникла в твой основательно полысевший череп... Итак, ты сам спросил, в какое дело выгодней всего вложить сейчас свои накопления. Едва я успел ответить, что лучший вариант – это строительство жилья, еще не расшифровав свою мысль до конца, как тебя вдруг одолела трясучка с горловыми раскатами и всхлипами.

Олег чувствовал: его бестактность требовала объяснений. Были они почти ровесниками, из разряда пятидесятников, знали друг друга не один десяток лет, случалось, схлестывались по разным поводам, и взрывчатый, импульсивный нрав приятеля всякий раз побуждал Олега к уступчивости, что ничуть не задевало его самолюбия.

– Но согласись, Игорь, – заговорил он размягченным, как подогретый воск, голосом, – согласись, трудно сдержаться, если банальные, явно проигрышные предложения подаются с пророческим видом. В Бишкеке построена масса многоэтажек, кварталы в которых подолгу, а то и вовсе не раскупаются, да и на аренду мало кто клюет – слишком цена кусучая. Положение в республике аховое, платежеспособность населения на нуле, какой может быть бизнес на строительстве домов?

– Эй, ты же меня недослушал, – возмутился Игорь. – Писатель, а ведешь себя, как... Слушай и не перебивай. То, чем я предлагаю заняться, должно остаться пока между нами. Строительство домов мы будем вести в ближайшем предгорье, на высоте порядка полутора-двух километров. Кое-какие площадки у меня уже есть на примете, но в деталях мы все обсудим попозже. Перед началом строительства будем заключать договора с покупателями. Собственных средств у нас явно не хватает, поэтому им придется раскошелиться заранее. Ты спросишь, где мы таких идиотов найдем? О, мест полно! В той же

Европе, Австралии, в ряде частей Америки и, может быть, России...

– Прости, но я что-то не врубаюсь. Зачем жителям благополучных стран перебираться в наш кипящий беспорядками котел?

– А ты что, не интересуешься ожидаемыми вскоре природными катаклизмами на планете? – удивился Игорь.

– Имеешь в виду глобальное потепление?

– Это уже, считай, свершившийся факт. Частичные и краткосрочные затопления городов в ряде стран, которые мы сейчас наблюдаем, всего лишь прелюдия, предвестники могучего натиска водной стихии по всем равнинным частям планеты. Вон государство Кирибати, пусть крохотное, уже, в основном, под водой. Последствия для матушки-Земли будут страшные. Но мало кто сегодня всерьез задумывается об этом. Помнишь у Маяковского: «В место собственное вросся и не видит ничего дальше собственного носа»? Так и человечество. Мощные природные катастрофы мнятся ему где-то далеко-далеко, вне досягаемости его жизни. А потоп-то вот он, рукой подать. Всемирный океан займет не менее четырех пятых планеты. Останутся только возвышенности. Тем, кто хочет выжить, нужно уже сейчас прикинуть, куда лучше перебраться, как это сделать. И тут, представляешь, - Игорь подался вперед, вытянув правую руку, словно рыбак, готовящийся подсесть крупную рыбу, – и тут мы со своим проектом: пожалуйста, господа, к нам на постоянное житье-бытье, для вас создаются дома в живописном предгорье со всем набором социальных благ. VIP-городок. При любом раскладе океану туда не добраться. Уверен: от заказчиков отбоя не будет.

– Да-а-а!.. — восхищенно и вместе с тем озадаченно протянул Олег, ошеломленный масштабом предпринимательской логики Игоря.

Нельзя сказать, что склонность приятеля к авантюрам была для него тайной. Он сам, бывало, попадал в раскинутые им сети сногшибательных розыгрышей. Однажды Игорь чуть не поссорил его с женой, позвонив ей по телефону в Москву, где проводился крупный поэтический форум, и сообщив, что Олег заболел, находится чуть ли ни при смерти и даже написал заве-

щание. По нему Нике, кроме всего прочего, достанется роскошная вилла на берегу Красного моря, тогда еще не оскандалившегося из-за акул-людоедов. Только формальности требуют, чтобы она срочно прилетела в Бишкек. Испуганная Ника тут же бросила все и примчалась. Олег действительно был в больнице. Но ни о каком завещании вовсе не помышлял. Само по себе это было воспринято ею как хороший знак: тот, кто надеется на долгую жизнь, завещаний не пишет. А вот скрываемая мужем собственность в виде виллы на Красном море разъярила Нику до неузнаваемости. Высокая, худая, с черной челкой до самых бровей она, как из пулемета, строчила в Олега обвинительными тирадами. С трудом удалось убедить ее в том, что вилла – всего лишь плод авантюрной фантазии Игоря, для которого лучше пересолить, чем недосолить.

Немало его необычных, а порой и чрезвычайно рискованных планов осуществилось. Он первым завез в республику африканских страусов и, создав страусиную ферму, начал снабжать элитные рестораны вкуснейшим мясом и огромными яйцами этой экзотической птицы. Он первый и пока единственный, кто обнаружил в заповедных ореховых лесах Арслан-Боба таинственный подземный ход, через который можно попасть в параллельный мир, и какое-то время поставлял в Россию новейшие нанотехнологии, еще неведомые на нашей земле. Благодаря ему Кыргызстан мог совершить мощный прорыв в будущее, если бы на высшем уровне было одобрено предложение Игоря по сооружению в районе Орто-Сая современного комплекса, отвечающего требованиям известной Формулы-1. Сам знаменитый Шумахер встречался с Игорем и выказал явную заинтересованность в проекте, но президент и его свита затянули с решением, а потом все похоронила апрельская революция.

При внешней схожести с сицилийскими мафиозами Игорь был их полной противоположностью. Идея влекла его куда больше, чем стоящие за ее реализацией деньги. Как только становилось очевидным, что проект заработал, набрал обороты, он с легкостью мог передать руль своему партнеру и переключиться на что-нибудь другое. Потому многое, что им начиналось, что еще недавно поражало воображение оригинальностью подхода, постепенно глохло, уходило в песок.

Сейчас Игорь сидел за столом напротив Олега и ждал, как тот отреагирует на его предложение. Олегу было любопытно, сейчас ли, экспромтом, возник у товарища такой план или вызревал в нем давно? На откровенность в данном случае вряд ли можно было рассчитывать, а потому – зачем спрашивать? Да и какое это имело значение? Важно определиться ему самому. Ведь он планировал вложить средства с быстрой отдачей. А тут сроки в руках божьих. Да и вообще... Беспокоили его также соображения нравственного характера.

– Игорь, – спросил Олег, задумчиво постукивая тугими подушечками пальцев по светлой глади письменного стола, – на какой социальный тип людей из названных тобой стран ты думаешь делать ставку?

Игорь скосил глаза на окно.

– Не возражаешь, если я открою форточку и покурю?

Олег, снисходительно улыбнувшись, кивнул. Даже маленькие слабости сильных людей возвышают окружающих в собственных глазах. Игорь присел на краешек подоконника и пыхнул зажигалкой.

За окном было мрачно и сыро, опять собирался дождь, пошаливал ветер, то хлопая форточкой, то загоняя дым от сигареты обратно в комнату. Тогда Игорь брал со стола папку из-под бумаг и несколькими короткими взмахами выдворял его наружу. Ему нравилось быть подчеркнуто любезным по отношению к некурящему Олегу.

– На кого в работе нам предстоит ориентироваться? – переспросил он и тут же ответил: – На тех, у кого есть деньги и кто достаточно прозорлив, чтобы понимать, насколько выгодно перспективно заключать контракт с нами. Отбрось сразу олигархов. Они уже давно обустроили себе запасные аэродромы где-нибудь в Альпах. Отбрось малоимущих, которым остается лишь уповать на Всевышнего. Средний класс – вот наши клиенты. Для затравки имеет смысл прощупать тех, кто уехал отсюда лет пятнадцать-двадцать назад в Европу и уже крепко стоит на ногах. Кроме здравого смысла, их подтолкнет еще и ностальгия.

– А не грех ли, Игорь, наживаться на чьей-то гипотетической беде? Люди будут во все лопатки удирать от воды, а ты, то есть мы, – подсчитывать прибыль? Есть в этом что-то такое...

Игорь поморщился. Затушив сигарету, вернулся в кресло, откуда еще недавно бросал на Олега раскаленные взгляды. Но сейчас его сузившиеся глаза отдавали холодным блеском.

– Слунтяйство, дружище, – главный враг бизнеса и прогресса. Представь, если бы производители автомобилей думали, прежде всего, о тех, кто будет гибнуть под колесами в результате автоаварий. Технический предел скорости вряд ли превысил бы сорок-пятьдесят километров в час. А ездят-то нынче и по двести с гаком! И потом... Наши соотечественники рванули из Кыргызстана в самый трудный для страны момент. Они там, у себя, в бельгиях, германиях или австралиях, пузо поглаживали, баб чужих соблазняли, а мы хлебали от мародеров и националистов по полной программе. Ничего, пусть теперь и нам посветит какой-нибудь выигрыш.

Его аргументы на тот момент вполне успокоили Олега. Действительно, божий закон равновесия требует, чтобы и победитель был иногда в качестве жертвы или пострадавшего. Тем более, что ему идут навстречу, заблаговременно предлагают выход из грядущей катастрофической ситуации.

Приятели ударили по рукам. Хотя многое, с чем им предстояло столкнуться, оставалось неясным, нуждалось в уточнении. Особенно вопрос: к о г д а? Когда все это может произойти? В том, что потоп случится, они, впрочем, как и многие, не сомневались. Таяние льдов Гренландии набирало обороты. Уровень Мирового океана медленно, но неуклонно стал повышаться. Близился черед льдов Антарктики. Как только и они потекут, низменные части земли покроет вода. Человечество бессильно противостоять этому. Никакими дамбами ему не заслониться от встающей во весь свой гигантский рост водной стихии. Конечно, замысел Игоря, думал Олег, лишь песчинка, крохотный спасательный круг для горстки людей, но все-таки... Только успеют ли они раскрутиться, построить этот самый VIP-городок?

Олег вспомнил про знакомого физика, лауреата Нобелевской премии, сотворившего настоящее чудо – систему сложнейших аппаратов, способных с необычайной точностью прогнозировать погоду как в целом на планете, так и в любой части света

на пятилетний период. Уж он-то наверняка знает, когда начнется потоп, какие из благополучных развитых стран пострадают от него раньше других. Правда, физик этот, Абуталип Френкельштейн, в котором густо было намешано разных кровей, подобно большинству гениев оказался еще и великим чудачком.

Первую часть жизни он полностью посвятил своему творению, превратился в нелюдима, крошечного затворника с включенной черной бородой и огненно рыжей гривой растрепанных и спадающих до плеч волос. От него отвернулись друзья, ушла любимая женщина. Годами он ничего не замечал, кроме создаваемых им мудреных аппаратов для проведения бесчисленных опытов. Когда же все это осталось позади, когда результаты его исследований потрясли сей бренный мир, принесли ему славу и деньги, он своим поступком поверг в изумление всех, кто хоть мало-мальски знал о его открытии и о нем самом.

Френкельштейн объявил, что перестает заниматься наукой, которой отдано было столько лет жизни, ибо утратил к ней интерес. В нем открылся поразительный дар, не требующий каких-либо технических новаций. Снисходящие с небес (или вызываемые им оттуда?) озарения позволяли ему находить мельчайшие погрешности в сложнейших космических приборах и усилием воли устранять их. Это отнимало у него сравнительно мало времени, но обеспечивало безбедное существование. К нему вернулась любимая женщина, и он был безмерно счастлив.

Договорившись по телефону о встрече, Олег пришел в назначенный час в его куполообразный, со сложенными по бокам крылами, трехуровневый особняк, который закрывался с улицы рядами высоченных мачтовых сосен. Сооружен он был из легких, обладающих высочайшей прочностью и теплоизоляцией материалов и, по словам хозяина, мог при необходимости подняться и парить, передвигаясь, в небесах. Каким образом, с помощью чего все это достижимо, для Олега осталось тайной. Абуталип не стал вдаваться в подробности, а он посчитал неделикатным спрашивать о том, о чем ученый предпочитает умалчивать. Цель его визита была в другом. Дай Бог, чтобы удалось вывести соображения Абуталипа по важному для них с Игорем вопросу.

Они расположились в холле первого этажа. Одет Абута-

лип был в просторную белую рубаху, подчеркивающую оливковый цвет его лица. Рыжая грива непокорных волос схвачена сзади синей лентой – под цвет глаз его любимой белокурой, узколицей женщины, которая, едва поздоровавшись и одарив нас улыбкой, тут же исчезла.

Но вряд ли можно сказать, будто они остались совершенно одни. Между ними, сидящими на стульях из бамбука, и стенами, за полупрозрачными пластмассовыми ширмами, щебетали какие-то птицы, квакали лягушки, били по воде хвостами рыбы, тихо журчал горный ручей... Эти звуки, доносившиеся приглушенно, не раздражали, а, наоборот, несли успокоение, вызывали ощущение полноты окружающего мира. Они не были обработанной музыкальной записью, чувствовалась естественность их происхождения.

Олег знал, что Френкельштейн еще и телепат, хитрить, что-то утаивать от него бесполезно, а потому полностью открыл, чем они с Игорем озабочены, и предложил, если ему захочется, присоединиться к их проекту. Полные губы Абуталипа, слегка скривившись, дрогнули в короткой усмешке.

– Бизнес – среда не моего обитания, – сказал он. – Каждому Бог дает то, что считает нужным. И пренебречь этим ради выгоды – значит продать душу дьяволу.

– Откуда в ученом такой радикализм? – удивился Олег. – Человеку важен не тот или другой дар, ниспосланный свыше, а возможность выбора. Алогизм наших действий, продиктованных душевными порывами, – разве это не самое щедрое позволение небес? – Видя, что Абуталип по-прежнему скептически улыбается и, желая сразить его наповал, он добавил: – Один мой добрый знакомый достиг в своей сфере науки потрясающих высот, а потом бросил все и уплыл совершенно в иные просторы. И, насколько я понимаю, доволен этим.

Смех Френкельштейна был резким, высоким. За перегородками все смолкло. Но стоило ему заговорить, и спугнутые звуки природы неназойливо, мягко возобновились.

– А не задумывался ли ты, Олег, что тот ученый, поступая именно таким образом, руководствовался вескими причинами? Это не баловство пресытившегося славой мужа науки. И тем более не соображения меркантильного, житейского плана. Пой-

ми, с климатологией все более или менее уже ясно. Мои коллеги, не без моей помощи, конечно, научились распознавать, какие глобальные сюрпризы нас ждут в будущем. Не все здесь гладко. Деятельность людей вносит в наши прогнозы серьезные коррективы. Вот, скажем, авария у американцев на нефтяной скважине в Мексиканском заливе, когда огромные массы вылившейся нефти стали влиять на течение Гольфстрима. Ряду стран Запада, привыкших за столетия к теплу, грозит, вероятно, сильное похолодание. Могли ли мы это заранее предвидеть? Естественно, нет. Однако в целом долгосрочные наши прогнозы верны. Хоть и весьма неутешительны для землян. Близится время, когда главным убежищем для нас будет космос. А он уже сейчас превращается в мусорную свалку. И все почему? Запускаемые туда аппараты несовершенны. Мне, как физику, дарована способность *видеть* сокрытые для других изъяны и устранять их. Имел ли я право отказаться от этого? Пусть мою работу кое-кто называет шарлатанством, но эффект от нее ощутимый, и ко мне обращаются все чаще и чаще... Ты посмотри, россияне в какое-то время решили, будто сами с усами, и у них пошли катастрофы одна за другой.

– Эх, Абуталип, тебе, великому ученому, грех прикидываться, выдавать сие действие за науку. На каких законах физики оно зиждется? Нет таковых. Вот и пахнет здесь чертовщиной.

– Прости, но нельзя рассуждать столь примитивно, – с легким укором произнес Абуталип. – Настоящий ученый движется на ощупь, в неизведанном направлении, используя при этом любые заложенные в нем природой ресурсы. Лишь достигнутые им результаты позволяют формулировать законы. А не наоборот. Называемое чертовщиной сегодня завтра уже не кажется таковым. И тогда ему непременно находится научное обоснование.

Олег молча проглотил пилюлю. Что-то его заносит. Кидается в спор, скользя по поверхности. Вот и получает щелчок по лбу.

Лягушки за перегородкой стали явно нервничать, забивать птичий щебет. Абуталип мельком глянул на часы. Пора было переходить к главному.

– Скажи, пожалуйста, – торопясь, спросил Олег, – через четыре-пять лет начнется буйное нашествие воды на западные страны?

Абуталип кивнул, потом покачал головой. И неожиданно тихо, с библейской интонацией, заметил:

– Взаимосвязано все сущее, что обретается на земле и вне ее. Удар по ноге отдается головной болью. Воды приходят, давят на низины и – горы чувствуют это.

– О чем это ты?

– Сам поймешь... Что мог, Олег, я все сказал.

Под тревожное нарастающее кваканье они расстались. На душе у Олега было смутно. Встреча не прояснила то, что его интересовало. Ученые для многозначительности, подобно художникам, добавляют туманцу в свои рассуждения. Вот и разберись, каким был его ответ – когда он кивнул или когда покачал головой?

Считая свой визит зряшным, Олег рассказал о нем Игорю.

– Все просто, – заявил тот. – Мне приходилось решать рибусы и покруче. Откуда Френкельштейн приехал в Кыргызстан? Ага, из Болгарии. У нас при утверждении – кивают, у них при утверждении – качают головой. Получается, что он дважды согласился с тобой. Один раз по-нашему, другой раз по-ихнему.

– Ты уверен?

– А разве мои аргументы тебя не убедили?

– Как сказать...

Косточки дней похрустывали на мельнице времени. Созданная приятелями фирма, которой предстояло заниматься строительством коттеджей и поиском клиентов, по предложению Олега была названа «Вымпелом». В чем тут фишка, почему именно так? Да потому, что вымпел означает флаг, поднимаемый на грот-мачте корабля. Связано с водной стихией и тем, что воспаряет над ней. По смыслу прямо в «десятку». Провели опрос среди знакомых. Мнения сошлись: название рождает позитивные ассоциации, вызывает доверие. Хотя будут ли копать в семантике те, кто затравлен, прижат к стенке нарастающей опасностью потопа? Но Игорю и Олегу хотелось, чтобы все выглядело достойно. Максимум привлекательности, однако, без сиропы.

В бизнесе, сказал Игорь, мелочей нет, любая неточность, недоработка может обернуться проигрышем. Особенно это будет касаться контрактов. Каждый пункт надо прописать так, чтобы не допускалось разных толкований, чтобы правый, то есть «Вымпел», всегда был прав и огражден от любых потерь.

Игорь умел вколачивать гвозди из отлитых им фраз. Начиная дело, он твердо, безоговорочно верил в его успех. «Если ты сомневаешься в удаче своего предприятия, значит, оставляешь лазейку для отступления, для проигрыша, – наставлял он Олега. – Настрой в бизнесе играет решающую роль. Уразумел, наконец?»

– Видишь ли... – Будучи во всем этом профаном, да и в силу своего характера, медлительного, подверженного колебаниям, Олег продолжал сомневаться, что все сложится именно так, как жестко и весело рисует Игорь.

Подливала масла в огонь и его жена Ника, с колдовским всезнайством определяя свою позицию. Зря он связался с Игорем, считала она. В нем есть что-то от демона-искусителя, с помощью райских яблок заманивающего в ад. Ты посмотри, Олег, на его бестолковую, беспутную жизнь. Уже за пятьдесят, а не жены, не детей, не той профессии, занятия, в которое он был бы погружен полностью, целиком. И это естественно. Любое дело, не одухотворенное сопутствующим желанием – ради кого-то, ради чего-то – после первых же шагов теряет смысл, напоминает погоню за миражами, и чем раньше ее прекратишь, тем лучше. Да, он сам обладает способностью вовремя выходить из игры, но кому от этого легче? Его бывшим партнерам? Вряд ли. Ты хоть встречался с кем-нибудь из них, говорил? Я так и знала. Тебе понравилась его бизнес-идея? Допустим. Но что значит идея вне контекста с человеком, стоящим за ней? Это как вырванная из рассказа или стиха фраза, по которой пытаются судить – и совершенно ошибочно – о произведении в целом. Поверь мне на слово, затея Игоря, как и он сам, с червоточинкой, пролетите со свистом.

– Перестань! – Олег не любил, когда о его друзьях отзывались предвзято. – И чего ты на него напала? Человек живет так, как ему хочется. Внутренняя свобода от всяческих догм для Игоря важнее всего. Ему нравятся свободные отношения с жен-

щинами? Да ради бога! Обременять себя семейными узами, детьми спешат далеко не все. Сколько великих, преуспевающих людей до конца дней своих оставались холостяками, обитали, где придется, и от этого ничуть не потеряли в наших глазах. Ты просто никак не можешь простить Игорю того розыгрыша с яхтой на Красном море, вот и все.

– Ерунда! – вскинулась Ника, тряхнув чернильной челкой. В глубине ее глаз таинственная темная бездна, погрузишься туда и себя потеряешь. Или это только кажется Олегу? – Я обид не таю, тебе это хорошо известно. И потом: для того, чтобы человека судили по одним меркам с кем-нибудь из великих, ему самому надо стать таковым. Порой приходит ко мне в редакцию стихотворец, талантом и не пахнет, зато водкой разит за километр. Сделаешь ему замечание, а он: Есенин пил, Рублев пил, почему бы и мне не выпить? Господи, да ты сначала поднимись до их высоты и уж потом примирай к себе их слабости.

Олег знал, что если Ника перешла на общие темы, то больше к разговору об Игоре не возвратится. Так от реки ответвляется ручей, а затем туда же перемещается и все русло.

Еще только прикидывая, в какой бизнес лучше всего вложить свои, в общем-то, скромные по нынешним временам сбережения, он заранее собирался выудить из будущего предприятия какой-нибудь крепко сбитый, острый сюжет для рассказа. Естественно, сдобренный фантазией, игрой воображения, но имеющий под собой реальную почву. С этой точки зрения предложение Игоря выглядело для него находкой, неким подарком, ибо сочетало в себе колоритные внешние атрибуты и предполагаемые на их фоне коллизии меж людьми, до сих пор непостижимые для него в сфере бизнеса. Его воротило от множества книг и телесериалов, где сплошь кровавые разборки, обман, где деньги заслоняют все святое, что позволяет пока еще пребывать человеческому роду в земной обители, не дает ему распасться, разложиться, вконец оскотиниться. Олегу хотелось показать, как партнерство в деле, имеющем в своей основе вполне благородные цели, помогает людям преодолевать конфликты и соблазны, лучше понимать и ценить друг друга. Нет, благостные картинки ему тоже не по нутру, разноцветье красок – вот, что его привлекало.

Такой принцип когда-то срабатывал без промаха, книги Олега Найденова пользовались большим спросом, приносили ему популярность, солидные гонорары. Век рынка сломал прежние подходы ко всему, включая и книгу. Подлаживаться под народившегося, зачастую чуждого ему по духу читателя, который ждал от литературы не работы для ума и души, а голого развлечения, Олегу претило, и потому его постепенно потеснили более сноровистые собратья по перу. С легкостью они заменили богатство русского языка на копеечную информативную стилистику, достаточную для передачи закрученных сюжетов. Но имя Найденова все еще оставалось на слуху, и, как он шутил, когда речь заходила о перспективах его писательства: «У бывалого охотника даже при мизерном фарте куда больше шансов вернуться с добычей, чем у того, кто просто держит нос по ветру и лишь потому удачлив».

И вот теперь, рассеянно, отстраненно слушая жену, смотря на нее, Олег думал, какую роль отвести ей в рассказе? Роль яростного оппонента, которого под занавес ждет очищающее разочарование, или нейтрального наблюдателя, при любом раскладе уверенного в безошибочности своих суждений относительно развязки? Впрочем, по собственному опыту он точно знал: бессмысленно заранее раскладывать карты; в процессе создания рассказа или повести наступает момент, когда все герои, их поступки и помыслы выходят из-под контроля автора, начинают жить своей, независимой от него жизнью, и картонная колода сочинения тасуется и раскладывается заново.

А уж что касается Ники, то она, с ее вспыльчивым характером, едва поселившись в рассказе, может все намеченное для нее изменить, перевернуть с ног на голову. Женившись на ней лет двадцать тому назад по бурной, стремительной любви, которая вмиг разрушила и похоронила под обломками их прежние семьи, он так и не научился угадывать, чем обернется сказанное им невпопад слово, внезапно вспыхнувшая ссора, какой ход конем последует от нее в том или ином случае. Все это, считал он, обременяет и раздражает только тогда, когда чувства меж людьми погасли, потухли, как лампочка в подъезде, и неожиданные столкновения с окружающими предметами вызывают досаду, а то и злость. У них же чувства несказанно повзросле-

ли, стали развиваться внутрь, и пронсящиеся над ними ветры уже не влияли на существо их взаимоотношений. Яростное пламя сменилось ровным, устойчивым огнем, свет которого ничего не искажал и не утаивал. Заметив как-то слетевшую с осенних небес легкую паутинку морщинок в уголках ее глаз, а затем и блеснувшую седину, первые признаки неотвратимого увядания, он испытал не огорчение или разочарование, а пронзительную, всеохватную нежность, в которую превращается любовь, если очень и очень провезет, за многие совместные годы.

По договоренности с Игорем на Олеге лежала обязанность привлекать внимание жителей других стран к их проекту, соблазнять его перспективами, в общем, подводить к тому, чтобы они заинтересовались условиями контракта и попали в железные руки юристов «Вымпела».

– От тебя требуется сушая малость, – посмеивался над его неискушенностью в бизнесе Игорь, – забрасывать удочку в нужном месте и объяснять своему собеседнику, чем хороша твоя наживка, а уж когда рыба начнет клевать, мы сами с ней разберемся.

– Зря смеешься, – Олег чувствовал цену стоящим перед ним проблемам. – Только при успешности моей операции наш проект имеет смысл. Иначе кому из местных понадобятся котеджи в горах? А степень риска? Ведь кто заманивает, тому, если что-то у нас сорвется, первому достанется по башке.

– Ничего у нас не сорвется, – твердо заверил Игорь, смахнув улыбку. – Об этом и думать не смей... И потом, зачем надувать щеки от важности, еще ничего не сделав? Или, по-твоему, легко пробивать место и организовывать строительство VIP-городка, вести финансы, подбирать сотрудников? Если сомневаешься, давай махнемся, пожалуйста, занимайся этим сам. Наводить мосты с иностранцами куда интересней, творческая работа. Я вполне справлюсь. – По лицу Игоря, которое в такие моменты становилось непроницаемым, трудно было понять, то ли он шутит, то ли говорит серьезно.

Олег покачал головой.

– Зачем ломать договоренности, меня вполне все устраи-

вает. Только надобно, Игорь, помнись слова поэта: не принижай долины, возвышая горы.

– Лады. У тебя уже есть что-нибудь на примете?

– Нашлись знакомые, чьи дальние родственники еще в девяностые годы перебрались в Бельгию. Делаю ставку лишь на тех, кто обосновался в городах, расположенных прямо на побережье, – в Зебрюгге и Остенде. Таких четыре семьи, вполне состоятельные. Их координаты у меня в компьютере. На днях буду связываться. Ищу наших соотечественников и по другим странам, назовем их условно водоопасными. В общем, колесо закрутилось.

– Закрутится, когда на банковский счет «Вымпела» начнут капать деньги, – охладил его Игорь, хотя он ждал похвалы. – Пока же, смотрю, идет только поиск мишеней. Хотя... плясать-то все равно надо отсюда. Важно поскорей пропустить этих людей через сито наших условий. Сейчас у тебя самая хлопотная, напряженная работа. Потом будет легче, и опыт появится, и хватка окрепнет. Учти, чем кучней, компактней живут наши потенциальные клиенты, тем проще мы сможем до них достучаться.

– Это еще почему? – спросил Олег.

– Слухи пойдут, психоз стадности начнет действовать, – пояснил Игорь, задумчиво оглядывая крупногабаритную фигуру Олега. – Уж я-то в этом толк знаю. Не раз испытано. Посмотришь, мы там и местную прессу подключим, и телевидение. Но всему свой срок.

Странно мы устроены, расставшись с Игорем, думал Олег, насколько наше восприятие того или иного человека подвержено изменчивым ветрам услышанных о нем мнений, насколько хрупка, уязвима броня нашего представления о нем, даже если это касается товарища, приятеля. Взять того же Игоря. Разве мало он его знает? Вместе они ездили рыбачить на Балхаш, попадали в круговорот песчаных бурь, когда неизвестно было, выживут или нет; вместе устраивали шумные мальчишники с кутежами, откровенными разговорами и взаимным срыванием масок; даже на бунтующей площади, где толпа требовала смены власти, пути их пересекались. Надежность и прямота – вот

что ему нравилось в товарище. Сфера бизнеса была его стихией. Потому Олег и обратился именно к Игорю, когда возникла мысль о вложении своих накоплений в прибыльное дело. Пока, вроде, все складывается удачно. И все-таки сказанные Никой слова об Игоре, хоть и противоречили его собственному взгляду, не испарились тут же, не смахнулись протестно, как крошки со стола, а стали невзначай возникать в укромных уголках сознания и постепенно, исподволь подтачивать основание связующего их моста. Понимая, сколь это несправедливо и ущербно, Олег пытался очищаться, освобождаться от чуждых ему суждений, но стоило им с Игорем встретиться, заговорить и он замечал, как подкрадываются непрошенные сомнения, как слегка, едва приметно смещается угол зрения относительно того, что предлагается товарищем. Он злился на Нику, а еще больше на себя за неспособность перебороть всплывающую из глубин подленькую подозрительность, но все, увы, было бестолку.

В этой связи его беспокоило, как бы Игорь не заметил исходящих в нем затаенных перемен, и, оскорбившись, со свойственной ему решительностью не разрушил бы то, что ими уже создано. И он всячески старался закамouflировать свою внутреннюю раздвоенность излишней внешней приветливостью, спешил соглашаться с партнером даже тогда, когда можно было поспорить, возразить, воспротивиться, наконец.

Впрочем, Игорю явно было не до того, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Он прочертил для себя путь к обозначенной цели и шел по нему, захваченный, как золотой лихорадкой, предчувствием крупного успеха, поторапливая Олега, от которого зависел дальнейший приток денежных средств. Со своей стороны ему уже удалось застолбить участок на живописном берегу реки, где могут разместиться десятки коттеджей. Был у него на примете весьма толковый менеджер – на тот крайний случай, если Олегу потребуется поддержка. Но его Игорь держал про запас. Только при жесткой необходимости он прибегал к расширению круга лиц, посвященных в его идею. Слишком много развелось тех, кто любит жить припеваючи за счет чужих мозгов.

Первые телефонные переговоры Олега с живущими в Бельгии выходцами из республики были неутешительны. Они вроде бы понимали, какая их подстерегает беда, если уровень Северного моря повысится и оно, взъярившись, ринется брать в полон землю, но тешили себя надеждой, что это произойдет очень и очень не скоро. А потому зачем сейчас суетиться, что-то менять, куда-то вкладывать деньги? Люди вообще склонны отмахиваться, прятаться в кусты от тех решений, которые не сулят им скорых перемен к лучшему. Замаячившие вдали грозные обстоятельства, вынужденное возвращение в Кыргызстан, как единственно реальный путь спасения, вызывало в них внутренний протест, представлялось кошмаром. Запад учит прагматизму, и наши бывшие соотечественники не спешили напрочь отказаться от предложений Олега, мягко просили подождать, перезвонить попозже, когда, возможно, они созреют.

Сами тем временем усиленно собирали сведения, хоть как-то проясняющие – чем же обернется для них глобальное потепление в ближайшей перспективе. Пугающие информационные материалы были редкостью; после несбывшегося конца света, который предрекали со всех сторон, печатные СМИ да и порталы Интернета резко остудили свой пыл. Кому охота, взбудоражив понапрасну общественность, потом еще долго пожирать плоды недоверия с ее стороны? Прогнозы только неоспоримых авторитетов могли реально влиять на мнение публики.

Едва Игорь узнал, как вязнет в песке переговоров его идея, сразу помчался к Олегу. Его синий внедорожник, мигнув левым глазом, остановился напротив кабинета товарища. Олег вышел ему навстречу, стараясь держаться как можно приветливей.

– Ты что это сияешь, будто выиграл в лотерею миллион баксов? – крепко стиснув ему руку, спросил Игорь. – Или приготовил для меня сюрприз?

– Не получается, – вздохнул Олег, и его широкое лицо, на просторах которого вольготно себя чувствовали и короткий, слегка вздернутый нос, и маленькие серые глаза, как-то враз потухло, приняло озабоченный вид. – Видно, я плохой уговорщик, не на ту кнопку нажимаю.

– На ту! Другой кнопки просто у нас нет, – возразил Игорь.

– Только нажимать надо решительней, как будто бросаешь клиентам самый надежный и единственный спасательный круг. Сколько я говорил: тебе нужна глубокая вера в необходимость для людей твоей миссии. Понял? Иначе до них не достучаться. Это в писательстве, когда перед тобой чистый лист бумаги, ты можешь комплексовать, сомневаться, хоть десятки раз менять написанное, пока не остановишься на самом подходящем – по мысли, слову, эмоциям. Здесь все не так. Допустил промашку при первой встрече, первом разговоре – и уже ничего не переиначишь. Считаю, потерял клиента. У тебя, думаю, положение поправимое. Линию, сам разговор выстроил как надо. С интонацией вот только подкачал. Но обеспокоиться все-таки заставил. Теперь надо добавить тревоги, причем более основательной, с другой стороны.

– Как это? Ты сам их, что ли, прессовать начнешь? Это вряд ли разумно. Своей железной хваткой тебе удастся вогнать их в дрожь, однако, прости, искать убежище к нам они не кинутся, – сказал Олег и тут же торопливо поправился: – Впрочем, кто знает, тебе видней.

Игорь вздохнул :

– Не о том речь. Ты вот что, подготовь быстренько на полстранички материал о близящейся катастрофе, спасение от которой только в горах. Воспользуйся своим искусством слова, рисуй поярче, покрасочней, чтобы «Последний день Помпеи» побледнел пред ожидаемым потопом. Перечисли страны, подверженные риску в первую очередь, среди них пусть будет и Бельгия. Кыргызстан, как палочку-выручалочку, не называй: у твоих абонентов он уже сидит в голове. Я найду, как и где этот материал разместить.

– Вот тебе кофе, вот шоколад, кипяток в чайнике, а я сажусь за компьютер, – Олегу, когда жестко требовали обстоятельности, ничто не мешало сосредотачиваться – ни посторонние шумы, ни присутствие ждущих его людей.

Вскоре он протянул Игорю текст. Прочитав, тот вскочил из-за столика и воскликнул:

– Вот это да! Великолепно! У тебя просто дар к такого рода сочинительству. Только... – его угольный взгляд скользнул по просторному лицу Олега и, упершись в переносицу, застыл. –

Чего-то тут не хватает, какой-то малости... Но с этим, если позовишь, я и сам справлюсь.

– Ради бога, – польщенный похвалой, кивнул Олег. – Уж коли писатель превращается вдруг в бизнесмена, то почему бы и бизнесмену не вкусить писательский хлеб?

Он почувствовал внезапное облегчение, словно Игорь перебросил на свои плечи давящий его груз. Все-таки неудовлетворенность от бесплодных переговоров настолько действовала угнетающе, что в нем уже стала истончаться и без того зыбкая вера в благополучный исход дела. Хотя признаться в этом ему не хотелось даже самому себе, а уж Игорю тем более. Как хорошо, что у того зародился свой план воздействия на потенциальных клиентов. Вместе с возникшей легкостью к Олегу пришло ощущение, будто застрявший в безветрии парусник наконец-то стронется с места.

* * *

Домой он добирался обычно пешком. Полнота не мешала ему шагать широко и свободно. С гор, еще обильно покрытых снегом, тянуло прохладой. Мысли порхали, как птицы – с ветки на ветку, нигде не задерживаясь подолгу. И небо в позолоченной дымке облаков, и согретая солнцем, как-то враз, словно по команде, подзелененная травкой земля, и спокойное, задумчивое набухание почек, и молодой смех прохожих, беспричинный, как ему казалось, – все располагало к умиротворенности духа, к тому, чтобы окружающее виделось эдаким светлым стоп кадром в бесконечной колеснице времен.

Олег выбрал не прямой путь, а извилистый, по тихим улочкам, где ничто не отвлекает, не навязывает чуждого ему настроения. Улочки были короткие, узкие, почти сплошь застроенные еще в послевоенную пору приземистыми, белеными домами, рядом с которыми, будто растолкав их локтями, за крепкими заборами высились двух- и трехэтажные особняки нынешних господ. У Олега не возникало ни осуждающих чувств, ни тем паче зависти по отношению к новым богатеям. Его удивляло другое: съезд на дорогу из их гаражей был также разбит, ухаби́ст, как у всех остальных, кто и машин-то не имеет. Нежелание улучшать пространство дальше собственного забора, хотя на

это явно хватило бы средств, вот что, думалось ему, показывает, сколь эфемерна, неустойчива текущая наша жизнь, когда каждый только сам за себя...

Нет, в том маленьком, компактном VIP-городке, что затеяли они с Игорем построить в горах, будут жить в основном люди обеспеченные, одного социального уровня, уже привыкшие к иному порядку, и таких перекосов, нестыковок им наверняка удастся избежать.

На одном из перекрестков его блуждающе рассеянный взгляд натолкнулся на синий внедорожник Игоря. Странно, что занесло сюда товарища, склонного, как было известно Олегу, к шумным и людным местам? Рядом находилось уютное, в стиле «РЕТРО» кафе, чьи овальные окна, полуприкрытые портьерами, с внимательным прищуром изучали улицу. В свою очередь, многие, сидящие в зале, были для прохожих как на ладони. Зная, видимо, это, Игорь и его белокурая, узколицая дама занимали столик в противоположном конце зала. Если бы не знакомый джип, Олег вряд ли обратил бы на них внимание.

«Тоже мне, конспиратор! – усмехнулся он про себя. – Зачем холостяку-то прятаться? Будь он, подобно мне, женат, тогда я еще понимаю...» И пошел себе дальше, посмеиваясь над причудами приятеля. Настроение было благодушное, чуточку игривое. Хмель весны бродил в воздухе, проникал повсюду, побуждая одних заводить романы, других, подобных ему, идти домой, чуть ли не приплясывая. Только через два-три квартала в голове вдруг сверкнуло: «Стоп! А женщина?.. Не из-за нее ли вся конспирация?» Что-то в ней показалось Олегу знакомым, хотя брошенный мимоходом взгляд отметил лишь пышные светлые русые волосы, свободно спустившиеся на плечи и прикрывающие часть тонкого лица. Ощущение было такое, что он ее где-то видел. Но где?..

Вопрос возник и улетучился, растворился среди всего случайного, что ненароком оказывается в голове, а потом или покидает ее бесследно, или залегает в глубинах сознания, чтобы когда-нибудь всплыть и обнаружиться вновь. Тогда Олег и не думал вовсе, что такой момент довольно скоро настанет, и эта мимолетная встреча сыграет свою роковую роль.

В тот вечер, придя домой, он увидел в глазах жены всплески внезапной тревоги. Еще часа два назад они созванивались, и Ника была веселой, радостной, рассказывала анекдоты и обещала ужин при свечах и с бутылкой шампанского.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, хотя сам чувствовал: так оно и есть.

– История с белыми астрами завершилась драматической развязкой, – Ника с детской непосредственностью шмыгнула носом.

– Какая история? О чем это ты?

– Помнишь, месяца три тому назад мы поехали с тобой на похороны одной моей старой, еще со школьных времен, знакомой Лены и по пути купили букет любимых ею белых астр... Ну, рассказывать дальше?

Теперь он вспомнил. Был сильный гололед, на дорогах страшные пробки, в которых они проторчали не меньше часа, а когда, наконец, очутились на месте, то было поздно: все давно уехали на кладбище. Потоптавшись на лестничной площадке у закрытой двери, они собрались уже отправиться восвояси, но тут подошла еще одна опоздавшая – невысокая, плотная, розовощекая женщина средних лет в добротной черной шубке и меховой шапочке. В руках у нее тоже – роскошные белые астры. Естественно, огорченные они спустились втроем в подъезд. Ника стала искать урну, чтобы бросить туда букет. Женщина возмутилась: разве можно такие красивые цветы выбрасывать? Попросила, чтобы Ника отдала ей, будут, дескать, стоять дома, как память об ушедшей подруге. Ника попыталась объяснить, что так нельзя, что при покупке в цветы было заложено предназначение – сопровождать в последний путь Лену и потому... Но женщина настаивала на своем, называя все это предрассудками. В конце концов, Ника сдалась...

– И вот представь, мне сказали, что она умерла. Очень жаль, конечно... – Ника помедлила, словно переживая заново печальную весть. – У иных людей, словно спрямленные извилины в голове, никак не хотят верить в сложность, взаимосвязанность и взаимозависимость всего, что окружает нас в мире. Случайное – это бусинки в ожерелье закономерности. Игнори-

руя это, можно оказаться за бортом жизни... Но меня мучает другое. Не зря ли я предупредила ту женщину о беде, которая исходит от купленных для похорон цветов? Ведь в словах тоже еще та энергетика, особенно, если на них зациклиться...

«Это уж точно, – согласился про себя Олег. – Еще важно, кем и как произнесено. У Ники слова и на камне дадут всходы. Сам испытал, взять хотя бы сказанное об Игоре. Прилипло так, что не отлепить. Хоть смейся, хоть плачь. Ничего, как-нибудь справлюсь, одолею. Мужик он толковый, явно на главного положительного героя рассказа тянет...» Только подумал – а в душе опять суета сомнений...

– Ты правильно поступила, – сказал он. – Лучше предупредить о возможной неприятности, если ты в ней уверена, чем промолчать, утаить. Так что не казни себя напрасно.

Вскоре ему стали звонить соотечественники из Бельгии. Первым был Павел Лиходеев, тот самый, который еще недавно (единственный из всех) сходу, даже не раздумывая, отверг все предложения Олега, назвав их бредовыми, подобно муссируемым перед этим, а потом развенчанным слухам о конце света. Теперь воинственный тон он сменил на обеспокоенно деловой, да еще проскальзывали в нем (или Олегу так хотелось?) нотки виноватости. В общем, Павел готов подписать контракт, но при условии, что финансы он переправит не в два приема, а в три, с оттяжкой на полгода.

Что ж, при подготовке и обсуждении проекта учитывались разные варианты, в том числе и подобные, поэтому Олег, сдержанно поблагодарив Лиходеева с принятием правильного решения, связал его с юристом «Вымпела» – в контракте следовало соблюсти все процессуальные тонкости. Потом были еще звонки от желающих обзавестись запасным пристанищем в Кыргызстане. Каждый из них выдвигал при этом свои просьбы, условия. Кто-то, собираясь сразу выплатить всю сумму, старался выторговать возможность выбора коттеджа в VIP-городке в зависимости от места его расположения; кому-то предлагаемая жилая площадь была слишком мала или, наоборот, велика; кого-то не устраивали сроки возведения жилья... Были и такие, кото-

рые смотрели дальше, на перспективы их жизни уже после переселения – а как будет с работой, школой и детским садом?.. Но самое главное, что почувствовал Олег во время всех этих столь разных по характеру переговоров, почувствовал и даже слегка проникся таким же настроением – была глубокая обеспокоенность, возникшая в душах нынешних клиентов «Вымпела». Она обозначалась не в словах, ибо словами-то как раз они и старались ее приглушить, она улавливалась в интонации, в том движении и выплеске мысли, что отражались на лицах собеседников и тут же становились заметны Олегу при разговоре по skype. С одной стороны, ему было жаль их, он уже начал переживать за них, с другой, испытывал удовлетворение от того, что написанное им сработало, заставило шевелиться, своевременно искать выход, реагировать на подступающую опасность.

«Все-таки прекрасно, думал он, когда удастся так ощутимо и зримо передать в коротком тексте всю трагическую мощь взбунтовавшейся стихии, что люди полностью поддаются под его влияние, у них резко меняются взгляды, они готовы следовать в том направлении, куда их поведут».

И, конечно же, он отдавал должное Игорю. Его товарищ сработал быстро и по-снайперски точно, сумев разместить текст там, где он был тут же прочитан и воспринят с абсолютной достоверностью. Что и говорить, молодец, в их тандеме он явно ведущий. И при этом не заносится, ведет себя так, будто все это для него обычное дело, дается ему легко, безо всяких усилий.

В ответ на Олегову похвалу Игорь, подписывая очередной договор, только хмыкал и загадочно улыбался. «То ли еще будет, от удивления до потрясения – один шаг», – казалось, говорил он.

Выкупленный в горах участок для VIP-городка быстро застраивался, уплотняясь за счет коттеджей новых и новых клиентов. Когда ручей желающих в случае потопа переселиться из Бельгии в Кыргызстан иссяк, Олег переключился на Австралию. Поскольку Игорь предварительно распространил там уже апробированный материал о надвигающейся катастрофе, соотечественники, с которыми связывался Олег, были куда сговорчивей. Они, как и их будущие соседи из Бельгии, ставили свои

условия, находили возможность проверять, насколько надежна фирма «Вымпел», но, в конце концов, подписывали контракт и вкладывали деньги в свой запасной аэродром.

– Ну, что, – сказал Игорь, ставя на стол свой сильно потертый по центру желтый портфель. Если синий джип он еще иногда обновлял, оставляя прежними лишь марку автомобиля и его цвет, то портфель оставался неизменным уже более десятка лет. – Итак, все уже идет точно по проложенным нами рельсам, безо всяких виляний и задержек. Формулировки в контрактах, заключенных «Вымпелом» с заказчиками и строителями, такие, что не дай бог кому-то из них нарушить договоренности с нами. Без штанов останутся. Вот, можешь просмотреть документы. – И он, вытащив из портфеля, положил перед Олегом толстую кипу бумаг.

– А зачем они мне? – удивился Олег. – Это твоя епархия. Веди уж до конца. Потом, если возникнет необходимость, мы кое-что уточним.

– Видишь ли, – Игорь, помявшись, в упор глянул на Олега. – Когда все отлажено, не нуждается в экстраординарных решениях, поступках, мне становится, я тебе откровенно скажу, скушно. Хочется чего-то новенького, эдакого... А с нашим проектом ты и сам дальше справишься. Понадобится – я в любой момент подъеду, объясню.

– Бросаешь на полпути, значит? – помрачнев, Олег поднялся из-за стола, подошел к Игорю и навис над ним глыбистым вопросительным знаком. – Чтобы я под занавес любой скандал на собственных нервах вытаскивал? Так, да? Правильно я тебя понял? Не думал, приятель, что ты поступишь со мной, как и с прежними своими компаньонами. А ведь предупреждали меня, предупреждали...

– Что ты городишь? Какие-такие мои прежние компаньоны? Или ты имеешь в виду тех, с кем я работал до этого над разными проектами? Во-первых, они сами рвались порулить, полагая, что без меня, коли не надо делиться, они сразу разбогатеют. А, во-вторых, там были долгосрочные проекты, где после каждого этапа ждал неизвестный поворот, а у нас с тобой все как на ладони – заключил контракт, построил, сдал жилье заказчику.

И все, точка. Фирма закрывается. Прибыль делится между нами, учредителями. Кстати, я хотел выйти из дела заранее и ограничить свой аппетит только половиной того, что будет мне причитаться в конце. А это – мы можем уже сейчас прикинуть – даст оставшемуся учредителю, то есть тебе, весьма солидный приварок. И чего ты артачишься?

Олег задумался. И правда, почему, собственно, он вскипел, набросился на Игоря, словно тот собирается умышленно подставить его? Засевшая в глубинах сознания боязнь быть обманутым, хотя он сотни раз пытался избавиться от нее, выпрыгнула наружу, будто кто-то нажал на невидимый рычаг, и вот она уже под самым ребром, то притаится, то ужалит, то притаится, то ужалит... Он даже сравнил себя с водителем машины, который, спускаясь по серпантинам горной дороги, всякий раз норовит спрямить свой путь. И едва не срывается за обочину.

– Допустим, Игорь, все так, как ты говоришь, – прервал Олег затянувшуюся паузу. – И все-таки прошу, прошу как товарища, давай вместе доведем дело до конца. Есть у меня предчувствие, будто не все настолько просто и отлажено в нашем предприятии, что можно расслабиться и опустить поводья.

– Ну, что ж, пусть будет по-твоему. – Собрав портфель, Игорь тоже поднялся, широкоплечий, подтянутый, с блуждающей по смуглому лицу улыбкой. Его, конечно, огорчил такой поворот разговора, но не настолько, чтобы фыркать и обострять отношения. Привычка попадать в острые ситуации вырабатывает в человеке маневренность, способность находить безболезненный выход. Игорь знал, что, даже согласившись с Олегом, оставшись для него опорой, он сумеет совладать и еще с одним авантурным проектом, который в последнее время не давал ему покоя.

То лето началось сразу, вдруг, прервав весну на полувздохе, не дав людям насладиться ее нежностью, полутонами, брожением соков, и медленным, торжественным выплеском почек. Вроде бы только вчера Олег проходил по тихим улочкам домой и наблюдал такое желанное и робкое, как первые шажки ребенка, вхождение в город весны, а буквально через неделю приро-

да словно взбесилась: крупная, сочная листва загустила кроны деревьев, вымахавшая по колено трава уже ждала косарей, в прифонтанных бассейнах парковой зоны плескались дети, а горожане искали спасение у кондиционеров. Обычно пронзительно белые вершины гор, которые в ясную погоду хорошо просматриваются из любой части города, стремительно темнели, словно язык огромного дракона жадно слизывал с них чистый снег. Уже к полудню над горами клубилось багровое марево, постепенно полностью поглощая все, включая солнце. Создавалось впечатление, что горы плавятся, и в какой-то момент вместо них пораженному взгляду откроется едва всхолмленная равнина.

Там, где заканчивалось строительство VIP-городка, протекавшая по ущелью река набрала силу, резко свернула в противоположную от него сторону и, протаранив скальный выступ, устремилась в долину по новому руслу. Когда Олег с Игорем узнали о мощном паводке, то тут же помчались в горы, чтобы на месте оценить обстановку. Увиденное их успокоило. Река бушевала на дне глубокого каньона, а сам высокий каменистый берег, на котором они стояли, находился метрах в ста от городка. После смены русла река и вовсе перестала угрожать их детищу. Территория городка была сплошь засажена соснами и елями. Теперь они решили укрепить деревьями и сам берег, и все пространство до него. Конечно, это будут дополнительные расходы, но красота и безопасность способны окупить любые затраты.

Двухэтажные коттеджи, построенные по альпийскому образцу, прекрасно вписывались в горный ландшафт. Внутри были соблюдены все требования избалованных западным сервисом клиентов. «Ей-богу, если кто-то откажется, заплатив отступные, я сам готов поселиться в любом из коттеджей», – сказал Игорь. «Да и мы с Никой в случае чего не против», – удовлетворенный осмотром, заявил Олег. Еще предстояли кое-какие работы по отделке фасадов, подводу коммуникаций, отсыпке дорог гравийным покрытием, но это были сущие мелочи по сравнению с тем, что сделано. Времени, как они прикидывали, оставалось у них достаточно.

Но однажды вечером Олегу позвонил его давний знакомый, знаменитый физик Абуталип Френкельштейн. Чувствова-

лось, он кипел, был разъярен, однако изо всех сил сдерживался, гасил свои эмоции, поскольку пока не разобрался до конца, кто же сыграл с ним злую шутку или, проще говоря, подставил его.

– Олег, помнишь, как года полтора тому назад ты заходил ко мне домой по делам своей фирмы «Вымпел»? – голос звучал глухо и напряженно.

– Еще бы! Визит к Нобелевскому лауреату помнится всю жизнь.

– Ну, ну... – буркнул Абуталип и продолжил: – Обстоятельства вынудили меня довольно долго находиться в космосе. Когда я вернулся, то узнал, что на ряде сайтов разных стран размещена под моим именем информация о предстоящем потопе. В ней дан совет срочно готовиться к переселению в горную местность. Это полностью совпадает с предметом того нашего разговора. Слог и стиль изложения явно не мой, скорее писательский. Ты понял, к чему я клоню?.. Правда, дальше произошло нечто странное. Мои коллеги поинтересовались у тех, кто поместил эту информацию, как она к ним попала и почему под ней мое имя. Оказалось, они получили материал, посланный с моей личной почты. Поэтому и подпись мою сохранили, ничуть не усомнившись. Я требую объяснения, Олег.

У Олега пересохло во рту, будто он был уличен в том, в чем не был виновен. Подозрения Абуталипа возмутили его. Использовать имя знаменитого ученого в корыстных целях... Абсурд да и только! Ему и в голову не могло такое прийти. И потом эти электронные игры...

– Я не хакер, чтобы взламывать твою почту, – сказал Олег. – Никогда не знался с хакерами и знаться не собираюсь. Так что ищи, пожалуйста, хищника в другом лесу.

– Но согласишься, – уже более миролюбиво возразил Абуталип, – слишком много совпадений, слишком много... Ладно. Рано или поздно тайное становится явным. Обманувший доверие сам бывает обманут. Жаль, что оставшееся у нас время из союзников спешно переходит в стан врагов.

Ох, уж эти намеки, недоговоренности! И ничего у него не уточнишь: весь туман – под занавес разговора. Повесил трубку, словно опять удалился в космос.

Олег сам стремился к многозначительности в концовках своих рассказов, чтобы не по авторской подсказке, а в результате собственных размышлений читатель сводил воедино линии сюжета, дорисовывал характеры, чтобы исходил он при этом из своего личного опыта, своего, а не навязанного автором представления о жизни. Совсем другое – реальность, то, с чем он сталкивался в повседневности. Тут его привлекали в беседах ясность формулировок и четкость позиции. Как, скажем, у Игоря... Вспомнил о приятеле, и в голове вдруг мелькнуло: а не он ли стоит за всем этим? Ведь Игорь заранее предупреждал, когда брал у Олега текст информации, что должен кое-что добавить... Вот он, вероятно, и добавил имя Френкельштейна. Но как ему удалось отправить текст, используя адрес электронной почты ученого?

И тут память, словно специально подкарауливая момент, услужливо подсунула Олегу недавнюю картинку, увиденную им через окно в кафе, где Игорь беседует с белокурой узколицей женщиной. Господи, да как же он сразу не догадался! Это же супруга Абуталипа! Но что их могло связывать, какие дела, какие интересы? Игорь ни разу даже не заикнулся о знакомстве с ней. А, впрочем, почему он должен был откровенничать? И все-таки, и все-таки... Весьма каверзная, щепетильная ситуация. Жаль, что Игорь неожиданно улетел в Петербург. Позвонить? Но это не телефонный разговор, придется подождать, когда он вернется. В общем-то, Олег пожалел, что в тот вечер отправился домой кружным путем, по тихим улочкам и стал случайным свидетелем встречи приятеля с женой ученого. Как говорится, избави Бог нас от знаний, которые обязывают погружаться в разбирательства, сулящие одни неприятности.

Меж тем жара распространилась повсюду. Таких высоких температур на планете не было за три века метеонаблюдений. Тысячелетиями дремавшие ледники таяли, словно карамелька за щекой ребенка. После жары, жадно и ненасытно пившей влагу, небеса разверзлись и обрушили на землю потоки дождя. Уровень воды в Мировом океане стал медленно и неуклонно повышаться. Первыми забили тревогу оппонирующие Абуталипу кли-

матологи, торопясь реабилитироваться за прежние успокоительные прогнозы. Ведь по их обещаниям глобальное потепление растянется на многие времена и обойдется без катастрофических последствий. Теперь они призывали власти приморских стран в авральном режиме сооружать повсеместно дамбы, чтобы хоть как-то уберечь сушу от нашествия воды.

По телевидению Олег ежедневно с волнением наблюдал, как растут панические настроения среди людей, оказавшихся в отчаянном положении. Пока морские, океанические воды еще бились о берега, не переступая ту черту, которую можно назвать порогом, пока оставалась хоть малейшая надежда, что эта лихая беда отсрочится, а то и вовсе угроза ее пойдет на убыль, охваченные беспокойством люди еще цеплялись за созданные блага, за житейские ценности. Но как только воды перехлестнули порог и двинулись дальше – ими овладел главный инстинкт – спастись, спастись во что бы то ни стало! Везде – в аэропортах, на железнодорожных и автовокзалах, на пристанях началось столпотворение. Люди брали штурмом самолеты, поезда, автобусы, теплоходы... Тысячи, десятки тысяч автомобилей застревали в многочасовых пробках, скапливались на таможенных постах.

Слава Богу, думал Олег, что клиенты «Вымпела» поступили предусмотрительно, покинув заранее зону предстоящего затопления. Хоть и добираются они сюда разным транспортом, но все они уже на подлете, на подъезде. Сотрудники фирмы, да и сам он, уже приготовились к встрече, чтобы после оформления кое-каких формальностей отправить их в VIP-городок. Игорь уже там, обеспечивает достойный прием в большом зале гостевого дома, который они решили на равных паях оставить для себя. Против этого даже Ника не стала возражать. В ней вдруг открылись способности к иностранным языкам, и она решила совершенствовать их в общении с будущими хозяевами коттеджей. Единственное ее условие: им с Олегом достанется второй этаж с отдельным входом, где они могут находиться автономно, пересекаясь с Игорем лишь по необходимости. Она постоянно интересовалась у мужа, как идет строительство жилья для бегущих от воды, естественно, высказывала недовольство по разным поводам, но, в конце концов, оттаяла и вроде бы поверила, что проект «Вымпела» скорее всего удачен.

Кстати, когда Игорь вернулся из Петербурга, Олег попытался прижать его к стенке.

– Разве так поступают товарищи? Как ты мог поставить подпись Френкельштейна без его ведома? Эх, Игорь, ты меня очень, очень подвел. Врезал-то он мне, крепко врезал. Словно пацана отчитал. Он еще не знает, что ты встречался с его женой, и она помогла тебе воспользоваться его личной электронной почтой. Или у вас, если речь идет о бизнесе, этические нормы вообще летят кувырком, а совесть впадает в спячку, как медведь зимой?

– Ну, во-первых, милый мой, бизнес, как и революции, в белых перчатках не делают. А, во-вторых, разве сам ученый не подтвердил в разговоре с тобой о грядущей опасности?

– Подтвердить-то подтвердил, но в какой форме... – стал терять наступательность Олег.

– К черту формы! В данном случае мы не столько зарабатываем, сколько стараемся помочь людям. Пусть это капля в море, я понимаю, но лучше хоть что-то, чем ничего. И ради жизни двухсот человек, которые к нам приедут, я готов поступиться многим. Почему-то любой путь к серьезному делу непременно начерчен зигзагами, окольными путями, вот мне и приходится порой что-то нарушить, согрешить, чтобы затем идти напрямиком, не теряя времени. А уж покаяться, поверь, я успею.

В дебрях такого спора если и не заблудишься, то легко можешь потерять ориентир. В который раз Олег убедился, что оценивать те или иные поступки, действия в разных обстоятельствах следует по-разному. Нет чисто белого или чисто черного на все случаи жизни. Он и не оправдывал Игоря, но и не осуждал.

– Скажи, а часто ли ты задумывался над тем, – спросил Олег, – что таким образом легко скатиться к пресловутому: «Для достижения цели любые средства хороши»?

– Видишь ли, я не травоядный, чтобы медленно есть и долго пережевывать, я с головой окунаюсь в реальность и, наслаждаясь, глотаю ее большими кусками. Тут уж не до нюансов. Бывает, и поперхнешься. Вот тогда задумываюсь.

Олег приехал в аэропорт встречать большую группу клиентов «Вымпела», прилетающих из Бельгии. Расписание прибытия и убытия самолетов за последние дни резко уплотнилось, как уплотняются слова на листе, когда бумаги в обрез. Авиадиспетчеры, издерганные внезапно свалившейся перегрузкой, едва успевали давать команды на взлет и посадку, а иные из лайнеров десятки минут упрямо кружили над полем аэродрома, дожидаясь разрешения приземлиться.

Напряженная, нервная обстановка царила и в пронизанном солнцем зале аэропорта. Шум, гам, вскрики радости и отчаяния, смех и слезы – все перемешалось, бурлило, как забродившее вино в огромной бутылке.

Олег впитывал в себя окружающую атмосферу, цепко всматривался в искаженные страстями лица, вслушивался в возбужденные, то гневные, то восторженные, голоса, чтобы потом передать эту картину в финальной сцене рассказа. Господи, думал он, насколько реальность оказалась насыщенной, страшней того, что представлялось ему в самом начале, когда только замысливался проект, насколько перед неодолимою мощью природы, водной стихии кажутся мелкими, ничтожными человеческие стремления к богатству, успеху, преуспеянию. Возможно, природные катаклизмы специально насылаются небом, чтобы люди одумались, перестали гоняться за фальшивыми ценностями, обрели устойчивую веру в свое истинное предназначение.

Ему почему-то вспомнились слова Френкельштейна о том, что все в природе тяготеет к равновесию, что все в ней взаимосвязано, как в человеке...

– Смотрите, – воскликнул стоящий рядом горбоносый мужчина в ковбойской шляпе, – какое к нам в гости заявилось чудище! Уж не инопланетяне ли на запах жаренного пожаловали?

Сквозь стеклянную стену аэровокзала прекрасно просматривалась вся необъятная ширь сизого ветреного неба, лишь далеко на юге ограниченного горами. Там, над городом, куда не залетали обычно самолеты, парил странный куполообразный объект с раскинутыми крылами. Олег сразу узнал в нем обитель Френкельштейна.

«Легко на помине, – мелькнуло в голове, – и с чего это он вдруг?..»

Сильный толчок снизу встряхнул аэровокзал, Олег ударился плечом о стекло, а после второго толчка неуклюже повалился на горбоносого. Истошно воя и нещадно давя друг друга, люди устремились из зала на улицу...

ЛЕДОВОЕ ЧУДО

Полноликая, яркая, до рези в глазах, луна, задержавшись меж хребтов-исполинов, окрашивала заснеженное пространство вокруг в таинственные серебристые тона. Даль охватывалась взглядом легко, до самых горных окраин, зато вблизи рельеф размывался, словно припорошенный туманом, и скрадывались все неровности покрытых снегом окрестных склонов, будто смятая белоснежная скатерть, разглаженная горячим утюгом.

– Вон, смотри, лыжник поднимается! – взмахом руки Ника показала на движущую вверх черную фигуру с рюкзаком и лыжами на плечах. – Ох, как, наверное, раздольно будет ему спускаться в этом пустынном царстве снега и лунного света.

– Если на первых ста метрах он шею не сломает, – разрушил поэтическую идиллию жены Олег. – Мне доводилось, и не раз, испытывать это на себе. Разрыв мениска и ушиб плеча – таков итог лунной сказки. Цена за удовольствие выше самого удовольствия. Это как бег с препятствиями, когда их не видно. А вот здесь, – он обвел глазами место, где они находились, – вечерами можно кататься свободно, расслабившись, без неприятных последствий. – Сильный толчок боковой плоскостью конька от бортика – и Олег заскользил по матовой глади ледового круга.

Каток, освещенный не столько луной, сколько электросветильниками, прилепился к боку круто срезанного склона горы. Отсюда открывался потрясающий вид на окрестности – то пологие, с разбросанными по белой поверхности темными силуэтами елей и можжевельника, то вздыбленные, уходящие в тихое звездное небо. Чуть ниже пребывал в зимней спячке большой дачный поселок, лишь в редких его домах временами тепли-

лась жизнь. Тут же была дача Олега и Ники. Приехав из города вечером, после работы, они затопили печку, и пока остывшая за неделю комната прогревалась, отправились на каток. Благо, купленные недавно ботинки с коньками так и оставались лежать в уютном чреве багажника.

В выходные дни каток густо заполняется приезжим из города людом. Пусть лед здесь шероховат, а кое-где и с царапинами, но все искупает чистейший горный воздух. Надышишься им всласть, и потом уже загазованная сверх меры атмосфера столицы тебе нипочем. В остальное время каток пустует, на нем резвится лишь малочисленная местная ребятня: дети дачных сторожей и рабочих лесхоза, что расположился на противоположном от дач берегу реки Ала-Арча.

Третий четверг подряд Олегу с Никой удавалось выскакать сюда с ночевкой, закончив дела в редакции пораньше. Олег со студенческих, а Ника со школьных лет, еще когда футбольное поле стадиона «Спартак» превращалось зимой в каток, не становились на коньки. Сколько зим с тех пор, вздыхали они, пролетело, промелькнуло, если учесть, что внуки уже старшекласники! А тут на тебе – в изголовье их любимой горнолыжной базы «Политех», на трассах которой они катались уже много лет, разровняли пяточок земли и с первыми морозами стали заливать его водой. И что-то екнуло, встрепенулось в них, и захотелось, как в юности, мчаться по льду, не зная усталости, выписывать хотя бы простенькие фигуры и, главное, еще полнее ощутить радость бытия и родство своих душ.

Олегу казалось, будто мышцы сразу вспомнят до мельчайших подробностей все, что ему с легкостью удавалось когда-то. Черта с два! Коньки не слушались, самовольно выкатывали вперед, норовя вырваться из-под ног и обрушить отстающее тело. Сперва он частенько терял равновесие, падал, упрямо поднимался, снова падал. Пока, наконец, не уловил, в чем причина. У него по инерции плечи уходили назад, а надо бы держать их вровень с носками ботинок. Попробовал – все пошло как по маслу. Лучшим ориентиром была Ника. Она как-то враз овладела коньками, словно заключив с ними негласный договор, и спокойно, без вихляний и приземлений, ходила круг за кругом. Черная ветровка поверх красного свитера и белая вяза-

ная шапочка – все сидело на ней ладно, подчеркивая и высокую стройную фигуру, и свежий загар лица. Ее равномерные движения напоминали бег цветной минутной стрелки на большом светящемся циферблате часов.

У Олега, когда к нему наконец-то вернулось чувство устойчивости на льду, стремительные порывы перемежались с угасающими. Он то обгонял Нику, то ненадолго отставал от нее, то опять на круг или два опережал ее. О том, чтобы кататься рядом, взявшись за руки, как хотели они вначале, пока не могло быть и речи. Прежде, чем приладиться к другому, нужно приладиться к самому себе. Вот они и катались, прислушиваясь к своим ощущениям, улыбаясь и помахивая друг другу рукой, когда пути их пересекались.

В какой-то момент Олег остановился и стал с интересом наблюдать, как постепенно наращивает темп Ника. В ее скольжении все больше чувствовалась уверенность и азарт. Пока, думал он, ей не хватает грациозности, изящности, что свойственно ее походке и чем выделяется она обычно среди женщин, но еще немного – и это придет. Его всегда поражало, насколько быстро Ника овладевает всем, за что берется, к чему, даже мимоходом, потянет ее душа.

– В тебе живет цепкая приспособляемость перелетной птицы, – говорил он, когда в очередной раз замечал, как безо всяких усилий Ника осваивает новую квартиру или новое для нее дело.

– Из меня сотворили кочевницу, – смеялась Ника, обнажая крупные блестящие зубы. – Отец был военным, мы чуть ли не каждый год переезжали с места на место. Все менялось – жилье, школа, подруги, знакомые... Потом, кстати, в моей жизни тоже сплошь были метания, перемены. Как выживешь без адаптации? Хотя по натуре я домоседка и больше всего ценю постоянство. Ты же знаешь, для меня поэзия, наш с тобой дом – это все. Здесь мои корни и крона.

Заметив, что Олег остановился и зачарованно смотрит на нее, Ника устремилась в его сторону, ничуть не сбавляя скорости. В нем и без того хватало шири и выси, а тут еще пуховая куртка да коньки добавили. Ей он напоминал надежную скалу, которая все выдержит. И она мчалась прямо на него, сияющая, восторженная, как мчит яхта к своему причалу.

Полагая, что перед ним она непременно свернет, затормозит, Олег даже не попытался подготовиться к такой стремительной встрече. Ждал ее, любовался ее стремительным скольжением. И когда Ника на полном ходу врезалась в него, он от неожиданности сам едва не упал, настолько сильным был толчок. Удержавшись на ногах, он все-таки откатился на несколько метров. А с Никой случилось самое худшее. Коньки продолжали ехать вперед, а она со всего размаха полетела спиной вниз и крепко стукнулась головой о лед. Раздался резкий гулкий звук, какой бывает при падении твердого, еще зеленоватого арбуза на подсохшую землю.

Все произошло настолько внезапно и быстро, что Олег даже не успел испугаться. Подъехав и опустившись перед Никой на корточки, он безуспешно пытался поднять ее. Мешали расплывающиеся под ним коньки. Сама она даже не шевельнулась. Ее тело по-прежнему безвольно лежало на льду: руки широко раскинуты, глаза плотно закрыты. Но вот веки, чуточку дрогнув, приподнялись, и в Олега уставился мутноватый, блуждающий взгляд жены. Совершенно бессмысленный, потусторонний взгляд. Ему стало страшно. Травма была очень серьезной.

Кликнув хозяина катка Бакыта, Олег с его помощью перенес Нику на скамейку для отдыхающих, усадил ее поудобней и закутал в меховое одеяло, услужливо предоставленное тем же Бакытом.

– Где мы находимся? – хриловатым голосом, как-то безучастно произнесла, наконец, она.

– На катке, возле нашей дачи.

– А почему? Что нам здесь надо?

– Мы с тобой катались на коньках, а потом ты упала, – Олег разговаривал с ней тоном взрослого с ребенком.

Ника боязливо озиралась по сторонам, блики луны плясали на ее как-то вмиг осунувшемся лице, расширившиеся зрачки всматривались в окружающиеся предметы, но, казалось, не замечали их. Спустя какое-то время она опять спросила:

– Где мы находимся?

Отвечая ей, Олег лихорадочно соображал, что же ему предпринять? Везти Нику в больницу? Однако ночью можно нарваться на такого врача, что потом всю жизнь будешь клясть себя

последними словами. К тому же тряская, в ухабах и наледях, дорога только усугубит ее состояние. Но и бездействовать, уповать, что все само собой образуется, тоже рискованно. Меж тем Ника уже в третий раз стала задавать одни и те же вопросы.

Олег поднялся.

– Вставай, – и протянул ей руку. – Поедем на дачу, переночуем, а рано утром отправимся в город.

– Нет! – вдруг решительно заявила она, сбрасывая одеяло. – Я должна сейчас хотя бы круг прокатиться. Иначе придется навсегда распрощаться с коньками.

– Что за ерунда! При твоём самочувствии необходим постельный режим. Неужели тебе это не ясно?

– Ты сам мне говорил, как поступают в подобных случаях. – Она медленно заскользила к середине катка. Олег последовал за ней.

А ведь действительно, вспомнилось ему, так оно и было, он действительно когда-то рассказывал ей любопытный эпизод из своих занятий гимнастикой. Прыгая сальто вперед, он не докрутил четверть оборота и буквально воткнулся головой в расстеленный на полу мат. Едва очнулся, еще перед глазами все плывет, а тренер вместо охов и ахов тут же заставил его снова прыгать. Не сделаешь, дескать, этого, страх навсегда поселится в теле, потом его ничем не вытравишь, не одолеешь.

Если после такой травмы, которую Ника только что получила, память подсказывает ей, как нужно поступить в данный момент, значит, не так уж плохи ее дела, с облегчением подумал Олег.

На даче он напоил ее горячим чаем с медом и уложил спать. Еще находясь на грани сна и яви, она вдруг спросила:

– А лыжник по лунной трассе... С ним все нормально?

– Красиво съехал, – не сразу нашелся Олег, который и видеть не видел спуска того лыжника.

– Ну, вот, а ты боялся, – сладко зевнув, улыбнулась она.

Утром, когда Олег заторопился в город, чтобы показать ее хорошему врачу, Ника вспылила:

– Ты с ума сошел! Ни о каком враче и речи быть не может! Всюду тебе мерещатся страхи. Если после каждого падения

бежать в больницу, надо сразу перечеркнуть сразу все – и лыжи, и коньки, и горы вообще. Я в порядке, и больше, прошу, не будем к этому возвращаться.

Она была великолепна в своем гневе: черные глаза сверкают, на щеках сквозь зимний загар проступил румянец, нос победно вздернут, голова откинута назад... Больной человек, даже рассердившись, не в силах вот так преобразиться, вспыхивать, он лишь тлеет, чадит.

– Придется твою белую шапочку экспроприировать для семейного музея, – сказал Олег.

– Это еще почему?

– Она помогла сохранить тебя в прежнем пылком обличи, а еще – сберечь талантливого поэта. Разве этого мало для музейного экспоната? Кстати, ты обещала подготовить в журнал подборку новых стихов. Номер уже на выходе. Когда порадуешь?

По лицу Ники, словно тень, промелькнула растерянность. Трудно было понять, то ли она забыла о данном обещании, то ли не укладывается в срок.

– Если через неделю, устроит? – помолчав, спросила она.

– Вполне.

Но ни через неделю, ни через полторы Олег так и не получил от Ники стихов. Приходя вечерами домой и поужинав, она уединялась в своей маленькой уютной комнате, одну стену которой занимал стеллаж с книгами, а другую – огромное окно, в которое по весне ломилась буйная фиолетовая сирень. Обстановка этой комнаты, в отличие от других, была спартанской. Письменный стол с компьютером, топчан, смастеренный Олегом на заре их совместной жизни, и старенький трельяж, помнящий Нику еще розовощекой, с длинной косой. Олегу было неизвестно, чем она там занимается. Каждый в квартире имел свое, сугубо личное пространство, проще говоря, творческую мастерскую, куда ходить другому было позволительно только по приглашению. Когда же Олег, наконец, заинтересовался, как же все-таки обстоят дела с ее стихами для журнала, время-то припирает к стенке, Ника только вздохнула и сокрушенно развела руками.

– Извини, я взамен подготовила весьма неплохую подборку нашего молодого автора. А свою уж как-нибудь в следующий раз.

Такого еще не бывало. «Порывы вдохновения минуют лишь того, кто или их не достоин, или исчерпал себя до донышка», – обычно говорили она коллегам по перу, ссылавшимся на творческий застой. Что же произошло с ней самой? Олег терялся в догадках. Судя по тому недоумению, что таилось в глазах Ники, она тоже не могла этого объяснить. Ну, ладно, если происки небес мимолетны, случайны, и никин поэтический дар вскоре вернется к ней. А если нет? Что будет тогда? Личная, а, значит, и семейная драма, трагедия? В одном Олег не сомневался: причина всего этого крылась в падении жены, в ударе головой о лед. Кто знает, что и насколько там нарушилось, а то, не дай бог, и разрушилось. Поэзия поэзией, но ведь последствия бывают и пострашней. Говорить ей о необходимости показаться врачам бесполезно. Если она от чего-то отказывалась, то ее не переубедить. Взорвется – и любые добрые намерения полетят ключьями. Другое дело, когда до этого доходит, созрев, сама. Улетевшее в трубу время компенсируется энергией ее безусловной веры в успех.

Постепенно Олег стал замечать, как сквозь первоначальную растерянность Ники, точно солнечные брызги сквозь тучку, все чаще прорываются всплески эдакого озорства, загадочной веселости. Ага, решил он, знать лихо нас миновало.

– Ну что, все в порядке, уже пишется? Может, что-нибудь считаешь?

– Увы, Олежек, увы... – в голосе еще хмарь, а взгляд пристальный, с хитринкой.

– Странно, а мне показалось...

– «Наш мир иллюзий сказочно богат и не чета ему все краски серых буден»... Ты не помнишь, чьи это строки?

– Как же не помнить... Твои, дорогая, из нашумевшей поэмы «Миф о Мефистофеле». По ней даже спектакль в театре собирались ставить.

– Ах, да, – как-то вяло, будто из деликатности, согласилась Ника, хотя в мелодии стиха ей чудилось что-то чуждое, далекое от нее самой.

Тем временем зима стала слабеть, снег в городе давно сошел, обнажились и окрестные холмы. Подступал к закату гор-

нолыжный сезон. Даже трассы на северных склонах дальних гор побурели, по утрам похрустывали ледком и, словно веснушки, на них появились проталины. Олег и Ника, едва освобождаясь от неотложных дел какой-нибудь денек, мчались на базу «Политех». Накатывались так, что ноги гудели, будто провода под высоким напряжением. Но настала пора, и Олег сказал:

– Все, зачехляем лыжи, пусть отдохнут до новой зимы.

– А, может, еще разок?

Однако Олег был непреклонен: надо вовремя остановиться, чтобы не испортить впечатление от всего минувшего сезона. Каток поплыл еще раньше, не выдержав напора тепла. Теперь зимнее снаряжение полностью отправлялось на хранение в гараж. Забросив Нику домой, Олег занялся тем, что привел в порядок лыжи и коньки, которым предстоял долгий отдых, аккуратно сложил их на специальных стеллажах.

Ужинать он предпочитал в зале, просматривая одновременно программу местных теленовостей. К приходу Олега стол был накрыт; его ноздри жадно уловили запахи, который источали дунганский лагман и салат из цветной капусты, обильно сдобренные всякими пряностями. Готовить Ника была еще та мастерица. Прежде, чем приступить к вожделенному ужину, он собрался включить телевизор, но внезапно остановился на полпути и замер. Его взгляд приковала висящая на боковой стене небольшая картина, при входе в комнату им даже не замеченная. В ней была такая магнетическая сила, что она сразу и без остатка брала в полон, едва окажешься в зоне ее действия.

Полная, багрово-красная луна плыла по ночному небу, перечеркнутому на горизонте горными вершинами. Все ближайшие склоны гор были облиты серебром красноватого оттенка с редким вкраплением темных силуэтов ели и арчи. Почти от самой верхней кромки картины и донизу вольными волнами ниспадала заснеженная трасса, по которой широкими дугами спускался лыжник в ярко синем комбинезоне с надвинутым на лоб козырьком черной шапочки. Легко и плавно входя в поворот, он не таил испытываемого им наслаждения от единства со стихией. Оно угадывалось и в удивленно распахнутых глазах, и в стремительности движений. Снежная пыль взлетала из-под лыж и застывала позади него облачком в холодном лунном свечении.

Олег почувствовал себя не в комнате, где находился, а там, на склоне, почувствовал себя тем самым лыжником, что несется вниз, сливаясь с окружающим призрачным миром. Встречный ветер пощипывает щеки морозцем, ноги сами собой, без малейших усилий, будто все видя и все замечая, то лавируют меж буграми, то воспаряют над ними. Восторг, неопишное блаженство наполняют его до краев, и, кажется, поселяются в нем насовсем.

– Ну, как, нравится? – словно сквозь вату, донесся до Олега голос Ники.

– Очень, – медленно приходя в себя, произнес он. – Потрясающе! А откуда у нас эта картина? Кто автор?

– Догадайся, – она стояла рядом с ним и улыбалась.

– Неужели... – он подозрительно окинул ее взглядом. – Не может быть! Это картина большого мастера. А ты, насколько я знаю, вообще никогда не рисовала. Тем более маслом. Так что не морочь мне голову.

Ника продолжала загадочно улыбаться. Ее несколько не задели последние слова Олега. Главное, то впечатление, которое произвела на него картина.

– Садись за стол. Твой любимый лагман остынет.

Он отошел было от картины, но тут же снова вернулся.

– Хотя, – размышлял он вслух, – никто, кроме нас, ту поразительную лунную ночь с лыжником не видел. Или ты заказала этот сюжет какому-нибудь крупному мастеру? Впрочем, нет, я не представляю, чтобы кто-либо из наших именитых художников владел такой колдовской кистью. Именно колдовской. Я сегодня накатался так, что ноги еле держали. Да еще и с этим лыжником, – он мотнул головой на трассу в лунном серебре, – спускался. А постоял возле картины – и усталость исчезла, в теле свежесть и легкость, будто заново родился.

– Но аппетит, надеюсь, не пропал? А то иные картины и такую реакцию вызывают.

– Вот этого ты не дождешься, – сказал Олег, усаживаясь за стол.

Мысль о том, кто же написал такую необычайную картину, и как она очутилась в их доме, по-прежнему неотступно занимала его. И когда после ужина он стал донимать Нику этими воп-

росами, та с молчаливым достоинством, свойственным некоторым ее поступкам, пригласила Олега в свою комнату-мастерскую, куда давненько ему не было доступа. Переступив порог, он ахнул. Почти вся стена над письменным столом с компьютером была увешена этюдами к «Лунному лыжнику» – в основном, на картонках, безо всяких рамок, прибитых к стене неумелой женской рукой. Рядом вкривь и вкось лепились этюды с «Иссык-Кульским рыбаком», а сама эта картина, еще не законченная, покоилась на мольберте.

Высокий каменистый берег, углом входящий в залив, венчала фигура рыбака с удочкой. Он удил рыбу, и море, раскинувшееся во всю ширь до самого горизонта, обнимало его почти со всех сторон. Поверхность моря ходила крупной чешуей сизой ряби, посверкивающей иногда в предзакатных лучах солнца. Небо превратилось в кочевье светло серых облаков, на боках которых алели солнечные пятна... Картина напоминала артиста, вышедшего на сцену не на премьере, а во время генеральной репетиции, когда зоркий глаз режиссера еще что-то заметит, что-то подправит...

И Олега вдруг осенило. Свыше совершена равноценная замена. Поэт в Нике уступил место художнику. Но не ушел прочь, бесследно, а растворился в нем, добавив кисти возможности слова. Может быть, поэтому столь ошеломительно подействовал на него «Лунный лыжник». Слава Богу, все тогдашние переживания, связанные и с падением Ники на катке, и с потерей творческого дара, оказались напрасны.

– Поздравляю! – он обнял жену. – Это просто чудо.

Лицо ее просияло. Муж обычно не слишком-то был щедр на похвалу.

– Признайся, – отстраняясь и слегка щурясь, она посмотрела на него. – А ведь ты боялся потерять меня?

– Еще как! – согласился Олег.

Поэты весьма нетерпеливы в ожидании оценки плодов своего творчества. Температура горения в поэзии слишком высока, чтобы обходиться без постоянной подпитки читательских мнений – своеобразного топлива поэтического дара. Им сразу, едва выплеснутся наружу стихи, нужна аудитория, лучше – ог-

ромная, со множеством устремленных на них горящих глаз, пылающих интересом лиц, аудитория, со страстью внимающая каждому их слову. В обществе гаснущего интереса к стихам, как в вакууме, в первую очередь страдает, гибнет истинная поэзия. Попробуйте полностью лишиться мужского внимания божественно красивую женщину, и она быстро превратится в дурнушку, а то и вовсе покинет сей неприветливый мир.

И вот эту нетерпеливость, характерную для ее творчества, как поэта, Ника привнесла теперь и в свой труд живописца. Ей нужно, необходимо было знать сегодня, сейчас, какое впечатление произведут на публику написанные ею картины. Она выставляла на своем сайте в Интернете сначала «Лунного лыжника», а затем, после тщательной доработки, «Иссык-кульского рыбака». Отклики были разноречивы. Почитатели Никиных стихов, а их было большинство, не скрывали восторга. Их кумир и здесь достигла небывалых высот, подтвердив, что талантливый человек талантлив во всем. Совсем с иных позиций высказывались искусствоведы. Судить по двум картинам о художнике – это все равно, что по плодам двух деревьев судить о возможностях целого сада. Да и в этих картинах многое, дескать, небезупречно. Оно и понятно: впервые взявшись за кисть, не достигнешь совершенства.

Прочитав почту, Ника расстроилась. Когда Олегу, заставшему ее в слезах, она рассказала, какой страшный ей нанесен удар, он даже слегка развеселился. И что за торопыжка у него жена? Зачем свои картины размещать в Интернете, который выхолащивает главное, чем они ценны? Ведь это кастрат, каких поискать. Сеть лишила их магнетизма, души, без чего они выглядят чуть ли не рядовыми. Трудно представить в Интернете, скажем, такие знаменитые полотна, как «Лунная ночь на Днепре» Архипа Куинджи или «Над вечным покоем» Исаака Левитана. Разве они пробудят то богатство поэтических ассоциаций, те тончайшие настроения от увиденных пейзажей, что, несомненно, вызывают сами оригиналы? Конечно, у Ники совершенно другой подход, другая манера живописи. Но... Воздействие-то потрясающее! Смотришь на картину и одновременно находишься словно бы внутри нее, отсюда и ощущения соответствующие.

Вскоре Олег пригласил домой известного в республике искусствоведа Болота Жунусова, маленького росточка, с полуседой козлиной бородкой, блестящим голым черепом и умным внимательным взглядом. Тот потоптался возле одной картины, потоптался возле другой, изучающе посмотрел на Нику, отчего у нее мурашки побежали по коже, и сказал:

– Замах очень серьезный и обнадеживающий. С подобным я еще не сталкивался. Вы что, действительно никогда не брали кисть в руки? – Ника отрицательно помотала головой. – Надо обдумать, потом я позвоню, – и, отказавшись от чая, быстро ушел.

Через два дня он сообщил, что договорился о проведении осенью выставки картин Ники Савельевой в Музее изобразительных искусств. К этому времени ей надо написать хотя бы двадцать-тридцать работ. Об остальном пусть не беспокоится, рекламу и всю организационную часть он берет на себя. Но пока – никакого показа картин, никаких интервью, все держится в секрете.

Жунусов слыл авторитетом в Союзе художников, только истинные таланты получали его поддержку. Ника ликовала, летала от радости. Перепады настроения у нее сродни катанию на американских горках. Теперь она дневала и ночевала в мастерской, перегрузив на мужа те заботы, которые можно было перегрузить. Сюжеты рождались быстро, словно падали с неба. Да и писала она картины столь же стремительно, как в свое время – стихи. Правда, стихи слагались везде, где бы она ни находилась – в поезде, машине, самолете, спальне. Живопись привязывала ее к мольберту, с которым особо не разгуляешься.

Почитатели ее талантов требовали, умоляли выставить на сайте новые стихи, картины. Но Ника, стиснув зубы и гордясь своей выдержкой, безмолвствовала. Только Олег допускался к просмотру того, что она сотворила. Кроме ободряющих похвал, ей нередко доводилось слышать и дельные замечания. В ту пору она, еще не одурманенная лестью окружающих, с удовольствием внимала всему, что шло на пользу ее полотнам.

Выставка проводилась в малом зале Музея изобразительных искусств. Жунусов заверил, что это сделано им специально. Внимание посетителей не будет рассеиваться в простран-

стве, а сфокусируется именно на картинах. Публика приглашена элитная, не привыкшая тонуть в массовках, и здесь ей будет гораздо комфортней. Да и пресса в такой обстановке заведомо настроена благожелательно. А то, что все они здесь увидят, окончательно покорит их. Сам Жунусов не высказывал больше своего мнения, не давал оценок. Но когда он прицельно всматривался в картины, то отдаляясь, то приближаясь к ним, его темные глаза полыхали огнем.

И все-таки Ника не ожидала, что выставка столь сильно подействует на зрителей. Поначалу вальяжные, шумные, привыкшие обо всем судить сразу и свысока, они вскоре приумолкли, погрузились в себя и медленно потекли вдоль музейных стен; порой кто-то из них надолго застывал возле какого-либо полотна, с трудом отрывался, задумчиво двигался дальше. Раздавались восторженные восклицания, тихий говор, который тут же прерывался, потому что очередная картина, подобно омуту, поглощала целиком. Что-то неуловимо менялось в людях – во взгляде, облике, походке. Слово они прошли полный курс некой сказочной физио-духовной терапии. Трудно сказать, надолго ли этого им хватит, но из зала выходила другая публика.

Толпа журналистов, раздираемых любопытством, осаждала Нику, а заодно и Жунусова, стараясь выпытать, как же так получилось, что знаменитый поэт ни с того, ни с сего вдруг взялся за кисть и сразу создал такие чудесные полотна? Чем вызван такой поворот? И, главное, откуда в ее картинах эта непостижимая притягательность, эта способность завораживать зрителя, погружать его в глубины сюжета, давать ему возможность почувствовать, будто бы он сам побывал внутри творения художника? Как, с помощью чего ей это удается? Кто тот мастер, что открыл для нее сии таинства изображения?

Ника только улыбалась, пожимала плечами и возводила глаза вверх: все, мол, оттуда. Правда, не преминула в общих чертах рассказать о случае, произошедшем с ней на горном катке. Единственное последствие – вот она, выставка. Стихи? Да, она продолжает писать, но пока в стол. Увы, обе музы требуют внимания, но нельзя чего-то достигнуть без ущерба для одной из них. Временного, она надеется, ущерба. Весьма кратко высказался и Жунусов. Художественная манера Ники настолько

удивительна, оригинальна, что требует особого изучения и осмысления. Ничего более необычного, волшебного он пока в современном изобразительном искусстве не встречал.

Стоя неподалеку, возле прикрывавшей его колонны, Олег со смешанным чувством радости и тревоги наблюдал за царившей возле Ники суетой. Все-таки здорово, что к выставке проявлен такой неподдельный интерес, наверняка он будет только нарастать. Все, что не укладывается в привычные представления об искусстве, что таит в себе загадку, что нам пока не дано ни понять, ни объяснить, все это притягивает людей, склонных верить в мистическую суть сокрытых от глаз явлений. Да и сама Ника, став художником, вряд ли осознает возможности своего таланта, и, конечно, не знает, кто и когда водит ее руку с кистью – бог или дьявол. Олега беспокоило, не скажется ли присутствующая высоким дарованиям шизоидность на повседневной реальности, усложняя, заморачивая ее отношения с окружающими, в том числе и с ним? И что это вообще – либо болезнь, проявленная в таланте, либо талант, требующий подпитки от болезни и развивающий ее?

Газеты и телевидение выплеснули на свою аудиторию, прежде всего, то, что считали сенсационным. От картин веет колдовством, они втягивают зрителя вовнутрь изображенного мира, заставляют жить его жизнью. Никому не ведомо, даже бывалым знатокам искусства, как, с помощью каких выразительных средств автору удалось этого достичь. Да и сама Ника Савельева, известная еще недавно только как замечательный поэт, лишь разводит руками и многозначительно кивает на небо. Оказывается, она каталась на высокогорном катке и, упав, сильно ударилась головой о лед. Именно после этого ее впервые и неудержимо повлекло к живописи. Науке еще предстоит выяснить, каким образом при падении человека происходит переформатирование творческой энергии в коре головного мозга, но факт остается фактом: никогда прежде даже не прикасавшаяся к кисти Ника в мгновение ока обогнала по популярности многих маститых живописцев страны, а, может быть, и всего мира.

Более всего людей одолевает желание стать знаменитым и богатым просто так, безо всякого труда, без траты времени и усилий. Причем, вряд ли они отдадут себе в этом отчет, их по-

ступки на уровне импульса, инстинкта, особенно, если пред ними маячит прецедент.

Возбужденная прессой толпа сначала хлынула в Музей изобразительных искусств, чтобы воочию убедиться в чудодейственности выставленных там полотен. Большой зал, куда вынуждены были переместить картины из малого, уже не вмещал всех жаждущих причаститься к творениям Ники Савельевой. А она, подбрасывая в огонь дрова, выставляла еще и новые. Одна волна потрясенных посетителей сменялась другой. Пошли разговоры, что ее картины, в отличие, скажем, от «Джоконды» Леонардо да Винчи или «Боярыни Морозовой» Василия Сурикова, благоприятнейшим образом влияют на самочувствие человека. Приобрести картины Савельевой считалось не только престижным, но и выгодным с точки зрения вложения капитала. Роль продюсера, с позволения Ники, взял на себя Болот Жунусов, который, как выяснилось, знал толк и в коммерческой ценности произведений искусства. Олег с Никой и до этого далеко не бедствовали, теперь же расходы семьи не могли угнаться за доходами. Каждая их серьезная покупка, будь то дом, машина или яхта, тут же обсуждалась в прессе. Ажиотаж вокруг имени Савельевой рос как на дрожжах.

А вскоре подоспела зима и на катки, сгорая от нетерпения, ринулись те, кто решил стать знаменитым живописцем, следуя по пути Ники. Они падали, набивали себе шишки, мучительно вслушивались в свои ощущения: вдруг запросит рука кисти, но, увы, ничто не менялось в их судьбе. Редко, кто сразу ретировался. Стукнуться головой о лед все-таки куда проще, чем годами корпеть у мольберта, не зная, каков будет результат. А тут все, вроде, ясно. И риск поначалу сведен к минимуму. Для страховки обзавелись специальными касками, в которых не то, что такой удар, а хоккейной клюшкой да с размаха – как слону дробина. Но среди «стукнувшихся» появился умник, и на него снизошло прозрение. «Эврика! – радостно воскликнул он. – Я понял, в чем дело. Ника Савельева упала на катке возле горнолыжной базы «Политех». Надо ехать туда. Только там соответствующая ледовая аура». Этим прозрение умника ограничилось.

Слегка поредевшая рать стала частями отбывать на каток,

где хозяйствовал Бакыт. Тот сразу смекнул, что здесь пахнет хорошим бизнесом и нет резона выкладывать сразу все карты. Пусть себе катаются, падают, а он будет смотреть и ждать своего часа. Когда у не однажды «стукнувшихся» через две-три недели появились сомнения, стоит ли продолжать все в том же духе, Бакыт как бы между прочим заметил: Ника всяким каскам предпочитала обычную вязанную шапочку. Теперь рядом с каской он организовал медпункт, в котором его жена за умеренную плату оказывала первую помощь пострадавшим. Их отсев компенсировался притоком свежих сил, метящих стать великими живописцами. Поскольку теперь в субботы и воскресенья каток был забит до отказа, Бакыт перебросил группу новичков на будние дни, заявив, что счастливое падение Ники пришлось то ли на четверг, то ли на пятницу. Еще спустя месяц он вдруг вспомнил, где именно упала Ника. Это место вскоре было отмечено фосфоресцирующей краской. Возле него стоял сын Бакыта и брал мзду с каждого, кто собирался пикировать головой на лед. Постепенно выяснялись и другие чрезвычайно важные детали: то знаменательное событие свершилось в середине февраля, ранним вечером, при полной луне. Таким образом, до конца зимнего сезона эта приманка безотказно работала, принося Бакыту солидный приварок.

Да и Нике дополнительная популярность ничуть не мешала. Выставки ее картин уже успешно проводились и в других странах, где тоже непременно сообщалось, как и после какого случая началось стремительное восхождение Ники Савельевой на Олимп современного изобразительного искусства. Оно и понятно, в рекламе всегда таинственное и неожиданное используются сполна. Иностранцы туристы, вкусившие в своей бесшабашной жизни всякого экстрима, нередко теснили наших по разнообразности способов виртуозных падений затылком на лед.

Нельзя сказать, будто бы все усилия массы людей, устремившихся к удаче по стопам Ники, были потрачены совершенно впустую. Ученые скрупулезно фиксировали любой факт, который свидетельствовал бы о резкой смене профессиональных приоритетов каждого стукнувшегося. Один ученый-химик довольно долго участвовал в этом странном для него эксперименте и к очередной весне переквалифицировался в сантехники, став

самым востребованным у столичной элиты. Молодая, уважаемая дама, что работала гувернанткой в семье французского посла, вдруг сделалась актрисой и засияла на сцене театра русской драмы. Чемпион республики по классической борьбе, поездив месяца два к Бакыту, однажды проснулся и почувствовал необычайную тягу к звездному небу. Вскоре, затмив остальных, он выдвинулся в астрономы первой величины. Но больше всего тех, кто старательно и точно попадал головой в очерченный на льду круг, как баскетболисты мячом в корзину, внезапно получали высокий статус чиновника. Хотя до этого были домохозяйками, торговцами, таксистами, дизайнерами, школьными учителями... Пришелся ли им по душе такой поворот судьбы? О, безусловно. Залечив травмы, они искренне благодарили фортуна. И Нику, конечно. Однако если плясать от строго намеченной ими цели, то она, увы, так и оставалась маячить в тумане. Страна не получила из стукнувшихся ни одного живописца, даже второго или третьего плана.

В тот тихий сумеречный вечер, когда Олег, перекусив подогретыми в микроволновке мантами, которых Ника наготовила ему впрок, собрался включить телевизор и смотреть местные новости, раздался звонок из Парижа. Ника сообщила, что долетела великолепно, ее встретили, замучили интервью, поселили в прекрасный отель на берегу Сены, но огорчили: выставка переносится на следующую неделю. Поскольку теперь у нее целый день совершенно свободен, она вспомнила о подруге юности, чеченке, жившей рядом с ней в Аламедине, а потом, на рубеже девяностых, перебравшейся во Францию. Та оставляла свой парижский телефон, Ника сунула его куда-то между книгами на стеллаже и в суете напрочь забыла. Не мог бы Олег разыскать его, уж больно хочется свидеться с милой чеченочкой, поговорить влать о той и нынешней жизни?

Прикидочного взгляда на громадный стеллаж было достаточно, чтобы понять, сколь невысказанно сложна его задача. Ему чрезвычайно повезет, если удастся справиться с ней к середине ночи. Разбирая завалы книг, рукописей, всякого бумажного хлама, имеющего истинную ценность только для хозяйки, Олег медленно продвигался от одной полки к другой. Да, думал он,

сколько продукта чужого ума надо переварить, перемолоть, чтобы по крупицам набраться собственного. А личный опыт? Без него знания тлен... Впрочем, и сама жизнь, горнило личного опыта, имеет тот же итог. Тлен... Олег усмехнулся. Когда проводишь столько времени в поисках клочка бумаги с номером парижского телефона, разве можно рассчитывать, что тебя посетит бодрящая душу мысль?

Уже обнаружив то, что искал, он принялся аккуратно складывать все на свои места. И тут невзначай заметил помещенную вдоль стены синюю картонку с крупной надписью красным карандашом. Приглядевшись, Олег прочитал: «Ника, никогда больше не рисуй. Никогда! А то!..» Внизу – корявая, как клюка Бабы Яги, подпись. Картонка была пересохшей, цеплялась углами за края полки; как ни осторожничал Олег, доставая ее, по задней ее поверхности пробежали легкие трещинки. Развернув, он обомлел. Краски, яркие, сочные, сохранились куда лучше, чем материал, на который их нанесли. Ему почудилось, будто в лицо пахнуло озоном. Прямо на него с картины несется короткая, стремительная гроза. Исполосованное молниями небо исторгает потоки дождя. Русоголовая девчонка, прелестное юное создание, бежит по аллее сквера, укрывшись огромным зонтом. Порывистый ветер задирает подол ее платья, рвет из тоненьких рук полосатый зонт, но девчонка не сдастся и – вот она уже отрывается от земли, летит низко-низко, почти касаясь ногами брусчатки, и оборачивает к Олегу счастливое мокрое лицо...

Нечто гипнотическое исходило от картины, увлекало в ее волнительные глубины, и Олег уже сам находился рядом с девчонкой, восторженно смеялся, испытывая упоительное блаженство от грозы, дождя и столь дивного соседства. Он чувствовал, что это Ника, совсем еще юная, полетная, пытался прикоснуться к ней, поймать ее руку, но она была и близко, и недосыгаемо далеко... Как ни странно, это нисколько не печалило его, он знал, что все равно они будут вместе, просто не сейчас, а когда-нибудь, позже... Одновременно в сознании утвердилась мысль: оказывается, уже тогда, давным-давно Ника обладала тем бесценным даром живописца, который вдруг, словно вынырнув из небытия, заявил о себе лишь теперь. Чье коварное вмешательство изменило столь очевидный, явный путь Ники? Ко-

нечно, она стала замечательным, всеми признанным поэтом и все-таки... Почему с тех пор молчала, молчала, как рыба, даже словом не обмолвилась об этом? А, может, сама взяла да забыла? Но как, зачем? При первой возможности надо непременно расспросить ее, решил Олег. Хотя... накатили сомнения. Тайна прекрасна и многолика лишь до того момента, пока остается тайной...

Они приехали на каток в пик полнолуния. Не загадывая, совершенно случайно, просто так совпало, так получилось. Навстречу им в распахнутом полушубке, без шапки выбежал раздобревший Бакыт.

– Какие гости! Самые дорогие гости! – он радостно всплескивал руками, с восхищением поглядывал на Нику и тут же пытался помочь Олегу вытащить из багажника джипа объемистую спортивную сумку с коньками. – Прошу в мой маленький скромный ресторанчик. Для вас любые самые изысканные блюда, а напитки, каких и в Бишкеке не сыщешь.

– Потом, Бакыт, потом. Как сегодня лед?

– Разве это лед, мадам? Это зеркало. Вся ваша красота в нем отразится.

– Поглядим, – слегка поморщилась Ника, знающая толк в комплиментах.

Они быстро переобулись в просторной раздевалке и спустились на лед. Полноликая яркая луна освещала окружающее заснеженное пространство в серебристые таинственные тона. А сам лед катка, в который били еще и прожектора, сверкал, сиял, переливался, как водная гладь под солнцем. Ника в голубом, плотно облегающем ее ладную фигуру костюме и красной, сдвинутой на бок пилотке. Медленным, уверенным коньковым шагом она проходит круг за кругом. Ее движения плавны и грациозны. Постепенно в ней пробуждается азарт. И когда Олег в очередной раз обгоняет ее, она резко убыстряет бег, шальная улыбка блуждает по тронутому загаром лицу. Остановившись, он со смешанным чувством зачарованности и беспокойства смотрит, как Ника мчится к нему, не сбавляя скорости, пилотка съехала совсем на затылок, коньки лихо подрезают зеркальный лед, она все ближе, ближе, ближе...

ЖИЗНЬ В ПОДАРОК

Рассказ

Данияр сидел в шезлонге со стаканом апельсинового сока в руке и ощущал себя чуть ли не миллионером.

«Если бы лет пять назад кто-нибудь сказал мне, что я буду жить в пятизвездочном отеле на Борнео, я решил бы, что он спятил», – думал Данияр, разглядывая окружающий пейзаж сквозь темные стекла очков.

Прямо перед ним простиралось море. Казалось, что оно сложено из миллионов живых маленьких зеркал; они, непрерывно двигались, разбрасывая по сторонам отражения поднимающегося солнца. Линия горизонта нарушалась лишь очертаниями трех далеких островов, выставивших свои горбатые спины из воды, подобно гигантским китам. На рейде в ожидании клиентов болталось несколько белоснежных катеров. Вдоль берега тянулась шеренга кокосовых пальм, увенчанных шапками перистых ветвей. Легкий бриз приятно обдувал лицо Данияра и приносил с собой волнующий запах моря. Это была пряная смесь из аромата вяленой рыбы, морских водорослей, вынесенных волнами на берег, и влажного воздуха испарений, вобравшего в себя тысячи и тысячи запахов всего того, что скрывалось в водных глубинах.

Шезлонг Данияра стоял возле большого бассейна с голубой водой. Борты бассейна украшали живописные искусственные скалы, цветущие растения и маленький водопад, в струях которого резвились детишки.

За бассейном возвышалась красивая громада самого оте-

ля. Двухскатная крыша, лежащая на колоннах, возносилась на высоту около двадцати метров, хотя в отеле было всего два уровня. Огромные пространства холлов поражали Данияра. Все было выполнено с таким размахом и непрактичностью, что он не уставал удивляться. Ведь можно было с успехом в этом же объеме построить еще два-три этажа и получать деньги с дополнительных комнат. А тут какие-то фонтанчики, скульптуры, цветы.

Данияр перевел взгляд с моря на лежаки, тремя рядами выстроившиеся вдоль одной из сторон бассейна. Постояльцы отеля предпочитали пресную воду бассейна соленой морской воде. В основном супружеские пары, отметил про себя Данияр, и половина из них весьма пожилого возраста.

Данияр задумался: на Западе люди откладывают деньги всю жизнь, чтобы потом, выйдя на пенсию, путешествовать в свое удовольствие. А какое может быть удовольствие от путешествия, если тебе семьдесят лет и ты угробил свое здоровье на беспросветной работе? А вот ему, Данияру, еще только двадцать шесть лет, а он уже имеет возможность расслабиться на тропическом курорте, при этом он полон сил и здоровья.

«Я тоже напряженно трудился, – словно оправдываясь перед кем-то, сказал про себя Данияр. – У нас в Кыргызстане человек с головой может быстро пробиться к солнцу».

У него был туристический бизнес, а людей, желающих посетить Кыргызстан, с каждым годом становилось все больше, Данияр подумывал о том, чтобы построить свой небольшой отель.

Но сейчас всерьез размышлять об этом ему не хотелось. Он взял маску для подводного плавания, трубку и пошел к берегу моря. В маленькой бухте, огороженной веревкой с поплавками, плавали несколько подростков. Тоже в масках и с трубками, они кормили с рук разноцветных коралловых рыб, приплывших сюда в ожидании поживы. Рыбы жадно накидывались на хлеб, вырывая его друг у друга, растаскивая на мелкие кусочки и заглатывая их.

Данияр повисел поплавком рядом с суевающейся стаей рыбешек, разглядывая диковинных созданий. Обидно, что на родном Иссык-Куле ничего подобного не увидишь! Там даже че-

бака не осталось, почти всю рыбу местные жители выловили китайскими сетями. Да еще ученые постарались со своими экспериментами: напустили хищной рыбы в озеро, она все сожрала. Наверное, теперь сама себя ест, вроде каннибалов.

Рыбы, сновавшие вокруг него и подростков, были всех цветов радуги.

«Жаль, мои пацаны еще маленькие, – подумал Данияр. – Когда подрастут, обязательно приеду с ними и Асель сюда. Пусть тоже полкуются», – решил он и направился к берегу.

Все же круто: сейчас в Кыргызстане зима, люди кутаются в шубы, а он загорает в стране вечного лета. Уже одна эта мысль приносила ему удовлетворение.

Он впервые смог позволить себе выбраться на отдых. Работа, ограниченность средств, семейные заботы не давали расслабиться. Но дела Данияра потихоньку шли в гору. Когда партнеры предложили ему воспользоваться дешевой «горящей» путевкой, он, после некоторых раздумий, согласился. Решил, что настало время и ему самому побывать в роли туриста. Кроме того, знакомство с уровнем услуг заграничных отелей тоже ему бы пригодились.

Покинув пляж, Данияр решил прогуляться по обширной территории отеля и наткнулся на одноэтажное строение, прячущееся в пальмовых зарослях. Надпись на плакате рядом со стеклянной дверью приглашала открыть для себя таинственный подводный мир. Данияр остановился в нерешительности, разглядывая фотографии на плакате. Остовы затонувших кораблей, живописные сады кораллов, пугающие силуэты акул и необычных морских созданий породили в душе Данияра зовущее чувство, как у тех, кто сталкивался с пением сирен. Что-то внутри заворчалось, предвкушая сладкую волну жаркого адреналина, заливающую тело наслаждением. Он испытывал подобное, бросаясь в пропасть с высокого моста, молясь о прочности резинового каната, змеей охватывающего его ноги, или несясь стрелой по крутому горному склону на горных лыжах, или делая шаг в пустоту из люка самолета, уповая на кусок шелка, который должен раскрыться над его головой.

Данияр отлично плавал и даже, бывало, погружался с аквалангом в воды Иссык-Куля вблизи города Каракола. Тогда он

проштудировал массу литературы по подводному плаванию, поскольку первое погружение, как и все неизвестное, пугало его. Данияр назубок выучил всю технику погружения, узнал, какие опасности могут подстергать его под водой. Но само погружение не произвело на него ожидаемого впечатления. Вода была холодная и мутная: рядом в озеро впадала горная река. Ничего интересного, необычного он не увидел. Но тут, в тропических водах, скрывался неведомый и притягательный мир. Данияр, в предчувствии ярких впечатлений и переживаний, потянул дверную ручку на себя.

В нос ударил терпкий аромат кофе и горячего шоколада вперемешку с запахами резины, машинного масла и человеческого пота. Вдоль одной стены комнаты разместились гидрокостюмы самых разных расцветок, вдоль другой – груда масок, ласт и трубок для подводного плавания. У входа в углу стояли баллоны с воздухом. Висели регуляторы, словно пауки свесив свои черные лапки-шланги. В дальнем углу был небольшой столик, на котором стоял нагреватель с горячей водой, бокалы, банки с кофе, какао и сахаром.

У противоположной от входа стены за компьютером сидел администратор дайв-центра. Данияр направился к нему. Это был крупный мужчина-европеец с полосатым платком-бандамой на голове. На вид ему было лет сорок. Светло-голубые глаза казались выцветшими от солнца на плотно загорелом, до бронзовости, лице. Длинные волосы цвета соломы были собраны в пучок на затылке. Узкая майка обтягивала мощный торс, бицепсы на руках говорили о недюжинной силе мужчины. На правом плече красовалась татуировка, изображающая изрыгающего пламя дракона. Данияр невольно втянул живот и расправил плечи, стараясь придать себе бравый вид. Мужчина поднял глаза на него.

– Чем могу быть полезен? – вопрос прозвучал на английском.

Данияр кивнул в сторону баллонов со сжатым воздухом.

– На плакате написано, что у вас можно погрузиться? – неуверенно спросил он.

– Опыт погружений есть? – мужчина говорил резко, словно командир перед боевым заданием.

После едва заметного замешательства, Данияр поспешно ответил: «Есть!», имея в виду свой небольшой опыт на Иссык-

Куле. Он забеспокоился, поняв, что администратор может отказаться ему, закрыть ворота в неведомый, но теперь уже вождельный подводный мир.

– Сертификат есть? – продолжился допрос. – Опен уотер или эдванс?

Как всегда в подобных случаях, он почувствовал неодолимое желание преодолеть препятствие. «Эдванс, – пронеслось в голове, – это же по-английски «продвинутый». А «опен уотер» – «открытая вода». Что же ответить?» И тут же произнес:

– И тот и другой есть.

Он ожидал, что администратор потребует предъявить ему сертификат, но тот удовлетворенно кивнул и протянул какие-то бумаги.

– Сейчас на глубоководное погружение уходит группа русских дайверов, – объявил он и спросил: – Пойдете с ними? Их трое, будете четвертым.

Данияр согласился, хотя сердце сжалось от дурного предчувствия. Ему знакомо было это предательское чувство. Оно пыталось остановить его всякий раз, когда он готовился прыгнуть в пропасть, стоя на перилах моста и глядя на грохочущую далеко внизу реку. Или когда он ждал открытия люка самолета, сжимая лямки закрепленного на спине парашюта. Всегда можно отказаться и уйти в сторону. Но тогда ты не испытываешь того безумного счастья только от того, что ты жив и веревка не оборвалась, что парашют раскрылся, как и положено. Говорят, даже опытные парашютисты, имеющие на счету сотни прыжков, испытывают боязнь или попросту мандраж перед новым шагом в неизвестность. Ведь кто, кроме Господа, знает, что произойдет в очередной раз? Данияр научился преодолевать в себе этот страх. Адреналин – словно наркотик. Вкусив его однажды, жаждешь его вновь и вновь, несмотря на смертельную опасность. А может быть, благодаря именно этой опасности, так остро ощущаешь радость своего бытия?

Данияр взял протянутые администратором бумаги. В голове мелькнула мысль, что русских можно будет порасспросить обо всем. Читая документ, он понял, что всю ответственность за погружение должен взять на себя сам. Пожав плечами, поставил свою подпись. Отступить он не собирался.

– Погружение стоит пятьдесят долларов, плюс пятнадцать за снаряжение, – предупредил его администратор.

Когда барьер был пройден, Данияр почти успокоился. Ведь под водой он будет не один, рядом будут русские.

Мужчина подобрал ему снаряжение, гидрокостюм, пояс с грузами. Данияр боялся показать свою некомпетентность, но тут вошли русские парни. Двое были мускулистыми и подтянутыми, третий походил на раскормленного медведя. Передвигался он с трудом, постоянно вытирая пот со лба и дыша, словно паровоз.

Парни направились к столику в углу комнаты, где стоял бойлер с кипятком, и налили себе по чашке кофе.

– Он пойдет с вами, – командным голосом сказал мужчина в бандане, обращаясь к вошедшим.

– Я из Киргизии, – добавил по-русски Данияр. – Можно мне с вами нырнуть?

– Не нырнуть, а погрузиться, – поправил его один из подтянутых парней – Василий, как потом узнал Данияр. – Конечно, можно. Мы глубоководное будем делать, ты готов?

– Не проблема, – бодро ответил Данияр, втайне надеясь, что его знаний, почерпнутых из книг, будет вполне достаточно. Кроме того, он решил, что будет внимательно наблюдать за русскими дайверами. «Нужно будет копировать их действия» – сказал он себе. Дороги назад уже не было.

Работники дайв-центра перетащили снаряжение на небольшой катер, и вскоре группа вышла в море.

Мощные двигатели несли катер почти над поверхностью воды. Иногда он с грохотом разрезал попавшуюся на пути волну, обдавая Данияра, стоящего у борта, с головы до ног водяными брызгами. К тому же дул встречный ветер, Данияр слегка замерз. А может, предчувствие надвигающейся опасности холодило его кровь?

Гид пригласил его вниз в каюту, где уже сидели русские дайверы. Руководителем группы был Василий. Судя по его вопросам на брифинге, который проводил гид, он имел приличный опыт погружений. Данияр решил про себя, что будет держаться рядом с ним.

Второй парень, Сергей, слушал молча, не сводя глаз со схемы рифа, по которой водил указкой гид. Он был одет в шорты

и короткую майку, которая не скрывала его мощную мускулатуру. «Качок», – подумал Данияр, разглядывая бугры бицепсов на его сложенных руках.

При взгляде на Константина у Данияра слегка отлегло от сердца. Если погружаются такие медведи, как этот грузный русский, то и он, Данияр, наверняка сможет справиться с этим дайвом.

Гид говорил быстро, и Данияр улавливал лишь отдельные фразы: «вертикальное течение», «горизонтальное течение», «длинный дрейфт», «акула-молот», «рифовые акулы». Фразы были малопонятны Данияру и делали предстоящее погружение все более таинственным и пугающим. Он представил себе, что встает и отказывается от дайва. Можно сказать, что внезапно почувствовал себя нехорошо. Минута неловкости и стыда... – ведь кто-то подумает, будто он испугался. Зато все переживания останутся в прошлом и он навсегда забудет об этой неудачной попытке.

Но посмотрев на дайверов, Данияр понял, что не сделает этого. Дело не в том, что их мнение для него что-то значит. Важно другое: он сам не простит себе этой минутной слабости, перестанет уважать себя.

Василий разбил группу на пары, и Данияр вздохнул с облегчением: он будет плыть рядом с ним.

Матросы на катере сами подготовили для дайверов снаряжение, и у Данияра исчезла еще одна проблема: куда и как крепить к баллону трубки регулятора и жилета. У каждого дайвера было по два баллона с воздухом, закрепленных по бокам. Передвигаться с таким грузом на плечах и с поясом со свинцовыми грузами было сложно, но матросы помогли Данияру надеть все снаряжение на себя, и подвели к корме катера, где была площадка, с которой дайверы уходили под воду. Сердце Данияра стучало словно набатный колокол, заставляя пульсировать кровь в висках. Под днищем катера почти километровая пропасть, куда уходят вертикальные стены рифа. Что ожидает его там, в сумеречной бездне, населенной опасными морскими тварями?

Один из матросов надел на Данияра ласты, открыл вентили на баллонах, подкачал жилет, проверил маску; Данияр,

вставив загубник в рот, сделал шаг с площадки и камнем упал в воду.

Его окутало облако пузырьков, он сделал судорожный вдох через загубник, и подкаченный жилет вытащил его на поверхность. Дышалось легко, и напряжение слегка спало. Данияр нашел взглядом Василия и подплыл к нему. Неподалеку покачивались на волнах Сергей и Константин. Все показали пальцами «О'кей», и Василий подал знак погружения.

Дайверы подняли вверх трубки инфлятора жилета, воздух, выпускаемый из него, зашипел. Головы дайверов скрылись под поверхностью воды. Данияр засуетился: воздух из его жилета вышел, но он сам продолжал оставаться на поверхности. Неужели так бесславно завершится его попытка познакомиться с морскими глубинами?! Приключение закончится, не начавшись? Он заставил себя успокоиться и вспомнить то, что читал в книге. «Надо сделать выдох! – мелькнуло в голове. – И задержать дыхание». Он тут же ушел под воду.

Погрузившись на метр, Данияр наконец вдохнул воздух из регулятора и почувствовал себя увереннее. Вокруг него сновали пестрые рыбки. Справа было синее море, а слева вниз уходила стена рифа. Прозрачность была хорошей, и риф открылся ему во всей своей красе. Разноцветные кораллы, подобно причудливым водорослям, росли повсюду. Огромные горгонии раскинули свои лопухи-листья в разные стороны, морские лилии-актинии слабо шевелили щупальцами, в зарослях пузыреобразных анемонов резвились полосатые рыбы-клоуны. Но Данияру было не до любования этими красотами, надо было догонять группу. Он зажал нос пальцами правой руки и каждый раз, когда от нарастающего давления закладывало уши, продувался, возвращая барабанные перепонки на место. Этот прием он освоил еще во время своего первого погружения на Иссык-Куле.

Через некоторое время Данияр заметил, что скорость его погружения постоянно увеличивается. Он не только догнал русских, но и обогнал их. Он погружался слишком стремительно, словно брошенный в воду камень. На помощь пришел Василий: он подкачал ему жилет. Скорость погружения сразу уменьшилась. Василий, вытянув вперед указательные пальцы своих рук, несколько раз соприкоснул их прямо перед маской Данияра,

приказывая ему держаться рядом с ним. Данияр пальцами ответил ему «О'кей» и для верности энергично покивал головой. Взгляд Василия был строг, и Данияр теперь смотрел во все глаза на своего напарника. Василий то и дело поглядывал на компьютер, закрепленный на правой руке вместо часов, и время от времени подкачивал жилет. Данияр вспомнил, что на глубине на пловца давит все возрастающий столб воды и, чтобы компенсировать это давление, надо увеличивать плавучесть. Попутно мелькнула мысль: «Надо не забыть стравливать воздух при всплытии – иначе меня выкинет на поверхность, словно пробку». Данияр читал о кессонной болезни, знал, что всплывать быстро запрещено, иначе азот в крови может закипеть. «Главное – никакой паники», – напомнил он себе, не выпуская из вида Василия.

Любоваться вокруг, по правде сказать, было уже нечем. Краски исчезли. Красный костюм Василия сначала превратился в зеленый, а потом стал практически черным. Мир вокруг дайверов виделся голубовато-серым, словно на экране черно-белого телевизора.

Маска Данияра так сильно прижалась к его лицу, что он почувствовал боль. Василий несколько раз знаками объяснил ему, что он должен сделать. Оказывается, нужно было сделать выдох носом, чтобы сравнять давление под маской с внешним. Боль тут же прошла, и теперь маска мягко облегла лицо.

Данияр принялся вертеть головой, пытаясь зацепиться взглядом за что-нибудь интересное. Его внимание привлекла большая двухстворчатая раковина, приклеившаяся к выступу на скале. Данияр попытался отодрать ее от камня. «Там внутри – огромная жемчужина», – решил он, и стал более активно дергать моллюска. Но раковина, казалось, намертво прикрепилась к стене. Данияр даже попытался ударить ее ластой – никакого эффекта. И тут же почувствовал сильный рывок за руку. Обернувшись, он увидел сердитое лицо Василия. Напарник знаком запретил ему касаться чего-либо и приказал держаться рядом с ним.

Тут мимо них проплыла удивительно яркая рыба. Она была такая прекрасная, что Данияр не мог отвести от нее глаз. Рыба приветливо помахала ему плавниками и, сверкая всеми цветами радуги, перекувырнулась через голову. «Какая большая рыба, – восторженно подумал Данияр. – И какая дружелюбная!» Рыба

смотрела на него и улыбалась во весь рот. Данияр огляделся: все рыбы вокруг уставились на него и улыбались! Данияр помахал им в ответ. По телу разливалось блаженство. Он чувствовал себя превосходно, словно ему открылась ужасно важная тайна: он такой же, как и эти создания вокруг. Здесь он может свободно дышать под водой, так же как и они! Зачем ему эти ненужные баллоны? Смеясь, он выдернул загубник изо рта.

Василий схватил Данияра и, прижав его к себе, с силой втолкнул ему загубник в открытый рот. Данияр попытался выплюнуть его обратно, но Василий, словно удав, цепко держал Данияра в объятиях. Одновременно Василий мощно работал ластами, стремясь уменьшить глубину. Ему на помощь подоспели Сергей и Константин.

Данияр сражался изо всех сил с дайверами. Он не мог понять, почему его товарищи не пускают его обратно. Разве не видят они, что его зовут с собой эти прекрасные существа с улыбающимися лицами?

Азотное опьянение прошло так же внезапно, как и наступило. В голове Данияра прояснилось, едва дайверы поднялись на несколько метров вверх. Возбуждение и беспричинное веселье оставили его. Он почувствовал слабость и утомление. Осознание смертельной опасности, только что отпустившей его из своих рук, приходило медленно.

Группа продолжала всплытие. Временами дайверы зависали на одном месте по несколько минут, посматривая на свои компьютеры. Василий все еще держал Данияра за руку, тревожась за его состояние.

Самочувствие Данияра пришло в норму. Во время остановок он рассматривал стену рифа. Вот из пещерки выглядывает зубастая гигантская мурена, похожая на огромную змею. Вот в зарослях кораллов пасется большая черепаха. Она не обращает никакого внимания на людей. Рептилия всецело занята добыванием пищи. Внезапно она оторвалась от скалы и проплыла мимо Данияра. Морда ее напомнила ему попугая Гошу из мультфильма «Возвращение блудного попугая»: на носу подобие клюва и такие же большие печальные глаза. Черепаха взмахивала передними лапами, словно орел крыльями, и легко парила в водном пространстве.

Данияр показал Василию, что чувствует себя нормально и поплыл самостоятельно.

Окружающий мир, по мере их всплытия, вновь обретал краски. Заросли кораллов становились все гуще. Вокруг них, словно пчелы возле улья, роились тучи пестрых рыбешек. Светлело и на душе Данияра. Хотя тревожные мысли не отпускали его. Как объяснить товарищам по погружению, почему он, не имея профессиональной подготовки, обманув их и администратора дайв-клуба, пошел в этот опасный дайв? Жаждой приключений и порций адреналина, которых требовала его душа? Или скукой, охватившей его в пятизвездочном отеле? Он даже не мог предположить, переступая порог дайв-центра, насколько тонкой окажется вскоре нить, связывающая его с жизнью. Данияр старался не думать о неприятном разговоре, который ожидает его на поверхности. Скорее бы выбраться из этого негостеприимного мира.

Внезапно Данияра понесло. Он в отчаянии заработал ластами, стараясь достичь спасительных скал. Но подхватившее его течение было настолько мощным, что его усилия были абсолютно тщетными. Это была стихия.

Данияр в ужасе огляделся: стены рифа не было видно, вокруг была только «синька». И тут Данияр испугался по-настоящему. Он понятия не имел, на какой глубине находится, не знал, можно ли всплывать. Данияр помнил о кессонной болезни и боялся, что его кровь закипит, если он всплывет слишком быстро. Он потерял русских дайверов из виду и не ведал, что ему делать. Течение несло его в неизвестную сторону. «Погиб, погиб!» – пульсировало в мозгу. Данияр развернулся против течения и бешено заработал ластами, помогая себе руками. Через некоторое время он выбился из сил и безвольно отдался течению. Новый звук еще сильнее испугал его. Воздух из баллонов начал поступать со свистом. «Что-то не так!» – страх пронзил все его тело от головы до пят. Данияр догадался посмотреть на манометр и похолодел: стрелка зашла в красный сектор шкалы! Это значит, что у него не осталось воздуха! Господи, он погибнет, не успеет выбраться на поверхность, захлебнется водой! Зачем он здесь?! Надо быстрее наверх! Пусть закипит кровь, но только не морская вода, разрывающая его легкие!

Данияр посмотрел вверх и увидел, казалось, близкую поверхность моря. Она была живая и колыхалась в такт волнам. Там воздух! Но Данияр не успел ничего предпринять. Невдалеке он заметил пару акул. Ему показалось, что они плывут прямо на него. Данияр замер в нерешительности. «Это конец!» – Он готов был разрыдаться от отчаяния и беспомощности.

Резкий рывок заставил сжаться его сердце. Он в ужасе обернулся и увидел Василия. Волна радости захлестнула Данияра: Василий спасет его!

Данияр стал отчаянно показывать рукой на свой манометр. Василий успокоил его жестом и протянул ему свой запасной загубник-октопус. Но Данияр медлил, боясь вытаскивать свой загубник изо рта: вдруг вода пойдет внутрь него? Василий, видя его замешательство, вырвал загубник изо рта Данияра и резко вставил октопус. Это было сделано так быстро, что Данияр не успел охнуть.

Теперь он огляделся и увидел невдалеке остальных дайверов. Их так же несло течение. Значит, они, заметив его исчезновение, бросились за ним следом.

Василий показал большим пальцем наверх. Данияр понял, что надо всплывать.

Ближе к поверхности течение ослабло. Дайверы, после трехминутной остановки на пяти метрах, наконец-то вырвались на поверхность.

Яркое солнце и синее небо после мрачной картины подводного царства так обрадовали Данияра, что он чуть не расплакался от радости. «Господи, я жив! Наконец все позади!», – подумал он, наслаждаясь открывшимся видом. Метрах в пятистах от них стоял катер. Сейчас с катера заметят красный буй, который надул Василий, и подберут их. Данияр представил себе, с каким удовольствием он осушит бокал холодного пива. В его горле пересохло от сухого воздуха из баллонов.

– Ты что, белочку увидал? – спросил Данияра Сергей.

– Какую белочку? – не понял Данияр.

– Ту, которая пришла к тебе там, в глубине? – усмехнулся Сергей.

– Нет, – смутился Данияр и добавил: – Там рыбы мне улыбались. Симпатичные у них были лица...

– Рыбьи лица! – хохотнул Сергей. – Азотку схватил! Как ощущения? Говорят, забирает покруче оргазма!

– Азотный наркоз, – пояснил Василий и спросил: – Ты почему с нами полез? Жить надоело? Ты же мог погибнуть каждую секунду. Маска потекла, воздух кончился, да мало ли чего еще... Благодарю Бога за то, что остался жив. И мы из-за тебя чуть в передрыгу не попали. Глубина была около пятидесяти метров.

– Дуракам и идиотам везет, – ввернул Сергей.

Данияр не знал, что ответить товарищам. Все, что он делал, было так глупо, что ему самому не верилось в реальность произошедшего. Единственное, в чем он был уверен, что Василий спас ему жизнь.

– Спасибо за то, что вытащили меня, – проговорил Данияр, обращаясь ко всем сразу. – Я в долгу перед вами.

– Бутылку на борту поставишь! – ответил ему Сергей.

– С удовольствием!

Константин не участвовал в разговоре, напряженно глядя в сторону катера. Дайверы продолжали болтаться в воде, а на катере не видно было никакого движения.

– Уснули они там, что ли?! – с раздражением выкрикнул Сергей и принялся орать: – Эй, на шхуне! Вытаскивайте нас!

Прошло еще несколько минут. Теперь кричали все, заметив, что катер значительно отдалился от них. Дул небольшой ветер в противоположную от катера сторону, и не только относил дайверов в море, но и их голоса прочь от судна.

Внезапно катер ожил и начал двигаться... в обратном направлении!

– Они нас не видят! – крикнул Василий. – Солнце у нас за спиной. Им мешают солнечные блики. И потом по плану мы должны были всплыть совсем в другом месте. Они пошли нас встречать.

Сергей дунул в свисток, закрепленный на его жилете.

– Бесполезно, – сказал Василий и пояснил: – Ветер дует на нас. Они нас не слышат.

– Вася, что делать будем? – спросил Константин. Его глаза слегка навывкате с испугом смотрели на руководителя.

– Будем ждать, – ответил Василий. – Не найдя нас в ус-

ловленном месте, они начнут поиски. Катер обязательно вернется сюда и будет кружить вокруг рифа. Они заметят нас.

– Из-за тебя, олух, – зло выкрикнул Сергей Данияру, – все наперекосяк идет!

– Сергей, теперь упреки ни к чему, – устало проговорил Василий. – На суше разберемся, кто в чем виноват.

Данияр рад был этой отсрочке. Хотя все в нем полыхало какой-то животной радостью бытия после осознания минувшей опасности, внутри поселился червь вины перед своими сотоварищами. Как он хотел, чтобы катер вернулся поскорей и нашел их!

Дайверам было трудно определить, куда их несет. На поверхности не было ни одного ориентира. Риф был полностью скрыт под водой.

Прошло около часа, когда они вновь увидели приближающуюся точку катера.

Данияр почувствовал облегчение. Еще немного, и они вновь будут на борту. Однако надежда на скорое спасение угасла очень быстро. Катер перестал расти в размерах, а потом и вовсе исчез, уйдя в другую сторону.

– Видимо, нас сильно унесло течением, – констатировал Василий.

– Может, поплывем в ту сторону? – спросил его Сергей. – Теперь мы знаем, куда плыть.

– Глупо плыть против течения, – возразил ему Василий. – Мы потеряем все силы, а они нам понадобятся. Мы же не знаем, когда придет помощь.

– Если она вообще к нам придет! Мы же подписали, что весь риск берем на себя, – в запале закричал Сергей. – А кто заплатит за поисковую операцию? Российское посольство?! Или вот этот олух, из-за которого мы здесь болтаемся, как беспомощные котятка? Надо что-то делать. У нас в спецназе говорили: «Борись за свою жизнь сам. Никогда не теряй надежду и голову!»

– Надо экономить силы! – резко ответил ему Василий. – Возможно, катер вызовет вертолет. Тогда они найдут нас быстро. Прекрати панику, Сергей! Надо держаться вместе. На одиночку может напасть акула. В этом районе много молотоголовых акул. Ты же слышал на брифинге.

Напоминание об акулах напугало Данияра. Он судорожно провел рукой по правой ноге. Там был закреплен дайверский нож. Прикосновение к ручке ножа вернуло ему уверенность в своих силах.

– У нас же есть ножи, – как можно бодрее сказал он, – отобьемся.

Василий посмотрел на него с усмешкой и кивнул.

– Главное, не паниковать и держаться вместе, – повторил он.

Время текло медленно и казалась бесконечным. Голову пекло тропическое солнце, и приходилось постоянно охлаждать ее, погружая в морскую воду. Пить хотелось нестерпимо. Данияру было странно: вокруг столько воды, а их мучит жажда.

Василий сразу всех предупредил:

– Ни в коем случае не пейте морскую воду. Почки отвалятся!

Губы у Данияра слегка потрескались от солнца и соленой воды. Он вновь думал о том, что именно он виноват в этой экстремальной ситуации, с тоской вспоминал детей и Асель и мечтал оказаться сейчас за тысячи километров отсюда, дома в Кыргызстане.

– У меня в горле пересохло. Язык еле двигается, – с трудом выдавил из себя Константин. Ему приходилось тяжелее других. Излишний вес давал о себе знать. На каждое движение он тратил гораздо больше усилий и поэтому быстрее терял силы.

– Человек без воды в тропиках не протянет и двух суток, – отозвался Сергей. – А без еды пару месяцев...

– Нас найдут раньше, – оборвал его Василий. – Но постарайтесь беречь силы.

Несмотря на то, что вода в море была теплая и дайверы были одеты в легкие гидрокостюмы, они начали мерзнуть. Люди жались в плотную кучу, чтобы греть друг друга.

Один раз до них донеслось стрекотание вертолета, но он кружил где-то так далеко, что они не заметили в воздухе никакого движения.

Данияр утратил чувство времени. Он попытался считать, но постоянно сбивался, забывал, на какой цифре остановился, начинал сначала, а потом впал в протрацию. Мысли исчезли. Осталось лишь ощущение жажды, от которой пересохло во рту.

Заходящее за горизонт солнце окрасило лица дайверов теплым желтым цветом. Облака на темнеющем небе из белых превратились в желтые, затем посерели, украсившись розовой каймой, а когда солнце закатилось за море, стали багрово-красными. Поверхность моря отвечала изменениям неба. Из голубого оно стало темно-синим, потом стальным, и напоследок, отразив пламенеющие небеса, расстелило пурпурную дорожку вслед исчезающему светилу.

Ночь наступила вскоре за закатом. Небо сплошь покрылось звездами. Их было так много, что Данияр не мог определить, какие созвездия сияют у них над головами. Ему показалось, что он видит отражения ярких звезд в воде. Но приглядевшись, понял, что это светится море. Малейшее движение ногами или руками в воде вызывало фосфоресцирующее свечение. Казалось, что они двигаются в окружении тысячи мельчайших звездочек.

– Это светится планктон, – сказал Василий, видя, как Данияр рассматривает мерцающий след, остающийся за движущейся рукой.

Чтобы не потерять друг друга в темноте, дайверы связались веревкой от сигнального буя.

На Данияра, едва он прикрывал глаза, налетали сновидения. Ему чудились кричащие люди, шум низвергающегося водопада, звуки приятной музыки. Видения были яркие, разноцветные. Они улетали прочь, едва Данияр открывал глаза. Он просыпался резко, как от толчка, боясь, что остался один в этой кромешной тьме. Данияр судорожно шарил вокруг, натываясь на тела товарищей. Успокаивался и опять проваливался в очередной кошмар.

В середине ночи взошла луна. Звезды сразу поблекли. Можно было рассмотреть лица плывущих рядом дайверов. Константин слегка стонал, закрыв глаза. Сергей напряженно всматривался вдаль, надеясь заметить огни корабля или далекого берега. Глаза Василия были прикрыты.

«Нас обязательно найдут и спасут», – подумал Данияр. «Вы меньше иголки в стог сена, – зашептал ему в ухо чей-то предательский голос. – Вы ничтожней песчинки в пустыне. Вы обречены». – «Нет, мы живы, – возразил кому-то неведомому

Данияр. – Нас ждут дома. Станет светло, и нас увидят. К нам приплывет корабль».

– Хорошо, шторма нет, – сказал Сергей. – А то нам бы всем уже давно пришел каюк.

Данияр представил себе, как гигантские волны захлестывают их с головой и швыряют из стороны в сторону, словно адские качели, как вода заполняет и разрывает легкие, и содрогнулся. Слава богу, что дует лишь легкий ветерок!

Данияр попытался прополоскать пересохший рот морской водой. Всю слизистую оболочку рта словно обожгло. Вода была такая соленая, точно Данияр попал в бочку с огуречным рассолом. Он поспешно выплюнул воду изо рта. Жажда мучила, не отпуская. Даже глаза кололо, будто в них насыпали песок. Подташнивало, а живот, казалось, прилип к позвоночнику. Данияр чувствовал, что силы на исходе.

Внезапно Сергей дернулся.

– Вася, там земля, – прохрипел он. Говорить с пересохшим от обезвоживания ртом было непростым делом. Он тыкал рукой куда-то в темноту.

Данияр пригляделся и заметил, что часть звезд на горизонте прикрыта темной массой.

– Надо плыть туда, – горячо засипел Сергей. – Там вода. Мы можем добыть себе пищу.

– Нужно подождать до рассвета, – сказал Василий. – В прибрежной зоне возможен сильный прибой. Нас разобьет о скалы.

– К черту! Если мы прождем до рассвета, нас отнесет от острова и у нас не будет сил его достичь! Плыдем сейчас, до берега близко!

– Мы потеряем друг друга в темноте, – попытался урезонить друга Василий. – Рассвета недолго осталось ждать. Вон небо за островом светлеет.

Сергей что-то недовольно проворчал, но послушался руководителя.

Рассвет наступил неожиданно. Ночная мгла таяла стремительно.

Течение несло дайверов прямо к острову. Волны с ревом разбивались о скалы, обдавая их каскадами белой пены. До земли было всего метров четыреста.

– Скидывайте снаряжение, будет легче плыть, – командовал Василий. Грузовые пояса они сбросили еще ночью.

Данияр с трудом освободился от ремней акваланга. Каждое движение требовало напряжения всех оставшихся сил. Без жилета и баллонов он почувствовал себя свободнее. Костюм хорошо держал на поверхности.

– Помогите мне! – услышал Данияр крик Василия. – Костя потерял сознание!

Сергей и Данияр поспешили ему на помощь.

Голова Константина переваливалась из стороны в сторону, пока они освобождали его от ремней. Гидрокостюм с надетым шлемом на голове держал Константина на плаву лучше спасательного жилета. Василий попытался привести в чувство товарища, похлопав того по щекам. Константин едва приоткрыл мутные глаза.

– Отпустите меня, – прошептал он, – спасайтесь сами. У меня нет сил. Отпустите, мне будет хорошо.

Данияра била дрожь. Он сильно замерз. Руки и ноги с трудом слушались его команды. Сказывалось и нервное напряжение. Данияр понял: еще немного, и он, подобно Константину, откажется от борьбы за свою жизнь. Он безучастно наблюдал, как Василий привязывает веревку к Константину.

– Мы разобьемся с ним о скалы! – выкрикнул Сергей, перекрывая шум прибрежных волн. – Надо пробиваться поодиночке! Я пошел первым! – и, не глядя на Василия, поплыл к острову.

– Держись рядом, – приказал Василий Данияру. – Если можешь, помогай тащить Костю. Только не мешай.

Они медленно продвигались к берегу. Прибой уже гремел в их ушах, словно раскаты грома.

– Давай левее! – закричал Василий, – надо попасть между двумя скалами, там проход!

Справа и слева ревели волны, сшибаясь со скалами и осыпая пловцов потоками воды.

Василий и Данияр, таща за собой Константина, вошли в проток, и их тут же выбросило обратно в море. Навстречу им несся поток, будто они попали в бурную реку. Потом дайверов подхватила набежавшая волна, готовая обрушить их со всей

силы на скалы острова. Они отчаянно заработали лапами, стараясь вырваться из ее цепких лап.

Едва они выбрались на спокойное пространство, Василий вновь повернул к берегу. Вторая попытка снова не увенчалась успехом.

Данияр из последних сил цеплялся за неподвижное тело Константина. В его голове не было никаких мыслей. Все его существо внимало лишь одному голосу: инстинкту самосохранения. «Ты должен жить! Ты должен выкарабкаться!» – кричало в его мозгу.

Данияр готов был в отчаянии броситься в волны и нестись навстречу скалам. Он будет бороться за свою жизнь и победит! Но Костя...

– Мы с ним не пройдем, – выдавил из себя Данияр. – Он нам мешает.

Василий гневно сверкнул глазами, охладив Данияра, и поплыл в сторону протоки. За ним, как за буксиром, следовал Константин. Данияр потащился за ними. Возле скал Василий остановился, отдыхая. Он внимательно смотрел на бушующий между камней поток.

– Данияр! – попытался перекричать грохот прибоя Василий. – Бросаемся в протоку вместе с волнами. Они должны внести нас туда. Плыви по команде. Давай!

Дайверы бросились в протоку прямо с гребнем набежавшей волны. Тело Константина послушно следовало за ними. Людей пронесло над острыми пиками прибрежных камней и вынесло за каменным барьером. Данияра несколько раз перевернуло, накрывая вместе с головой, забивая рот песком и пеной, и вдруг с огромной скоростью понесло назад в море вместе с отступающей волной. Он судорожно вцепился в каменистое дно и отчаянно пополз в обратную сторону – на берег. Волна ушла, а Данияр все продолжал ползти, не в силах подняться на ноги. Его рвало морской водой пополам с песком. Он выполз на сухое место и перевернулся на спину. Легкие обжигало от каждого вдоха, словно в них вливали раскаленное масло. Данияр с трудом открыл глаза. Они болели, слизистая оболочка горела, будто туда насыпали едкий перец. Он поднял голову. Неподалеку по песку на четвереньках передвигался Василий, таща за собой

Константина. Данияр попытался заставить себя встать и помочь Василию, но не смог. Тело отказывалось подчиняться ему.

Василий ткнулся лицом в песок и остался лежать без движения. Данияр закрыл глаза. Перед ним поплыли разноцветные круги. «Как красиво!» – вяло подумал он, теряя сознание. Он провалился в густую тьму.

Очнулся Данияр от того, что на его лицо лился поток обжигающе холодной воды. Он попытался захватить ртом глоток спасительной влаги и тут же поперхнулся: вода была соленая до горечи.

– Это морская вода, Данияр!

Открыв глаза, Данияр увидел Василия, поливающего его водой из маски.

– Снимай костюм, – приказал ему Василий. Сам он был лишь в плавках. – Иначе получишь тепловой удар.

Данияр посмотрел на небо. Солнце скрылось за плотной завесой облаков. Влажность была такой, что, казалось, облака рождаются прямо из воздуха. Но жара не спадала. Данияр огляделся. Небольшой песчаный пляж, на который они выбрались, примыкал к скальной стене, кое-где поросшей пальмами и кустарником. Несколько деревьев возвышалось на самом пляже. Словно скелеты доисторических животных, белели омытые водой и обожженные солнцем останки поваленных деревьев – следы тропического циклона.

Данияр, прилагая невероятные усилия, содрал с себя гидрокостюм. Бриз обдул его тело, и Данияру стало немного легче. Он повернулся к Василию и даже не удивился тому, что рядом с ним был Сергей. Тот тоже был в плавках. Оба склонились над лежащим Константином, ножами срезая с того полосами гидрокостюм.

– Я чуть не погиб, – говорил Сергей. – Меня два раза такшибануло о скалы, что я подумал – мне хана! Но я крепкий. В очередной раз, когда волна бросила меня на скалы, я прилепился к ним, как обезьяна, и выполз наверх. Спецназовская подготовка помогла.

Василий слушал молча, оттягивая куски Костиного костюма и полосая их ножом. Видно было, что каждое движение давалось ему нелегко.

– Я обошел окрестности, – продолжал Сергей. – Кругом вертикальные скалы. Мы словно в каменной ловушке. Никакого ручейка. Я пробовал копать песок – вода в грунте соленая, как и в море. Если не найдем воду – погибнем! Мы же ее каждую секунду выдыхаем! Она выводит из нас тепло. Без воды у нас будет перегрев организма. Мы умрем, Вася!

– Успокойся, Сергей, – прохрипел Василий. – Что толку от твоей болтовни? Ты только зря растрачиваешь энергию. Передадим Костю под пальму, а потом подумаем, как нам быть.

– Да что тут думать?! – зло выкрикнул Сергей. – Мы должны спастись любой ценой – так учили меня в спецназе!

Василий поднял глаза на собеседника.

– И что ты предлагаешь?

Сергей бросил быстрый взгляд на Данияра, который, покачиваясь, встал на ноги. Потом на Константина, грузное тело которого распласталось на песке, словно выброшенная на берег медуза.

– Я обшарил все уголки, – тихо стал говорить Сергей. – Мы не сможем подняться на скалы. Это абсолютно отрезанная от остального острова бухта. Скалы гладкие как стекло. Карабкаться по ним бесполезно. О воде я уже говорил. До кокосов добраться нереально. Я разбил несколько старых, валявшихся на земле плодов. Они без жидкости. Высохли. Здесь нас вряд ли найдут. Скоро мы потеряем сознание и даже на крик не останемся сил!

– Я это знаю и без тебя, – оборвал его Василий. – У тебя есть какой-нибудь план?

Вместо ответа Сергей поднялся на ноги и побрел к воде. Из мелководья он выудил довольно большой плоский круг.

– Это коралл-гриб! – крикнул он, волоча его на берег. – Я наткнулся на него случайно, рыская по пляжу. Он может спасти нас от лучей солнца.

Сергей поднял коралл за край и стал ждать. Вскоре из коралла потекла струйка тягучей жидкости.

– Мажьте ею тело! – закричал Сергей. – Это будет лучше крема от загара.

Данияр и Василий подставляли ладони под струйку и смазывали горящее тело маслянистой жидкостью. Обожженная кожа

успокаивалась, и боль проходила. Сергей вновь положил коралл в воду.

Данияр и Сергей взяли Константина за руки, Василий за ноги и потащили товарища под кокосовую пальму, растущую близ скал. Там они обессилено упали рядом с Константином. Несколько минут они молчали, переводя дыхание. Василий наконец поднялся и направился к воде, прихватив по пути маску. Вернувшись, он принялся лить воду на лицо Константина.

– Его спасло то, что он толстый, – сказал Василий. – На буксире он болтался, будто воздушный шарик. Хорошо, что Костю не перевернуло, иначе бы захлебнулся в волнах...

– Он все равно не жилец, – резко сказал Сергей. – Плотному человеку нужно больше воды, чем худому. Ему крышка!

– Перестань, Сергей! – крикнул Василий. – Он наш друг, и мы его не оставим.

– Мы сами не жильцы! Мы останемся здесь! – Сергей явно хотел что-то предложить Василию, но не решался произнести это вслух. – Черт возьми, Вася, ты же понимаешь: у нас совсем мало времени. Помощь за это время не придет. Мы должны выкарабкаться сами!

– Что ты хочешь? – устало спросил его Василий.

У Данияра не было сил ни думать, ни говорить. Он безучастно сидел, прислонившись к стволу пальмы, и прислушивался к разговору.

– Вася, мы не поймаем здесь ни рыбы, ни какого-нибудь зверя, – голос Сергея дрожал от волнения. – Мы можем голодать, но без воды не протянем. Я читал где-то, что в теле человека около сорока литров воды. В тканях, крови, лимфе. Костя не проживет и часа...

Василий дернулся и посмотрел на Сергея жестким взглядом. Когда до Данияра дошел смысл сказанного, то его волосы на голове встали дыбом.

– Ты бредишь, Сергей! – закричал Василий. – Ты сошел с ума от жары.

– Послушай, Вася, – продолжал Сергей, не обращая внимания на слова Василия. – Ты же знаешь, люди пользуются чужими органами, чтобы спасти свою жизнь. Это же нормально, разве не так? В 1972 году в Андах упал самолет. Его не

могли найти в течение 72 дней. Люди вынуждены были есть тела своих погибших товарищей, иначе они бы не выжили. Среди них были католики. Они сначала возражали против этого, но потом... это жизнь, Вася. Мы должны спастись любой ценой...

Данияр с ужасом слушал возбужденную речь Сергея. Он представил, как тот отрезает голову Константина дайверским ножом и пьет бьющую из горла кровь. Его колотила дрожь. Сердце билось в бешеном ритме, перед глазами опять поплыли разноцветные круги. Он понял, что теряет сознание и усилием воли удержал его, сосредоточившись на Василии. Тот слушал Сергея, уткнувшись лицом в грудь Константина.

– Это же как донорство, Вася. Костя бы пожертвовал любой частью своего тела, чтобы спасти тебя. Если бы он сейчас был в сознании, то с радостью предложил себя, зная, что это единственный шанс обеспечить тебе жизнь. – Говоря это, Сергей вплотную приблизился к Василию. Его речь походила больше на горячечный бред полубезумного человека. Такое же безумие читалось и в его глазах.

Василий, приподнявшись, наотмашь ударил Сергея кулаком по лицу. Удар был скользким, но таким сильным, что свалил Сергея. Из его разбитого носа показалась струйка крови. Организм был так обезвожен, что кровь свернулась, едва дойдя до верхней губы.

И тут пошел дождь. Это был настоящий тропический ливень. Вода низвергалась с небес на землю. Водные потоки потекли по скалам, водопадом стекали с крон пальм, в ложбинах забурлили целые реки.

Данияр лежал лицом к небу и, открыв рот, жадно глотал спасительную влагу. С каждым глотком, как ему казалось, в него вливались жизненные силы. Вода смывала с него липкий пот, открывались поры на всем теле, и он впитывал воду всем своим изможденным телом, словно сухая губка. С таким же наслаждением вбирали в себя воду Василий и Сергей. Даже Константин слабо застонал и приоткрыл глаза.

Василий подобрал разбитую скорлупу кокосового ореха и, черпая воду из струящегося рядом потока, принялся вливать ее в рот Константина. Через какое-то время Константин закашлялся, поперхнувшись, и потом стал пить жадными глотками.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Стало жарко и душно, словно в парилке русской бани. Моментаально исчезли реки, сбегавшие по пляжу в море. Их поглотил песок. Кругом поднимались испарения. Выпавшая влага вновь устремлялась на небеса.

Сергей встал и скрылся между деревьев в пальмовой роще, растущей возле скал. Василий приказал Данияру наполнить водой несколько обнаруженных на пляже пластиковых бутылок. Цивилизация в виде подобного мусора добралась и до необитаемых островов Тихого океана.

Данияр находил скопившуюся в ложбинах между скал воду и скорлупой от кокосового ореха заливал ее в бутылки. Он не мог сдержаться от искушения выпивать каждую третью порцию добытой с помощью своего импровизированного черпака воды. Казалось, что тело никогда не насытится влагой. Оно требовало еще и еще наполнять его жидкостью.

На пляже и среди пальм валялись сухие стволы, выброшенные волнами на берег. Они были отполированы водой и иссушены солнцем. Данияр смотрел на них и думал, что из этого плавня получился бы неплохой плот. Остаться здесь нельзя, решил он. Без еды они вскоре совсем ослабеют, а когда будет следующий дождь, не ведал, наверное, и сам Бог. Провести ночь рядом с безумным Сергеем Данияр боялся. Кто знает, что придет в голову этому сумасшедшему.

Отдав бутылки Василию, не отходившему от Константина, Данияр принялся стаскивать к берегу сухие стволы. В пальмовой роще он нашел лианы и нарезал несколько длинных канатов. Они были гибкие и прочные, как веревки.

– Ты чего задумал? – окликнул его Василий.

– Я поплыву, – твердо сказал Данияр. – Я встречу рыбацкую шхуну или поисковый корабль и приведу помощь.

– Это безумие, – возразил ему Василий. – Тебя унесет течением, и ты погибнешь.

– Василий, – Данияр подошел к руководителю группы, – это же из-за меня все так случилось. Я должен что-то сделать. Ведь мы погибнем, если будем сидеть здесь. Прости, Василий, я не хотел рисковать чужими жизнями. Думал, это касается только меня.

– Не стоит рисковать и своей жизнью, – горько проговорил Василий. – Она дана тебе не для того, чтобы бросаться ею, как ненужной вещью. У тебя дети есть?

Данияр кивнул и пошел прочь.

Он связал несколько стволов лианами, укрепил сооружение поперечными стволами и соорудил навес из пальмовых листьев для защиты от солнечных лучей.

– Василий, помоги мне.

Василий снова пытался остановить Данияра, но тот был непреклонен.

Они столкнули плот в море, и Данияр, правя плоским куском дерева как веслом, направил его в проток между скал. Поток, который мешал им достичь берега, подхватил его плот и выплюнул в открытое море, унося все дальше от острова.

Данияр прикинул направление на север, сверяясь по часам и солнцу. Так как он находился в северном полушарии, то направление на север указывала линия, делящая пополам угол между часовой стрелкой, направленной на солнце, и двенадцатью часами.

Данияр поплыл, как ему казалось, нужным курсом.

Оглянувшись назад, он увидел, что Василий, сидя рядом с Константином, наблюдает за его передвижением. Из рощи показался Сергей и направился к товарищам, сидящим под деревом. Данияр помахал им рукой.

Вначале все шло хорошо. Плот потихоньку уходил в море, неохотно слушаясь его импровизированного весла. Но потом Данияр заметил, что берег перестал отдаляться. Он решил, что это оптический обман. На поверхности не было никаких ориентиров, и определить расстояние было очень сложно. Видимо, берег острова был в километре от Данияра: он мог рассмотреть крошечные фигурки товарищей на пляже. Но они не становились меньше.

Поднялось легкое волнение на море, и плот начало сносить в сторону от намеченного курса. Пытаясь выровнять его, Данияр продолжал отчаянно грести. Но все было напрасно. Наконец течение подхватило плот и потащило его вдоль острова.

Данияр прекратил сопротивление, окончательно выбившись из сил. И тут, к своему ужасу, заметил, что бревна

плота двигаются, норовя выскользнуть из обвязки. Видимо, лианы размокли и начали растягиваться, словно резина. Если бревно расплывутся в разные стороны, то он окажется в воде. Хорошо, что Василий посоветовал надеть гидрокостюм: так ему удастся удержаться на поверхности.

Данияр вновь схватился за весло и попытался направить плот обратно к пляжу. Берег приблизился, но вернуться в ту точку, откуда он отплыл, Данияр уже не мог. Течение несло его почти параллельно берегу.

Солнце палило нещадно. Тело, облаченное в гидрокостюм, перегревалось, и Данияр чувствовал, что может получить тепловой удар. Он принялся поливать себя, черпая воду ладонью из моря. От мысли окунуться целиком, он отказался, боясь, что не сможет вползти обратно на плот. Да и сам плот при неосторожном движении мог рассыпаться на части. Пресная вода в запасенной бутылке быстро заканчивалась, хотя он пытался ограничить себя в питье.

Данияр лег на пол плота, пытаясь удержать руками расползающиеся бревна. Возможно, его прибьет к острову или он подойдет на такое расстояние, что рискнет добраться до берега вплавь. Сейчас расстояние было больше трехсот метров, а сил у Данияра почти не осталось.

Он лежал, опустив голову на бревна, а перед глазами плыли образы, словно он просматривал цветные слайды. Вот Асель, сынишки. Как же они будут жить без него? – возникла в его затуманенной голове мысль. Зачем он решился на это погружение, почему не отказался? Ведь у него в жизни все складывалось как надо. Бизнес налаживался, появились средства для безбедной жизни. Чего ему не хватало? Адреналина? Многие люди живут и работают лишь затем, чтобы выжить, обеспечить свое существование. Им может не нравиться то, чем они занимаются, но они должны кормить себя, своих детей. А он любил свою работу, старался сделать так, чтобы клиенты становились его друзьями. И люди с благодарностью отвечали на его внимание. Стоило ли ставить всю свою жизнь на карту ради острых ощущений? Что скажут его дети, когда подрастут, на вопрос, где их отец? Погиб по глупости?

Проплыли образы русских дайверов. Как же он хотел их

спасти! На нем будет их смерть! Василий вытащил Данияра из ада, спас Константина, неужели все напрасно?! Это несправедливо! И Сергея тоже жаль: он молод и хочет жить, как и Данияр. Они все отличные парни, а он, Данияр, не сможет спасти их.

Тело, облеченное в гидрокостюм, горело, словно его жарили на сковородке. Сознание уплывало. Данияр поднял мутные глаза и посмотрел в сторону острова. Мимо плыли скалы, на которых росли пальмы с веерами листьев. Внезапно берег ушел в сторону, и дальше было только море. Остров закончился.

Прошло совсем немного времени, и взору Данияра предстала неожиданно уютная бухта, на берегу которой раскинулся ухоженный парк с правильными линиями аллей, на песчаном пляже видны были разноцветные зонтики шатров. У небольшого пирса стояла яхта со спущенными парусами и несколько катеров. Кое-где виднелись фигурки людей. А за парком возвышалось здание отеля, казалось, вросшего в скалы.

Данияр не поверил своим глазам и решил, что это мираж, галлюцинации его воспаленного мозга. Он даже испугался, что сходит с ума. Но видение не исчезало, а, наоборот, все больше приближалось.

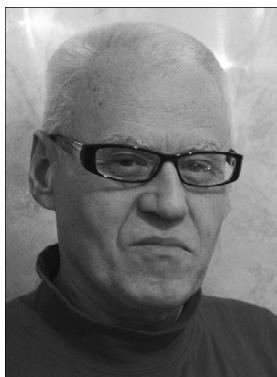
Когда до Данияра наконец дошло, что это другая сторона острова и что на этой стороне находится комфортабельный отель, он попытался сесть и начал махать руками. Видимо, появление его странного сооружения не осталось незамеченным на пляже. Люди на берегу показывали в его сторону руками, кто-то побежал на пирс. Данияр смотрел на берег с отдыхающими и думал, что было бы ужасно глупо погибнуть рядом с отелем. Пришла мысль, что он предпочел бы тогда смерть в пасти акулы. «Господи, прости мне эту глупость. Я буду жить, – проплыло в его голове. – Нет! Все будут жить! И Василий, и Константин, и Сергей. Всевышний оставил нам жизнь. Спасибо Тебе за этот подарок! Ты позволил спасти их!»

Слезы потекли из его воспаленных глаз, и он с трудом различил сквозь мокрую пелену, что в его сторону движется катер.

Когда Данияра переносили с полуразвалившегося плота, он твердил, словно говорящий попугай:

– Там люди... спасите их. Они умирают... вы должны торопиться. Они... на другой стороне острова.

Он повторял это, пока не увидел, что склонившиеся над ним люди поняли смысл его слов и закивали в ответ. Тогда он потерял сознание. Теперь Данияр мог себе это позволить.

Владимир МЕДВЕДЕВ

ЗАХХОК

Роман*

Содержание предыдущих глав.

События происходят двадцать лет назад в Таджикистане в конце кровопролитной гражданской войны. В маленьком районе центре при неизвестных обстоятельствах убивают врача, и его младший брат Джоруб увозит “городскую” семью покойного — жену Веру, сына Андрея и дочь Зарину — в Талхак, глухое селение в горах Дарваза, обещая им безопасность. Однако здесь их ждут новые испытания. “Деревенская” жена покойного врача без ведома Веры и самой Зарины обещает девушку в жены местному парнишке Кариму по прозвищу Тык-ва. Тем временем бывший партийный работник Зухуршо Хуш-кадамов захватывает ущелье, отнимает земли местных крестьян и собирается выращивать на них опиумный мак. Отрядом его боевиков по просьбе бобо Сангака, руководителя Народного фронта, командует бывший советский офицер Даврон, с которым Зухуршо постоянно соперничает. У Даврона возникает к Зарине сложное чувство — девушка напоминает ему бывшую возлюбленную, которая умерла потому, что он, по его убеждению, приносит несчастье близким людям. И теперь он боится, что навлечет беду и на Зарину. По этой причине он скрывает свои чувства к девушке, и Зухуршо, чтобы досадить Даврону, сватается к ней и обманом получает согласие.

* Продолжение. Начало в №2, 3 за 2012 год и № 1 за 2013 г.

Глава 16

Даврон

Крыса был первым. Но тогда, в семьдесят шестом году, в детском доме, я этого не знал. Звали его Васькой. Крыса — это из-за фамилии Крысиков, но фактически он смахивал на Чебурашку. Был такой же слабый и наивный. Приходилось защищать, когда над ним измывались.

Однажды пацаны втихаря чухнули на канал купаться. Казнили за это по полной, и Филипп Семёнович, наш директор, всегда грозил: “Ещё раз повторится — пожалеете, что не утонули”. Всё равно сбегали. Васька, дурачок, потащился со всеми. На краю канала стояла будка с плоской крышей. С неё ныряли. Ловкие, смелые — головкой. Бздиловатые — ножками. Васька тоже залез на крышу и жался сбоку. Джага спросил:

“Ну чё, Крыса, нырнёшь или зассышь?”

“Нырну”.

Конечно, зассал. Переминался на краю, пока Джага не столкнул вниз. Васька плюхнулся животом. Вода ледяная, течение быстрое, бетонные откосы крутые. Его потащило со скоростью света. Васька барахтался, а пацаны от души уматовались: “Вот, блин, Крысёныш лягушкой заделался”. А я понял: ему хана. Не выплывет. Я прыгнул. Когда догнал, Ваську успело на серединку вынести. Он уже и не бултыхался. Обуксировал я его к борту, но там хрен за что зацепишься. Гладкие стенки. И Васька, вроде, уже не дышит. Так и волокло меня мордой по бетону. Кранты бы обоим, если б через каждые метров сто по борту не были бы проложены сверху вниз толстые проволоки. Типа риск на линейке. Мимо одной пронесло, за другую я ухватился, а вылезти — ни в какую. Одной рукой в проволоку вцепился, другой Ваську держу. А он тяжёлый. В воде что ли разбух? Пацаны прибежали, спустились по откосу, кое-как вытащили. Короче, откачали Ваську. Он по дурости проболтался воспитателям. Всех наказали.

Через неделю он выпал из окна. С третьего этажа. Верхнего. Пацаны разное гадали. Одни говорили, что сам по себе сва-

лился. Другие, что кто-то толкнул. На окне железная сетка была оторвана... Асфальт не вода. Расшибся вдребезги. Его смерть никого из ребят особо не зацепила. Джага сказал: “Лягушкой был говёной, а птицей и подавно. Ни хера летать не научился”. Дети — жестокие зверёныши, а Крыса никогда не числился “своим”. Со временем и я о нём забыл.

Вспомнился Васька в августе восемьдесят четвёртого, когда умирала Надя. Я с ума сходил от чувства бессилия. От невозможности помочь. День и ночь в мозгу крутился один вопрос: почему? Тогда-то меня и пробило: это моя вина! Я приношу несчастье. Понял, и тут же передо мной выстроились мертвецы. Начал считать и ужаснулся: Крыса, Костя, Анвар, Филипп Семёнович, Саид... Выпал из окна, попал в аварию, угорел в бане по пьянке, отказало сердце, погиб при неизвестных обстоятельствах, покончил с собой...

Надя пыталась меня разуверить. Я сидел в больничной палате возле кровати, держал её за руку, а Надя, слабая, умирающая, шептала еле слышно:

“Прекрати фантазировать. И про этого, про Крысу тоже... Ты его не погубил, а спас. Если б не вытащил бедного мальчика из воды, он бы утонул. То, что с ним случилось потом, не имеет к тебе никакого отношения... И в моей болезни ты никак не виноват...”

Надя умерла седьмого августа восемьдесят четвёртого года, во вторник. Врачи говорили: врождённая слабость лёгких, перенесённый в детстве туберкулёз и прочее. Но я знал: виноват. С тех пор постоянно ощущаю где-то в глубине мозга тёмную зону. Наглухо запечатанную, заблокированную область воспоминаний. Снять блокаду не даёт инстинкт самосохранения. Слишком много вырвется эмоций. Разорвёт на куски. Бесчувственность защищает как панцирь. Как укол новокаина в душу. А горечь, чувство вины, отчаянье — это только глухие отголоски, постоянный фон.

После смерти Нади я много думал и читал. Глушил ощущение потери и старался понять, что со мной происходит и почему. Ответ получил в июне восемьдесят пятого. Через триста двадцать два дня после Надиной смерти. Я готовился к выпускным экзаменам. Заставлял себя сидеть над учебниками. Дело

шло туго. Практически не вставал из-за стола. Двадцать третьего числа, как всегда, засиделся до глубокой ночи. Заснул за столом. Проснулся как от удара током и вдруг понял, как работает система. Меня окружает мощное энергетическое поле. Зона катастрофы. Чужие могут входить в неё безо всякого для себя вреда. Они — диэлектрики. Зона смертельно опасна только для тех, с кем меня связывают силовые линии. Дружба, симпатия, близкие отношения. Если связь возникла, то навсегда. Ссориться, разбегаться в разные стороны, враждовать — бесполезно. Соединение не рвётся. Напряжение копится, растёт, пока не доходит до критической точки. Затем — разряд. Короткое замыкание.

Заранее узнать, на кого именно пробьёт фазу, невозможно. Если и имеется закономерность, то очень запутанная. Не для моих мозгов. Однако кое-что я подметил. Проверил — сошлось. Чёткая периодичность. Замыкание каждые три года. Семьдесят пятый — Васька. Семьдесят восьмой — Толик. Восемьдесят первый — Антон Павлович. Восемьдесят четвёртый — Надя...

Последнее замыкание произошло три года назад. Весной девяностого года. К тому времени я научился распознавать приближение катастрофы. Двадцать первого марта начали поступать первые сигналы. Мне ни с того ни с сего сделалось худо. Головная боль, сердце, озноб, слабость, кошмары по ночам... Двадцать пятого внезапно полегчало. Полностью отпустило. Штиль после шторма. Морально стало ещё хуже. Я знал: кого-то пробило на фазу. Рядом никто не пострадал. Закоротило того, кто находился в зоне контакта в прошлом. Писать письма, опрашивать всех подряд — бесполезно. Со многими потеряна связь. Фактически, никогда не узнаю, кто стал жертвой. Но вина ложет как обычно. Ни на процент меньше.

Сейчас мне не нужен календарь. И без него чувствую — концентрируется очередной разряд. Голова точно набита сырым мясным фаршем. Тесно в груди. Воздух вязок точно глицерин. Аритмия. Вновь снится прежний кошмар...

Кого ударит в этот раз? Зарину? Вероятность — девяносто процентов. Даже девяносто пять. Антона? Маловероятно. Зухура, диэлектрика хренова? Абсолютно невероятно. Жаль! Этого

гада я с бы радостью пустил под разряд. Но не я выбираю. И не в силах повлиять на выбор. Зухур — просто проводник. Вроде вибрационного датчика мины МС-4. Сработает от малейшего толчка. У него-то волос с головы не упадёт — это Зарину разорвёт на куски. Теперь с него пылинки сдуваю. Изю всех сил сдерживаю ненависть. Чтоб не увеличить напряжение. К счастью, он не в курсе. Узнай, замордовал бы. Сейчас подлизывается.

Почему? Объяснение простое. Он перехватил сообщение кишлачного агенства новостей. Кто-то из мужиков попытался удрать из ущелья на отхожий промысел. И обломался. Дарваз отрезан от Большой земли. Полевой командир Хаким Банги взорвал трассу на перевале Хабуробод, а другой дороги в Центральный Таджикистан нет.

Зухур схватился за голову: вся его затея под угрозой. Как вывозить продукцию? Выход только один — везти длинным круглым путём по памирскому тракту в Киргизию. Через Бадахшан и Восточный Памир. По территории Алёши Горбатого, группировка которого полностью контролирует весь тамошний наркотранзит. В Бадахшане он — царь и бог... Рассказывают байку, как прилетал в Хорог президент Эмомали Рахмонов. Алёша встретил его на аэродроме и сказал: “Мы с тобой оба бандиты, у обоих руки в крови. Поэтому отпускаю тебя живым. Но учти — в первый и последний раз”. Президент тут же сел в самолёт и улетел восвояси. С тех пор в Бадахшан — ни ногой.

По донесению деревенского информбюро, в данный момент Горбатый находится не в Хороге, своей столице, а в Калаи-Хумбе. Зухур загорелся — надо использовать счастливый случай. Решил рвануть к Алёше на поклон. За разрешением на провоз продукта. Канючит:

— Даврон, дорогой, как один, без тебя поеду?

— А гвардия твоя на что?

Мнётся, мямлит:

— Э-э, шпана... Им доверять нельзя. Понимаешь, дорога, дело такое...

Зря он опасается. Его блатная команда — люди подневольные. Без приказа своего курган-тюбинского начальства Зухура пальцем не тронут. А прикажут им, и в Ворухе замочат. Непосредственно на дому.

— Факт, — пугаю его, — шпане доверять опасно. Завалил Рембо, теперь бди.

Он вскидывается:

— Я их не боюсь! Они охранять не могут. Рычат, зубы скалят, а силы нет. Такой как у тебя. А к Алёшу ехать — сила нужна.

Реально. И не только в Алёше дело. Правительственные войска недавно с боями вытеснили в Дарваз и Бадашхан боевиков оппозиции. Многие осели в Калаи-Хумбе. Соваться туда — считай, что лезть в яму со змеями.

— Лады, — говорю. — Убедил. Еду.

Зухур скрывает удивление и тут же, покровительственно:

— Отказывается, с тобой иногда договориться можно.

Он готовился к долгим уговорам. К позиционной войне. А я вдруг — раз и согласился. Всматривается подозрительно: в чём подвох? Элементарно, Ватсон. С началом войны в Талхдаре пропала телефонная связь. А мне необходим телефон. Из Калаи-Хумба позвоню Сангаку. Пусть присылает замену. Я ещё не решил, уеду или останусь. Во всяком случае, получу свободу выбора. Обдумывал такой вариант, но ехать в Калаи-Хумб не решался. Страшно было оставлять Зарину без присмотра. Мало ли что стукнет Зухуру в голову.

Он тревожится:

— Не откажешься потом? Обещаешь?

— Сказал же, поеду.

Ночью снится сон: сижу в больнице у постели и держу за руку умирающую Зарину, бледную, исхудалую...

Семь тридцать. Выезжаем на трёх машинах. Впереди десять бойцов в фургончике. Следом Зухур на "волге". Я замыкаю на "газике". Водитель, как всегда, Ахадов. Километра через полтора он поправляет боковое зеркало. Заглядывает в него — не едет ли кто сзади.

— Эй, Даврон, хочу тебе одну вещь сказать.

— Ну, скажи.

— Это... знаешь, как говорится: "Каждому своя могила, каждому свой саван".

— Давай прямо. Без народных мудростей.

— Хуш, — соглашается. — Могу прямо. Ещё знаешь, как говорят: “Не мой котёл, пусть в нём хоть глина варится”. Пони-маешь, да? Вчера вечером ко мне Гург подошёл, сказал: “Брат, с Давроном поговори”. Я сказал: “Хуш, поговорю”. Он сказал: “Скажи Даврону, пусть он не боится. Каюм приказал Даврона не трогать. Но ты скажи, пусть Даврон тоже не борзеет. Каюм — в Кургане, а отсюда до Кургана далеко”.

— Угрожал, значит?

— Не-е-т. Сказал: “Ты Даврону скажи, пусть он хорошо по-думает. Зухура убирать пора. Зухур мышей не ловит. Если что случатся, пусть Даврон не вмешивается.»

Нормально! Так вот почему Зухур боится своей гвардии. Стало быть, ему уже успели стукнуть.

— Поня-я-я-тно, — говорю. — Что ещё сказал?

— Больше ничего не говорил... Даврон, что делать будешь?

Не знаю. Сангак не поручал мне охранять Зухура. Я не обе-щавал его защищать. Объект охраны — посевы. Если блатные устроят Зухура, это освободит Зарину. Без моего участия. Это плюс. Огромный плюс. Но я не могу позволить самостоятель-ность. Ситуация наверняка пойдёт вразнос. Это факт. Устранив Зухура, блатные, по сути, захватят власть. Доход от нового сор-та отправится неизвестно кому и куда. Наверняка не в Народ-ный фронт. Это минус. Огромный минус... Выводы: нарушить обещание Сангаку я не могу. Следовательно, придётся защи-щать Зухура. Защищая Зухура, ставлю под опасность Зарину. Плюс и минус уничтожают друг друга. Ноль. Тупик...

Меня охватывает ощущение, что “газик” неподвижно зас-тыл на месте. Каменной глыбой посреди горной реки. Дорожное полотно хлещет в капот мутным потоком. Бурлит, бьёт в ветро-вое стекло, обтекает и проносится мимо. Смотрю перед собой на дорогу в одну точку, и кажется, что пейзаж не меняется. Вре-мя остановилось.

На подъезде к кишлаку Кеврон дорога замедляет бег и разливается вширь. Справа открывается просторное устье бо-кового ущелья. В глубине лежит на боку развороченный остов “камаза”. Чуть дальше — обгорелые остатки легковушки. Вок-руг — десятка полтора трупов. Около них бродят люди. Ду-маю, родичи убитых. Отыскивают своих. Бой был ночью или

вчера вечером. Иначе родственники успели бы забрать тела. Бились либо местные боевики между собой, либо погранцы с боевиками.

Десять пятнадцать. Доезжаем до Кеврона. Кишлак лепится к правому пологому склону. Вдоль дороги — белёный кирпичный забор. Погранзастава. Передние машины притормаживают, останавливаются. Путь перекрыт шлагбаумом. У глухих железных ворот — трое караульных. Бойцы вываливают из фургона. Толпой топают к часовым. По-русски:

— Открывай!

— По-хорошему просим. Иначе плохо будет...

По-таджикски:

— Рауф, сзади зайди. Не откроет — по голове бей. Автоматы отнимем, шлагбаум поднимем, проедем...

Глушу партизанщину:

— Разойтись! Отставить базар!

Подхожу к старшему из караульных:

— В чём дело, сержант?

— Приказ — никого не пропускать.

— Мы мирные люди. Едем в Калаи-Хумб. На деловую встречу.

— Да хоть на свадьбу. Приказ есть приказ.

— У нас договорённость. С Алёшем Горбатым.

Сержант фыркает:

— А с Мишей Горбачёвым не договаривались? Мне они по херу — что горбатые, что меченные... У меня своё начальство.

Говорю:

— Брось, не напрягайся. Вызови командира.

Сержант размышляет. Оценивает ситуацию.

— Михайлов, сходи.

Боец идёт к воротам. Пытаюсь установить контакт:

— Тут вчера вроде как Курская дуга проходила.

Сержант поправляет на плече ремень автомата. Прикидывает, стоит ли отвечать.

— Тоже наподобие вас... По договорённости ехали. В гробу я видел такие договоры. Сначала договариваются, потом набалмашь, с дурной головы пальбу открывают. Пришлось объяснить доходчиво. Так что ты мне про уговоры не толкуй...

Жду. В десять двадцать семь из КПП выходит старший лейтенант. Злой и усталый. Хмуро спрашивает:

— Кто такие?

Отвечаю:

— Мирные предприниматели. Из Талх-дары.

Он слегка кривится. Факт, имеет информацию о Зухуре.

Уточняю:

— По торговым делам к Алёшу Горбатову. Договорились заранее.

— К Горбатову? Ну, тогда ясно, какие дела.

— Он обещал, что пропустят без проблем.

Старлей усмехается:

— Алёша Горбатый у нас — юный друг пограничника. Его гостей всегда полный хуш омадед. В любой час дня и ночи. Но не сегодня. Сегодня не пропустим.

— Ждёт он, — лукавлю. — Дело горит.

Старлей:

— Коли горит, есть такое предложение. Оставьте оружие на заставе, а там — вперёд и с песнями в Калаи-Хумб. На обратном пути заберёте стволы. Не пропадут. У нас как в лучших гардеробах Парижа. Гарантирую.

Говорю укоризненно:

— Товарищ старший лейтенант, как же без оружия? В гости ведь едем.

— Это верно: в гости без оружия нельзя. И с оружием нельзя.

Зухур выбирается из “волги”. Подходит. Важно протягивает руку. Старлей пожимает с видимой неохотой.

— Моя фамилия Хушкадамов, — сообщает Зухур. — Свяжите меня с комендатурой. С Маркеловым.

— Может, лучше сразу со Шляхтиным?

— Это кто?

— Генерал-полковник, командующий пограничными войсками Российской Федерации.

Зухуршо в упор не понимает иронии. Серьёзно:

— Нет, сначала с Маркеловым.

— Послушайте, как бы вам повежливее объяснить... — усмехается старлей. — Начальник комендатуры — большой

человек. Очень большой. С ним просто так поговорить очень непросто.

Зухур хмурится:

— Слушай ты, старлей... Я Маркелова знал ещё тогда, когда ты у мамки сиську сосал. Работали вместе, в Пянджском районе. Он меня знает. Звони ему.

— Ты мне приказы не отдавай! — отрезает старлей.

Зухур меняет тактику. Доверительно:

— Узнает, что ты не дал нам поговорить, — обидится.

Вижу, что старлей колеблется. Факт, думает: а если этот хрен с горы и вправду приятель Маркелова?

— Так и быть, идите за мной.

Уходят в КПП. Бойцы усаживаются на корточки в кружок посреди дороги. Передают по кругу пакетик с насваем. Располагаются ждать с комфортом. Трое погранцов у шлагбаума откровенно держат их под наблюдением. Чувствую: готовы в любой миг сорвать автомат с плеча.

Десять сорок пять. Зухур выходит. Роба мрачная. Следом старлей.

— Наверное, товарищ Маркелов очень занят сейчас, — говорит Зухур. — Даже вспомнить о нашей прошлой дружбе времени не имеет. Ничего, я не обижаюсь, потом вспомнит... Послушай, лейтенант, давай договоримся. Ты тоже в обиде не останешься...

— Вопрос решён, — отрезает старлей.

Остаётся стоять у шлагбаума. Контролирует ситуацию. Ворота заставы раскрываются, выползает БМП. Перегораживает дорогу.

— Веришь в приметы? — спрашиваю Зухура.

— Э, глупости.

— Поня-я-я-тно, — говорю. — Беды, значит, не хлебал. А я точно знаю: надо назад.

— Я решения никогда не меняю.

— Справка из ЦК с печатью требуется? Ты прикинь, какова ситуация. Это ж прямое указание.

Мнётся...

Слышу: по дороге с восточного направления приближается машина. По звуку — легковушка. Выныривает из-за поворо-

та. Бойцы поднимаются на ноги. Отходят на обочину. Следят за приближающимся “козликом”.

— Ястреб летит, — говорит сержант.

Потрёпанный “ГАЗ-66” подлетает к заставе. Последние метры перед шлагбаумом скользит юзом. Лихо пикирует! Но чисто. Застывает в десятке сантиметров от полосатой стрелы. Из кабины выходит высокий мужик в армейской полевой форме. Без знаков различия. Обут в кроссовки. Военная выправка. Короткая стрижка. Горный загар. Кричит весело:

— Саня, здорово! Держишь границу на замке?

Старлей откликается:

— Привет. А ты всё гуляешь?

— Прогуливаюсь. Дредноут, гляжу, выставил. Заминировал бы лучше дорогу, и все дела...

Мужик обменивается рукопожатием со старлеем. Протягивает краба сержанту. Обходит кружок бойцов. Пожимает руку каждому. Идёт ко мне:

— Сергей.

Называюсь. Мужик задерживает мою ладонь:

— Привет, Даврон! Знаком заочно. Сангак мне про тебя говорил.

Зухур ревнует, тянет ручонку, спешит представиться:

— Хушкадамов.

Мужик ему в тон:

— Ястребов... Про вас тоже слышан — в Кургане до сих пор поминают. Весь город на неделю без хлеба оставили...

Зухур пыжится:

— Городские люди. Только о своём брюхе заботятся. А что люди в горах от голода умирают, им безразлично. Бобо Сангак, слава Богу, не такой. Он понимает... Разрешил муки взять, сколько потребно было.

— Говорят, рвал и метал, когда доложили, сколько вы выгребли.

— Пусть говорят. Бобо Сангак меня знает. Как-нибудь это дело уладим.

— С ним теперь нелегко связаться.

— Почему нелегко? В Калаи-Хумбе телефон есть.

Ястребов ухмыляется:

— Туда, где теперь Сангак, линию пока не провели.

Зухур тупит:

— Дело не спешное, вернётся в Курган-Тюбе, тогда поговорим.

— Вряд ли вернётся, — говорит Ястребов. — Убили его.

— Ц-ц-ц-ц, — Зухур цыкает языком, качает головой. — Убили...

Строит равнодушную морду, пытается скрыть улыбку.

Я чувствую, как внутри нарастает напряжение. Теснее сжимается в груди, начинает подташнивать. Изю всех сил сохраняю спокойствие. Вдох. Медленный выдох.

— Точно? — спрашиваю.

— Абсолютно, — говорит Ястребов. — Как в газете “Правда”.

— Когда?

— Три дня назад. Двадцать девятого марта.

— Бомба? Снайпер? Поймали, кто стрелял?

Ястребов потирает нос:

— Он не в бою погиб. В разборке со своими...

Мозги гудят точно трансформатор под перегрузкой. Сквозь гул и треск пробивается голос Ястребова:

— Деталей никто не знает. В народе разные версии гуляют...

Перестая его слушать. Подробности несущественны. Чувствую, внутри вдруг отпускает. Исчезает тяжесть в груди, проходят тошнота, озноб. Остаётся лишь лёгкая слабость. Невесомость во всём теле. Затишье после бури. Понятно! Терзал страх за Зарину, а фазу пробило на Сангака. Первое, что приходит в голову: Зарина в безопасности. Об остальном думать не могу. В мозгу пустота. Отвожу Зухура в сторону.

— Я возвращаюсь. Дальше поезжай один.

Он приходит в ужас:

— Как это возвращается?! Ты слово мне дал!

— Тебе? Когда это? Я перед Сангаком был в ответе. И всё.

— Ты мне обещал! Поехать в Калаи-Хумб обещал. Я спросил: “Обещаешь?” Ты сказал: “Поеду”. Забыл? Это разве не обещание?

По сути, он прав. Формально я не произнёс: “обещаю”. И что с того? Никого не колышет, вслух ляпнул или подразумевал. Подразумевал — выполняй. Во что бы то ни стало. И несмотря на приметы.

— Чёрт с тобой, — говорю. — Только не надейся, подгузники на тебе менять не буду.

Зухур напыживается, открывает рот... Ястребов окликает:

— Парни! Время — золото. Едете или остаётесь?

Зухур, торопливо:

— Едем, едем...

Ястребов — старлею:

— Саня, отворяй ворота! Мы с ребятами трогаемся.

Старлей:

— Поезжай один. Маркелов приказал их тормознуть.

— Да ну! С чего это? Я с ним сейчас поговорю. Мигом всё уладим. Он где? В комендатуре?

— У себя.

— Отлично. Скомандуй своим орлам, чтоб меня соединили.

Дружески обнимает старлея за плечи, тащит к воротам.

Зухур что-то лепечет. Пропускаю мимо ушей, пробую осмыслить ситуацию. Сангак погиб. Не просто погиб, а по моей вине. Потому, что оказался в зоне контакта. Мысль не укладывается в голове. Будто пытаюсь затащить в черепную коробку негабаритный груз. Ворочаю. Кантую, прилаживаю то так, то сяк. Не лезет... Чтобы отвлечься, подхожу к сержанту:

— Мужик этот, Ястребов... Кто такой?

— А ты сам спроси. Я его не допрашивал. Кто, кто?! Мафиозо, мать его в масть. Со всеми дружит. Со всеми — вась-вась: с боевиками, с местными начальниками. Ну и наши его не обижают...

— Ну, дела, — говорю. — Погранцы с мафией корешатся. Сержант оскорбляется:

— Ты что, дурной?! С луны? Здешней ситуации не знаешь? Не корешатся, а вынуждены считаться. Попробуй-ка его обидь, разом осиное гнездо разворошишь. Мало не покажется. Все местные с ним повязаны. А нам чего? Государство чужое, мы не прокуратура, наше дело — границу охранять. Мирно едет — пусть себе едет. Пропуск оформлен, документы в порядке...

Хлопает дверца ястребиного «уазика». Выходит молодая женщина в армейском хаки. На окружающих — ноль внимания. Стягивает с головы тонкую косынку, перевязывает заново. Волосы русые, но понимаю, что не русская. Восточная кровь. Откуда-то с Кавказа.

— Жена, — сообщает сержант. — Они всюду вдвоём. На тот берег тоже вместе мотаются.

— В Афган? Поня-я-я-тно. Стало быть, боевая подруга.

— Подельница, — поправляет сержант и отходит. Хватит, мол, разговор окончен.

В одиннадцать семнадцать зелёные ворота с красными звёздами распахиваются. БМП медленно вползает назад. Выходят старлей и Ястребов. Замечаю, что женщина улыбается, машет старлею рукой. Тот ухмыляется в ответ, шлёт воздушный поцелуй. Ястребов показывает большой палец — «всё о'кей». Старлею:

— Саня, распорядись, пусть палку уберут.

Сержант поднимает шлагбаум. Путь на Калаи-Хумб открыт. Ястребов рвёт с места первым. Следом отъезжают фургон с бойцами, «волга». Сажусь в «газик». Ахадов запускает двигатель, трогается. Злорадствует:

— Это... пришлось Зухуршо голову меж ног спрятать, да? Не пропустили его погранцы? Не зря говорят: «В кишлаке ты лев, а в Бухаре тебя ставят в хлев».

Осеаю:

— Следи за дорогой.

Зухур, конечно, тот ещё гад, но дисциплина есть дисциплина. Ахадов сопит. Вытаскивает из-под сидения грязную тряпку, протирает ветровое стекло. Обижается.

На окраине кишлака за окном проплывает фигура у обочины дороги. Старик с поднятой рукой. На мгновение мерещится — тот самый! Гадальщик, что год назад ворожил мне в Курган-Тюбе. Одёргиваю себя: завязывай фантазировать. Другой старик, не тот. Но это знак. На что указывает? О чём предостерегает? Не знаю. Знакам необходимо доверять. Не раздумывать. Подчиняться первому побуждению. Бросаю Ахадову:

— Стой! Сдай назад.

Он, недовольно:

— Чего?

— Возьмём деда.

Ахадов тормозит, даёт задний ход. Старик неспешно под-
ходит. По-хозяйски распахивает заднюю дверцу. Вблизи — ноль
сходства с гадалщиком. Нет, пожалуй, что-то общее имеется.
Что именно — ускользает, не даётся. Чёрт с ним. В конце кон-
цов, несущественно... Старик устраивается на сидении. Коман-
дует Ахадову:

— Поезжай, сынок.

Нормально! Здесь, на Дарвазе, любой бедняк-колхозник
держится как президент. На всякий случай спрашиваю:

— Дед, гадать умеешь?

— Нет, не способен. Бог таланта не дал. Загадывать —
могу, я много загадок знаю.

Ахадов оживляется:

— А ну-ка...

— Скажи, к примеру, это что? — хитро спрашивает старик.
— Без аркана связывает, без вины казнит, без заслуг награжда-
ет, без оси вращается. Угадаешь?

Ахадов откликается мгновенно:

— Ха, просто! Районный прокурор.

Старик хихикает:

— Первая часть подходит, вторая не подходит. Прокурор
вращается разве?

— Сафаров у нас в Хиссоре только так крутится! И нашим,
и вашим. И большим начальникам, и этим... авторитетам... Зато
со всех имеет. Говорят же: "Хочешь жить — умей вертеться".

— Не угадал, сынок.

— Тогда — жена. Целый день кругами носится: дом-кухня-
огород-коровник и мужика по рукам-ногам вяжет — то сделай,
это где хочешь достань... За всякую мелочь — виноват, не ви-
новат — всё равно мозги проедает. Зато потом, ночью... Пра-
вильно ты сказал — награждает!

Старик хихикает:

— Хе-хе, опять не угадал! Чархи фалак это. Колесо судь-
бы. Круговорот небес. Вот так-то... Ладно, я попроще спрошу.
Что такое? Мёртвое поглощает, живое родит.

Ахадов долго не думает:

— Кошка!

— Почему?

— Мёртвых мышей ест, живых котят рождает.

Старик хихикает:

— Хе-хе, опять не знаешь, оказывается! Земля это.

— Почему?

— Подумай. Покойников где хоронят? А живые злаки, травы и деревья из неё, из земли произрастают.

Ахадов пытается взять реванш:

— Произрастает, говоришь? Выходит, и вы, здешние люди, про землю краем уха слышали. Здесь-то у вас одни только камни. Как в такой стране жить?

Старика голыми руками не возьмёшь. Невозмутимо:

— Хорошая страна. Очень древняя... Эй, смотри! Туда смотри, на скалу. Что видишь?

Ахадов пригибается к рулю, заглядывает вправо, ввысь. Ворчит:

— Камни.

— Э, сынок, быстро едешь, проскочил уже. Там в древние времена крепость стояла. Сейчас уже развалилась...

— Ну и чего? У нас в Хиссоре до сих пор стоит.

— Некоторые старые люди говорят, в крепости один волшебник жил, Акаем его звали, у багдадского царя служил. Царь на него осерчал, сюда сослал. Потом в наши земли подшо Искандар Зулкарнайн пришёл. Акай у него помощи попросил. Подшо Искандар согласился. Багдад завоевал, Акая-волшебника в Багдаде царём поставил. Но этот неблагодарный Искандара околдовал, в Калаи-Хумб увёз и в зиндоне цепями приковал. Много лет прошло. А у подшо Искандара дочь была, Диова-пари. Она в птицу превратилась, узнала, где её отец, прилетела, цепи разбила. Потом стала волшебника уговаривать, чтоб заклинания с Искандара снял. Он расколдовал. А Диова-пари на Акая свою чадру накинула и задушила.

Ахадов цокает языком:

— Крутая девка... А Искандар?

— Домой вернулся. У него своя страна была, Ирони?. Он там всех жителей в истинную веру, в ислам обратил.

Ахадов приоткрывает дверцу, сплёвывает в щель.

– А кувшин при чём? Почему ваш городишко “Кувшин-крепостью” назвали?

Старик, невозмутимо:

– Почему городишко? Зачем так говоришь?! Здесь в древние времена райский сад был. В саду красавица-пари жила, золотые павлины ходили. Пещера имелась, в ней каменные кувшины стояли... Подшо Искандар про тот сад прослышал, захотел себе забрать. Пришёл с войском. Но оказалось, в кувшинах двенадцать дэвов прятались. Стали они с воинами Искандара биться. Потом дэвы красавицу-пари послали, чтоб Искандара в пещеру заманила. Искандар в пещеру вошёл и там исчез. Воины узнали, стали думать: “Что делать будем?” Сказали: “Здесь жить останемся”. Поселились. Они, эти воины Искандара, первыми Калаи-Хумба жителями были...

– Что-то я тебя, дед, не пойму. То так, то сяк говоришь. Сколько раз Искандар сюда приходил? – говорит Ахадов. — Э-э-э, неважно... Всё равно сказки.

Старик соглашается:

– Конечно, сказки. Тёмные люди так рассказывают. На самом деле, наш город пророк Сулаймон основал.

Ахадов поправляет переднее зеркало, чтобы видеть старика. Зовёт:

— Дед, что такое? Пять ног, а идёт на трёх, полтора хвоста, а головы нет.

Старик напряжённо думает. Не хочет ронять престиж ошибочным ответом.

Двенадцать сорок девять. Ещё один шлагбаум. Перед въездом в Калаи-Хумб. Пограницы пропускают без разговоров. Дед выходит. Спрашиваю:

— Что за херню ты старику загадал?

— Э, откуда я знаю! Просто так, от балды сказал. Пусть думает.

Нормально! Экий мудрец. А старичок знаменательный. С первых же слов — о судьбе. Хотя в чём суть знамения, я не понял.

Въезжаем в Калаи-Хумб. Посёлок вытянут в линию, стиснутую ущельем. Центральная, она же единственная, улица обсажена тополями. По узким тротуарам слоняются люди с ору-

жием. Гражданских мало. “Козлик” Ястребова паркуется у обочины в конце длинного ряда автомобилей. Ахадов пристраивается за ним. Выхожу.

— Эй, Кабоб! — зовёт Ястребов.

Басмач в хэбэ и ковбойской шляпе идёт на зов через дорогу.

— Салом, Ястреб...

Поболтав с басмачом, Ястребов подваливает ко мне.

— Обстановка такая: Алёша в штабе, даёт разгон всякой мелкой шелупони. Если вам нужен кто-то из больших авторитетов — Хаким, Мухаммади или Маджнун, то...

— Нет, нет, — торопится Зухур. — Авторитеты не нужны. Только Алёша.

Штаб помещается в здании райисполкома. Перед ним на небольшой площади клубятся вооружённые люди. В коридоре штаба пусто, прохладно и гулко. Из правого крыла доносится громкий галдёж. Ястребов открывает крайнюю дверь, вваливается в комнату. Женщина — за ним. Я пропускаю вперёд Зухура, вхожу последним. Время — тринадцать ноль восемь.

Полевые командиры — душманы, или шелупонь, как определил Ястребов, — расположились вокруг длинного стола. Кто сидит, кто стоит. Быстро пересчитываю. Двенадцать. Каждый при оружии. Горбатого нет ни одного. Спящий имеется. Дрыхнет на дальнем конце стола, опустив башку на столешницу.

Ястребов говорит громко и весело:

— Друзья, общий привет!

Душманы приветственно гомонят. Ястребов спрашивает:

— Эй, Алёш, ты где? Куда спрятался? Я тебе гостей доставил.

Резкий голос визжит из левого угла:

— Лучше ты бы их по дороге утопил.

Душманы расступаются, и я вижу Алёшу. Он сидит в кресле. Атласный халат на нём сверкает наподобие новогодней ёлки. Физиономия в общем-то красивая. Рядом — здоровенный парень. Телохранитель. Красные спортивные шаровары. Бронезилет на голом торсе. Зелёная бандана на голове. Не человек — ифрит из арабской сказки. В руках — АИМС, румынский собрат нашего “калашника” с подствольником. Ифрит стоит, широко

расставив ноги и выставив вперёд пушку. На левую клешню натянута чёрная кожаная перчатка. Чтобы руку не обжигать, когда ствол раскалится...

Алёша вскакивает на ноги. Я слышал, что он невысок ростом. Так и есть. Метр с кепкой. Плюс минус сантиметр. Одет как картинка. Под халатом — шикарный коричнево-чёрный камуфляж. Забугорный, у нас таких не шьют. Горбун сбрасывает новогонный балахон, Похож на маленького, хищного и очень опасного зверька. Подбегает к Ястребову, приподнимается на задних лапках, скалит острые зубки, вопит неистово:

— Сергей, зачем его привёз?! На хрена он тут нужен! Хочешь меня со всеми братьями поссорить? Куда теперь его девать? Хочешь, чтоб я его замочил? Хочешь, да? Я замочу!..

Зухур стоит справа от меня. Наблюдаю, как у него отвисает челюсть. Растерян: как же так? разве не договаривались?! Дипломат долбаный.

Переключаюсь на Алёшу. Пробую понять: реальный псих или на понт берёт? Нет, не блефует. Себя не помнит от ярости. Тяжёлая кобура сползает на живот, он то и дело нервно её поправляет. Не факт, но, возможно, — обманный манёвр. Приучает к жесту, чтобы в нужный момент неожиданно выхватить волну. С психа станется. На всякий случай сам начинаю очень медленно готовиться. Ифрит засекает опасное движение. Поворачивается как танк, всем телом, наставляет на меня ствол.

Алёша визжит:

— Хочешь? Голову отрежу и в Пяндж выкину...

Ястребов убеждает весело:

— Алёша, замочить никогда не поздно. Может, поговоришь с ним сначала.

— О чём с ним толковать?! — горбун отскакивает от Ястребова, бежит вдоль стены. — наших братьев убивают. У Аслона племянника убили. А он приезжает и...

Кто-то урезонивает:

— Этот человек не виноват, что наших братьев убили.

— Не виноват?! — взвывается Алёша. — Из-за таких, как он убивают. Зачем он приехал? Чего ему надо? Чего он лезет в наш бизнес? Здесь своим не хватает. Как-то уладили. Всё распределили. Никто никому не мешает. А теперь опять начнётся...

Опять делить начнём... Это как камень с горы. Один вниз покажется, весь склон обрушится. И без него бучи хватает.

Слова эти точно выдёргивают чеку, и вся душманская камарилья взрывается:

— Правильно говорит!

— Нам чужих не надо...

— Зачем так человека встречать? Пусть скажет, чего хочет...

— Мочить их!

От гвалта просыпается спящий. Спросонок оглядывается. Замечает Зухура. Всакивает на ноги. Вопит:

— А-а, Хушкадамов!!!

Узнаю его. Сухроб по прозвищу Джаррох, “хирург”. Живьём мне не встречался, но фото я видел. Садист и психопат. Командир группы из полсотни боевиков. Когда-то в прошлом работал медбратом, но кличку получил по другой линии. “Хирургом” его окрестили в сентябре девяносто второго после налёта на посёлок Ургут. Вовчики вырезали всех, включая стариков, женщин, детей. Лютовали с извращённой жестокостью. А этот, значит, особо отличился...

Зухур оборачивается на вопль. Хирург прижимает руки к груди, кланяется издевательски:

— Ас-салому алейкум, брат! Как здоровье, брат? Как семья? Как дела?

Лицо его скрывает борода, короткая, плотная. Вроде чёрной хирургической маски. На глазах очки с тёмными стёклами. Облик нелепый. Вроде, одновременно и пугает, и прячется.

Зухур не рад знакомцу. Буркает:

— Ва-алейкум, — и отворачивается.

— Эй, Хушкадамов, куда рыло воротить? Сюда смотри! — вопит Хирург. — Испугался, да? Думал, никогда не встретимся? Нет, слава Богу, встретились! Наконец смогу спасибо тебе сказать...

— На меня вину не сваливай, — хмуро говорит Зухур. — Не я, а ты человека убил.

— Сволочь ты, тварь! — вопит Хирург. — Я не убивал! Это ты на меня клевету навесил! Тебе в райкоме: “Хушкадамов, возьми это дело на контроль”, — поручили. Ты на контроль взял.

Сделал как приказали. Каримову жопу лизал! Пидор коммунист, падарналат!

Душманы затихают, прислушиваются. Толстый бородач интересуется:

— Эй, Сухроб, кто такой Каримов?

— Пидарас враг народа первый секретарь райкома, вот кто, — вопит Хирург. — Племянник того старика, который в больнице умер. Доктор старику лекарство назначил, в историю болезни записал. Мне приказал: “Вот этим инъекцию сделай”. Я сделал. Тот старик умер. Оказалось, доктор неправильно назначил. Потом следствие проводить стали. Доктор тоже сильную родню имел. В зятях у директора хлопзавода ходил. Запись в истории болезни подделали, а этот гандон сука блядь Хушкадамов к тому подвёл, что я виноват. Под танк меня бросил. Все знали, кто виноват. Следователь знал. Прокурор, ишак скотина, знал. Ты, Хушкадамов, бюрократ коммунист, падарналат, чтоб у твоей матери матка лопнула, тоже знал, кто виноват. Я твою сестру в ступе толоч, я твою...

Долговязый душман с орлиным носом — чистый Чинганчгук в исполнении Гойко Митича — встречается:

— Брат, при женщине плохие слова не говори.

— Как про него по-другому сказать?! — дерёт глотку Хирург. — Партократ! Скотина, падарналат! Дом его надо сжечь. Убить без пощады! Из-за него я на зону залетел...

Алёша, крутанувшись к нему, тычет пальцем:

— Сухроб, заглохни, не лезь! Я сам разберусь. Он ко мне приехал.

— А ты?! — вопит Хирург. — Ты к кому приехал? Ты здесь не хозяин. В Хороге командуй. В Рушане командуй...

Ифрит резко разворачивает пушку к Хирургу. Нормально! Убедительный ответ. Хирург затыкается.

— Сергей, что я тебе говорил! — кричит Алёша. — Пока ты их не привёл, тихо было. — Переключается на Зухура: — Просить пришёл? Что-нибудь дашь взамен? Людям и без тебя трудно. Или задарма получить хочешь?..

Делает паузу. Намеренную. Точняк, для того, чтоб мог вступить хор. Душманы как по команде галдят. Зухур силится перекричать общий гай-гуй:

— Не для себя прошу. Для людей в Талх-даре. Им хочу помочь...

Горбун вновь обрушивается на Зухура:

— Я весь Бадахшан кормлю. А ты? Ты кому помог?! Сухроб в беду попал, ему ты помог?

— Брешет Сухроб! — надрывается Зухур. — Ты вообще знаешь, кто он такой? Знаешь, что он в Курган-тюбе творил?!

Хирург вопит издали:

— Зухур, хайло заткни, хайвон! Опять клевету наводишь?

Бросается к Зухуру. Опрокидывает пустые стулья, расталкивает стоящих на пути.

Пока он выдвигается на передний край, я сканирую обстановку. Вдруг вижу: Алёша молча стоит в стороне и наблюдает. Очень спокойно. И очень внимательно. Фиксирует реакцию каждого. Чёрные глазки умом светятся. Всё видит, всё понимает. Замутил воду и ждёт, что из мути выплывет. Рядом ифрит с бластером наготове.

Сухроб наконец пробивается к Зухуру. Брызжет слюной:

— Я тебя на куски порежу, — тянется за пистолетом.

Выхватываю “макарова”, подшагиваю, упираю ствол Хирургу в живот:

— Руки!

Застывает. Лапа виснет на полпути. В таких ситуациях нельзя залипать на противнике. Вижу разом всю комнату. Душман, смахивающий на Чинганчгука, вытаскивает пистолет, целится в меня:

— Брось пушку!

Вжимаю ствол поглубже в брюхо и перемещаюсь влево. Заслоняюсь Хирургом. Алёша вновь выпрыгивает вперёд. Командует Чинганчгуку:

— Убери ствол! Я им гарантию обещал.

Чинганчгук кричит:

— Э, что за гарантия?! Мне Сухроб как брат.

Ифрит самонаводится на Чинганчгука. Алёша кричит мне:

— Эй, ты, отпусти Сухроба! Ствол убери.

Отвечаю спокойно:

— Отними у него пушку, уберу.

Алёша кричит Зухуру:

— Ты, пузатый, прикажи ему!

Он, вроде, завёлся по-настоящему. Хотя чёрт его разберёт. При любом раскладе, ситуация патовая.

В этот момент раздаётся женский голос:

— Эй, мужчины!

Жена Ястребова стоит у стола. Снимает с головы платок, бросает. Лёгкая ткань плавно опускается на столешницу. Ястребица говорит:

— Есть обычай — если женщина бросает платок, мужчины опускают оружие. Это никому не в позор.

Чинганчгук возражает:

— Так у вас, Зухра. У нас по-другому. Таджикские женщины при мужчинах молчат.

Толстый бородач говорит:

— Рашид, гостью не обижай. Хороший обычай.

Душманы соглашаются:

— Хороший.

— Убери пушку, Рашид.

Демонстративно поднимаю “макарова” над головой. Медленно опускаю в кобуру. Если Хирург дёрнется, в любом случае достану скорее, чем он.

— Пусть теперь Сухроб этого мужика в губы поцелует, — предлагает толстый бородач. — Зухра, а такой обычай у вас есть?

Душманы дружно ржут. Ястребов смеётся:

— Хватит и объятий. Дружеских, конечно.

Хирург плюёт Зухуру под ноги:

— Встретимся.

Отталкивает меня, выскакивает из комнаты. Алёша атакует Зухура:

— Ну что, ждали тебя тут? Быстрых денег захотел? Не забывай: быстрые деньги – быстрая смерть. Лёгких денег захотел? Легко с горы катиться. Катишься кувырком, в конце – об камень головой. Скажи мне спасибо — я тебя от Сухроба спас. Как со мной расплатишься?

Опять завёл по новой. Задолбал! Пора кончать цирк. Зову:

— Алёша.

Дёргается ко мне. Угрожающе щерится. Говорю:

— Ты уже напугал Зухура до полной усрачки. Короче, подготавливал к серьёзному разговору. Чего тянуть? Время переходить от торжественной части к концерту по заявкам трудящихся.

Алёша визжит:

— А ты кто?..

Спокойно смотрю ему глаза. Он замолкает и вдруг улыбается:

— Умный, да? — Бросает Зухура: — Пойдём поговорим.

Выходят. Давно бы так. Мне тоже тут нечего ловить. Киваю на прощанье Ястребову и отваливаю.

Возвращаюсь к “газику”. Время: тринадцать семнадцать. Ахадов околачивается рядом. Смотрит вопросительно: “Едем?” Даю отмашку: “Гуляй”. Сажусь. Надо подумать, привести мозги в порядок. Идиотство! Опять вышло, что я оберегаю Зухура. Хотя фактически защищал себя. Если б Зухура завалили, и я бы живым не ушёл...

Но это, по-любому, несущественно. Главное — Зарина вне опасности. Молния не бьёт дважды в одну точку. Следовательно, следующий разряд ударит в кого-то другого. Не в Зарину. Если б я верил в Бога, возблагодарил бы. Но я не верю. Некого благодарить и некого хулить. Работает система. Механизм судьбы. Энергия — не зло. Убивает не энергия, а её концентрация. В точности как электричество. Малое напряжение безвредно. Мы в детстве лизали контакты плоской батарейки: “Кисленько”. Четыре с половиной вольта потешно щипали язык. Разряд молнии — миллионы вольт — убивает на месте. И никакого громоотвода...

Тринадцать тридцать девять. Зухур возвращается мрачный. С ним приходит молодец в рушанской тубетейке. Парень открывает дверцу “газона”:

— Ты Даврон? Идём, Алёша хочет тебе два-три слова сказать.

Зухур, брюзливо:

— Зачем? Обо всём договорились.

— Теперь к Даврону разговор есть.

Парень проводит меня насквозь через здание райисполкома во внутренний двор. Алёша дожидается, привалившись боком к здоровенному джипу. С ходу берёт быка за рога:

— К Зухуршо какие претензии имеешь?

— Никаких. Всё нормально.

— Зачем обманываешь? Я видел.

Приметливый чёрт!

— Пустяки, — говорю. — Гонора у него много. Я этого не люблю.

Алёша:

— Правильно. Гонора много, дела мало... У тебя какая доля?

— В смысле?

— Какой процент Зухур тебе даёт?

— Никакой. У меня с ним ноль расчётов. Сангак попросил немного покараулить. О доле речи не было. Сангак погиб, вернусь в Курган.

Смотрит испытующе:

— Правду скажи.

— Уже сказал.

Молчит, размышляет, потом спрашивает:

— Каюма знаешь?

— И ты о том же! Последние дни только и слышу: Каюм, Каюм... Ладно, кончай допрос. Дело имеешь — говори, а нет дела — уйду.

— Подожди, Даврон, у меня хорошее предложение есть. Хочу тебя в долю взять. Этот новый сорт... Давай так: сорок — тебе, шестьдесят — мне. Ты выращиваешь, собираешь, остальное я делаю. У тебя — никаких забот.

— А Зухура ты куда определил?

Он удивляется:

— Какой Зухур? Ты же его уберёшь.

Нормально! Сезон охоты на Зухура. Блатные, Алёша... Кто ещё? Говорю:

— Предположим. Только я-то тебе зачем? Поставь своего человека.

— Не моя территория. Слишком много сложностей. А ты — совсем другое дело: местные к тебе привыкли, бойцов имеешь...

— Спасибо за предложение, — говорю, — но у меня тоже пара проблем. Во-первых, я не завхоз...

— Ты команду, а завхоза найдёшь.

— Погоди, — говорю, — главное в другом: я не киллер.

Алёша смеётся:

— Я в своей жизни ни одного человека не убил. Поручи кому-нибудь.

— Не по моей части. На войне сам убивал и другим приказывал. Но не из-за денег.

Алёша вдруг ни с того ни с сего приходит в бешенство. Отпрыгивает от меня, отбегает шагов на пять. Застывает на месте, спиной ко мне. Горб вспучивается, плечи напряжённо подняты... Спокойно наблюдаю. Секунд через тридцать плечи опускаются. Порядок! Умеет брать себя в руки. Конечно, когда считает необходимым. Оборачивается, подходит. Бледный от злости, но говорит холодно:

— Несправедливо обижаешь. Деньги — грязь, я не ради грязи работаю. Весь Бадахшан от голода спасаю. У любого спроси.

— Честь и хвала, — говорю, — но у меня другая специализация. Ну что, без обиды?

Алёша скалит острые зубки, топорщит усики, произносит надменно:

— Я тебе предлагал человеком стать. Сейчас под Зухуром ходишь, а так хозяином бы сделался. Но ты, наверное, подчиняться привык, свободу, наверное, не любишь... “Без обиды?” — спрашиваешь. На себя обижайся: мог плётку взять, а выбрал ошейник. Как хочешь — это твой выбор. Но ты мне отказал. Я не забуду. В Хорог лучше никогда не приезжай...

Глава 17

Карим Тыква

Сердце кровью плачет, слёзы печень разъедают... Куда идти, не знаю, что делать, не понимаю. Почему они дядюшку Джоруба не слушали? Он: “Зарина просватана”, — сказал. Он отказ дал, “Нет”, — сказал. Почему они несправедливо поступают? Почему без согласия родни девушку насильно забирают? Как теперь жить буду?

Едем. Куда, не знаю. Даврон приказал: “С Зухуром поедете”. Оружие взяли, в “скорую помощь” погрузились, вверх по ущелью едем. Шухи-шутник спрашивает:

— Эй, Тыква, о чём печалишься? Почему рожа — как хлеб подгорелый?

Молчу. Шухи не унимается:

— Тыква, а, Тыква, расскажи, почему тебя тыквой зовут.

Молчу. Кто-то из ребят говорит:

— Оттого, наверное, что с тыквами играть любит.

— Нет, с тыквой не поиграешь, — Шухи говорит. — Корка жёсткая, а мяса мало. Я одного мужика знал, он с арбузами играл. Арбуз на бахче на солнце нагреется, горячий станет, внутри — мягкий и сочный, как кус у девушки. Тот мужик в корке дырку делает и...

В это время фургон тормозит, останавливается. Стоим. Гург-волк приказывает:

— Эй, Тыква, проверь, что за дела.

Дверь открываю, выхожу. Вижу: “скорая помощь” в начале крутого спуска остановилась. Внизу ручей Оби-Бузак дорогу перегораживает. Весной он всегда широко разливается. Посреди разлива передовой “уазик” со снятым верхом застрял. Как говорят, “угодила лягушка в кувшин с пахтой”. Вода как пахта — белёсая, мутная, выше колёс захлёстывает. На берегу “газик” и “волга” друг за дружкой, до воды не доехав, стоят. В “газике” без верха Даврон во весь рост поднимается, меня видит, рукой машет. Говорю:

— Даврон знак показывает. Угроза засады.

Ребята из “скорой помощи” вылезают, ноги разминают.

— Э-э-э, — Гург-волк говорит, — кто здесь будет засаду устраивать? Зря Даврон трухает. В войнушку играет. Командиром себя показывает...

Даврон учил, как при угрозе засады на дороге поступать надо. Осматриваюсь. Слева — скала, как стенка кувшина отвесная. Дорога узкая. Справа — крутой обрыв, а под ним внизу река Оби-Талх бурлит. Приказа Гурга не жду. Автомат с предохранителя снимаю, ствол влево, на верх скалы направляю. Ребята смеются. Шухи говорит:

— Парни, отдыхать ложитесь. Тыква защитит.

Внизу, посреди ручья “уазик” дёргается, как лягушка скачет, с места не трогается. Водитель Зухура из «волги» выходит, к воде направляется, Нуру, шофёру “уазика”, орёт:

— Эй! Под колёсами посмотри!

Нур не слышит — вода бурлит, мотор ревет. Зухуров водитель опять кричит. Нур оборачивается, скалится: “Чего тебе?”

— Э, дурак, девона! Под колёсами проверь! — Зухуров водитель орёт.

В это время из «волги» Зухуршо выходит, к воде идёт. На плечах змей лежит. “Это не Нур, а Зухуршо дурак, девона, — думаю. — Зачем тяжёлый груз на себе зря таскает? Перед кем хвалится?” Раньше я Зухуршо очень уважал. Теперь совсем не уважаю. Несправедливый человек. О Зарине вспоминаю, печалюсь.

Зухуршо у воды останавливается. Наблюдает.

Нур, шофёр застрявшего “уазика”, в воду прыгает, нагибается, под передним колесом шарит. До дна не дотягивается. Вода высокая. Нур воздуха набирает, голову ко дну будто утка опускает. Парень на переднем сидении за борт перегибается, за руку его держит, чтоб течением не унесло. Нур шарит, шарит, выныривает.

— Эй, Нур, что нашёл?! — Зухуров водитель орёт. — Если золото, с нами поделись!

Нур, мокрый, злой, кричит, ругается:

— Тут какая-то сука...

В это время будто гром ударяет. Выстрел. Откуда-то сверху. Наверное, со скалы. Туда смотрю, никого не вижу. В узких местах не поймёшь, откуда звук идёт. По ущелью эхо прокатывается. В кого стреляли? Рядом со мной ребята по верхушке скалы из автоматов две-три очереди дают. Потом за “скорой помощью” прячутся.

Слышу: внизу, у ручья кричат. Смотрю: у ног Зухуршо змей бьётся, извивается. Потом вижу: в ручье Нура, шофёра “уазика”, вода к капоту машины отбрасывает. Наверное, выстрела испугался, руку отпустил. Вода Нура вокруг переднего крыла проволакивает и вниз по течению тащит. Ребята, которые в «уазике» сидят, за борт прыгают, позади машины хоронятся.

— Тыква, чего хайло разинул?! — Гург-волк кричит. — Сюда давай!

Спохватываюсь, тоже позади фургончика присаживаюсь.

— Откуда выстрел? — Гург спрашивает.

— Я не засёк, — Шухи говорит.

Тихо. Никто не стреляет.

— Ушёл или зашкерился?

Слышу: внизу, у ручья кричат:

— Мора держи!

Выглядываю, вижу: Зухуров змей в нашу сторону удирает. Огромный, длинный. Удивляюсь: почему не извивается? Будто прямая жердь, которую кто-то на невидимой верёвке вдоль по дороге тащит. Наверное, пуля в него попала, поэтому так передвигается. Змей мимо “скорой помощи” проползает. Мелкие камешки под брюхом шуршат: шшш-ш-ш-шшшш-шшш-ш-ш-ш-шшшш-ш-ш—ш-ш-шшшш... Прополз и дальше, вверх по подъёму, утекает.

— Ловите! — Зухуршо кричит.

Громко кричит, страшно. Эхо по ущелью как гром прокатывается: ...ЛО... ВИ... ТЕ-Е-Е-е-е-е-е-е-е...

Ребята за “скорой помощью” прячутся, смеются, змею вслед свистят. Никто не догоняет. Слышу, Зухур опять кричит:

— Сукины дети! Мора хватайте!

Ребята один другого толкают:

— Ты лови!

Топчутся, пересмеиваются. Боятся. У меня в душе смелость вспыхивает.

— Йо, бисмилло! — кричу, за змеем бегу.

На верху спуска, слева у скалы большой валун лежит, под ним — щель. Мор в щель голову сует, внутрь заползает. Хвост снаружи остаётся. Подбегаю, автомат бросаю, за хвост хватаю, тяну. Хвост будто лошадиная нога толстый. Змей хвостом мотает, меня из стороны в сторону бросает. Я тяну. Мор поддаётся, назад выползает. “О-ха, — думаю. — Поймал”.

Змей из щели голову выдёргивает. Переднюю часть тела широкой волной изгибает и... голова ко мне бросается.

— Вай!

Змей зубами в мою левую ляжку сбоку впивается. Будто

собака. Я хвост из рук выпускаю, змея за шею дёргаю, кулаком между глаз бью. Змей сильнее зубы сжимает. Длинным телом ко мне подтягивается, обе ноги обвивает. Одно кольцо набрасывает, другое третье... Бедра охватывает, колени, икры, лодыжки. Не жмёт, не давит, а вырваться невозможно. Я будто в кадке с крутым тестом по самые бёдра увяз. Слышу, как змей дышит: “У-у-у-у-ух...” “Ху-у-у-у-у...” “У-у-у-у-ух...” “Ху-у-у-у-у...”

“Сейчас упаду, — думаю. — Он за шею схватит, задушит. Что делать?”

Автомат далеко лежит, не достану. Даже камня рядом нет. Один булыжник в стороне лежит. На баранью голову похожий. Шагнуть не могу. Если на землю брошусь, может быть, дотянусь. Но тогда змей до моего горла доберётся.

“Всё равно, — думаю, — Или задушит, или от змеиного яда умру”. Укус на ноге болит, сил нет терпеть. “Не стану ждать, сам его убью, — думаю. — А потом как Аллах захочет, так и будет”.

На дорогу боком падаю, к бараньей голове тянусь. Пальцами острый край камня царапаю, ухватить не могу. На локоть опираюсь, чтоб ближе подползти, голос Зухуршо слышу:

— Аджойб, удивительно! Кишлачный дурень, а Мора поймал.

Голову поворачиваю. Он и ребята вокруг столпились. Бог спас. Я змея если б убил, Зухуршо меня бы жизни лишил. Когда за камень хватался, о том не подумал. Очень страшно было.

Шухи говорит:

— Нет, это Мор дурня изловил.

Ребята смеются, во все глаза смотрят, ждут, что дальше случится. Мор опять шуршит, ещё одно кольцо на меня набрасывает. Я терплю. От боли в бедре кричать хочется — молчу. На Зухуршо смотрю, вижу: ему нравится, что Мор в меня зубами впился, кольцами обвил. Силы собираю, Зухуршо говорю:

— Прикажете ему, пусть отпустит.

Зухуршо усмехается. Шухи-шутник спрашивает:

Ребята хохочут:

— Гляди, гляди, уже заглатывает!

— Ты что, брат! Змея тыкву не ест. Она овцами питается.

— А Тыква разве не овца? — Шухи спрашивает.

Смеются, с размаху друг друга по ладоням бьют:

— Хорошо сказал!

Очень глупо сказал. Они языком молоть смелые. А змея ловить — головы в брюхо втянули. Потом Хол автомат за спину закидывает, на корточки присаживается, Мора за шею тащит. Я не выдерживаю, кричу. В это время Даврон подходит.

— Ты ему всё мясо из ноги вырвешь, — говорит. — У этой змеи зубы назад загибаются. Чем сильнее тянешь, тем они глубже впиваются. Надо змее пасть пошире раскрыть. По очереди сначала нижнюю челюсть, потом верхнюю вперёд протолкнуть.

Так и делают. Потом ноги освобождать начинают. Хол голове змея держит, ребята нижнее кольцо с моих лодыжек спускают, будто толстый обруч через ступни стягивают, за следующее принимают... Наконец освобождают. Встаю, едва на ногах держусь. Укушенное место будто огнём жжёт. Даврон говорит:

— Молодец, Карим. Смелый парень.

Несколько ребят змея поднимают, назад к машине несут. Я свой автомат поднимаю, на предохранитель ставлю, вслед за ребятами хромаю. Хол говорит:

— Если змею ранят, она всегда траву ищет. Бузчи-бузчи находит, один листок срывает, слюной мочит и к ране приклеивает.

Шухи смеётся:

— Эту змею тоже надо в горы отпустить. Пусть сама себя вылечит.

Зухуршо гневается:

— Я тебя в задний проход вылечу и в гору выпущу.

Ребята змея до “волги” доносят, в корзину кладут, на заднее сиденье ставят. Те ребята, что посреди разлившегося ручья Оби-Бузак застряли, уже в “уазике” сидят, во все стороны автоматы выставляв. Даврон своему шофёру командует:

— Ахадов, лезь в воду. Проверь, что под колёсами. Трос возьми...

Ахадов ворчит:

— Чуть беда — “Ахадов, сюда!” Надоело.

Верёвку из-под сиденья достаёт, один конец вокруг пояса обвязывает, другой ребятам передаёт, сам в воду заходит, трос

к задку «уазика» прицепляет. Потом к передку перебирается, в воду с головой окунается, выныривает, кричит:

— Доска с гвоздями. Колесом придавило, не вытащить.

— Ладно, возвращайся, — Даврон приказывает. — Верёвку им оставь.

Ахадов мокрый на берег выходит, свободный конец трос к передку «газика» цепляет, за руль садится, застрявший «уазик» назад дёргает. Потом в «уазике» один из ребят верёвкой обвязывается, в воду спрыгивает. Те, кто в кузове, верёвку держат. Парень, который в воде, доску поднять пытается.

— Чего возишься? — Зухуршо кричит.

— Камнями придавлена.

Даврон приказывает:

— Помогите ему.

Второй парень из «уазика» в мутную воду спускается. Вдвоём длинные доски со дна поднимают. Из досок гвозди большие торчат. Ребята доски в кузов бросают, сами туда забираются, один за руль садится. Ахадов тросом «уазик» на берег вытаскивает. Теперь «уазик» проезд загораживает. Его не объехать, дорога узкая.

— Загоняйте назад, в воду, — Даврон говорит. — В сторону, вниз по течению, чтоб место освободить. Потом заберём.

— Передние колёса спущены, — кто-то жалуется.

— Ребята подтолкнут.

Начинают «уазик» в ручей загонять. Ребята изо всех сил налегают:

— Круче выворачивай! Вправо! Ещё круче!

Я на берегу сижу. Нога болит. Будто кто-то к змеиному укусу дно сковородки, на огне раскалённой, прижимает. Так жжёт. «Наверное, мясо от яда горит», — думаю. Штаны спустить, посмотреть — нельзя. Неприлично. Рядом Зухуршо с Давроном беседу ведут, меня не замечают. Я слушаю. Зухуршо говорит:

— Мор вместо меня пулю принял. За то, что Мора ранили, полностью весь кишлак до последнего человека накажу.

— Какой кишлак? — Даврон спрашивает. — Ты знаешь, кто стрелял? Из какого кишлака?

— Из Талхака. Уверен, за парторга мстят.

— Не факт. Про родичей Зебо, твоей жены покойной, за-

был? Да и в Ворухе ты многим на хвост наступил. Притом всяк боится, что землю отберём. На нас в любом кишлаке зуб точат.

— Каждый и ответит.

— Всех не перебеёшь, а оружие реквизировать необходимо. Сегодня же. Давай так: ты садишься к бойцам в фургон — “волга” здесь не пройдёт — и едешь в верхний кишлак. Я с остальными — в Талхак. Завтра вместе Ворухом займёмся.

Зухуршо говорит:

— Сделай всё сам. Я назад, в Ворух вернусь. Ветеринара позову, Мора надо лечить.

Даврон усмехается:

— Ладно. Лечи своего дракона, а я вечером вернусь, тебя полечу, — и кулак потирает.

“Зачем, — удивляюсь, — Зухуршо лечить, если пуля в змея попала? И разве Даврон доктор?”

Зухуршо не отвечает, в “волгу” забирается. “Скорая помощь” задний ход даёт, за ней “волга” задом трогается. Вверх уезжают. Где-нибудь — там, где дорога пошире, — разъедутся, развернутся. Время проходит, “скорая помощь” возвращается. Ребята, мокрые, злые, в неё набиваются. Кто не поместился, тех Даврон в свой “газик” сзади сажает. Едем. Ногу жжёт, будто у костра сию, к самому огню придвинулся, отодвинуться не могу. Думаю: “Нуру ещё хуже. Его, беднягу, вода в Оби-Талх утащила? Что с ним? Жив ли?”

Шухи-шутник меня по плечу хлопает:

— Тыква у нас сегодня герой.

Ребята смеются. Почему, не знаю.

Потом Шухи спрашивает:

— Хол, стук слышишь?

Я тоже слушаю. Мотор гудит, ветер в открытое окно дует, шуршит.

— Камешки по днищу, наверное, стучат, — говорю.

— Это у меня яйца гремят, — Шухи хохочет. — В ледяной воде ледышками стали.

Ребята смеются. Так до Талхака доезжаем. На площади у мечети останавливаемся. Пусто. Обычно здесь всегда люди стоят. Поговорить, новости узнать собираются. Сейчас никого нет. Из “скорой помощи” выходим.

Даврон спрашивает:

— Орлы, кто из этого кишлака?

Я шаг вперёд делаю.

— Ты как, на ходу? — Даврон спрашивает. — Ноги держат?

— Так точно! — отвечаю.

— Тут у вас есть такой чёрный, кособокий... Зухуршо асаколом его назначил. Найди.

Объясняю:

— Шириншо это, Горохом зовут. Сюда привести?

Даврон думает, потом говорит:

Догадываюсь:

— К деду, значит, Мирбобо.

— Идём, покажешь, где дед живёт. Потом асакола туда доставь. — Ребятам говорит: — Вы, орлы, здесь ждите. Местных не обижать. Грубое слово кому скажете, язык вырву.

— Нас не обидят, мы не обидим, — Хол говорит.

Даврон хмурится:

— С Рембо, дружком своим, свидеться хочешь?

К дому деда Мирбобо идём. Нogu жжёт, хромаю. Думаю: придём, Зарина увидит, что я ранен, спросит: “Что такое?” Даврон скажет: “Карим змея поймал. Все ребята испугались, один Карим не испугался. Смелый парень Карим”. Зарина встревожится, скажет: “Рану надо перевязать”. Я скажу: “Зачем? Так пройдёт”. Вспомнил потом, что её замуж выдают. Иду, печалюсь. Даврон молча шагает. Потом говорит:

— Да, — говорит, — сам пойду. Так правильно будет. Наших духов к ним нельзя посылать. Дед — старый фронтовик, ветеран. Эта семья — хорошие люди, с ними вежливо надо...

Молчит. Чтоб разговор поддержать, говорю:

— Очень большая змея. Зубы очень острые.

Даврон будто не слышит.

— Что? — спрашивает. Потом говорит хмуро: — Да, острые...

Опять молчит. Я тоже молчу. Хорошо бы с Давроном побеседовать, от горьких мыслей отвлечься. Но первым разговор начинать нельзя. Неприлично. Я когда маленьким был, отец часто говорил: “Карим, сынок, учись молчать, пока мал. При стар-

ших язык за зубами держи. В неспелой тыковке семечки не гремят”. А я в подол рубашонки камешков набросаю, прыгаю и кричу: “А у меня гремят, у меня гремят”. Отец с мамой смеялись, Тыковкой меня прозвали. В детстве очень болтлив был. Вырос, правильно себя держать научился.

Потом Даврон говорит:

— Эта девушка...

— Какая девушка? — спрашиваю.

Даврон сердится:

— Какая! На которой Зухуршо женится.

— Зарина, — говорю. — Очень хорошая девушка. Красивая, работающая. Волосы золотые.

Даврон не отвечает. Чувствую: сердится. Почему сердится, не пойму. Я тоже сильно сержусь.

— Очень хорошая девушка, — говорю.

Приходим, в мехмонхоне садимся, дед Мирбобо тоже с нами сидит. Жду, может быть, Зарина чай принесёт. Жаль, если маленькую девчонку с чайником пришлют. Хорошо, если Зарину. Даврон приказывает:

— Иди, Карим, тащи сюда асакола.

Автомат беру, выхожу, вниз по улице хромаю. Когда к деду Мирбобо шли, нога меньше болела. По верхнему мосту через Оби-Санг — речку, которая наш кишлак на две половины делит, — на эту сторону перехожу, к дому, где Шириншо у родичей ютится, подхожу. У ворот останавливаюсь, кричу: “Эй, асакол!” Пять раз кричу. Наконец мальчишка из дома выскакивает.

— Чего?

Этот Шириншо большим человеком себя выставляет. Ему теперь зазорно на каждый крик выходить. Племянника послал.

— Шириншо где?

— Занят. Сказал, чтобы ты подождал.

Сержусь. Очень сильно сержусь. Автомат с плеч сбрасываю, во двор вваливаюсь. Со злости в дом вломиться хочу, но, спасибо Богу, одумываюсь. Нельзя. Женщины там. Чужим запрещено входить. Справа от ворот — мехмонхона, пристройка для гостей. Я туда заскакиваю, возле порога ботинки военные скидываю, на почётное место усаживаюсь, автомат рядом с со-

бой на курпачу бросаю и в раскрытую дверь мальчишке приказываю:

— Скажи, пусть сейчас сюда идёт! Скажи, Карим ждать не будет.

“Если мигом не прилетит, — думаю, — то я его...” Но гнев думать мешает. Никак сообразить не могу, как с Горохом поступить, если задержится. А если прибежит, но, как всегда, насмешничать начнёт? Злой он человек, Шириншо. Ехидный. “Если потешаться станет, — думаю, — то я его...” И опять ничего придумать не могу — гнев разбирает. Потом слышу: шаги во дворе. Шириншо-Горох к мехмонхоне спешит, ковыляет. Понял, с кем дело имеет.

Входит. Меня на ноги подняло, будто сухой лист ветром подхватило. Вскакиваю и стою. А как иначе? Старший в комнату вошёл. Стою и сам на себя злюсь — зачем вскочил?! Не хотел, а встал. Чувствую, сейчас Шириншо усмехнётся, свысока ко мне обратится, старшинство своё наружу выпятит... А Шириншо ко мне подходит, первым обе руки с уважением протягивает:

— Здравствуй, Карим-джон. Добро пожаловать. Как ты? Всё ли хорошо? Как дела, как здоровье? Семья как?

Хочу я ему одну руку подать. Одну тяну, а вторая сама собой подтягивается. Обеими пожимаю.

— А-а, дядюшка Шириншо. Здравствуйте.

Сажусь, не дожидаясь, пока старший, хозяин дома, сядет. Шириншо напротив опускается — не на мягкую курпачу, вдоль стены расстеленную, а прямо на пол, на вытертую кошму. Своё подчинённое положение подчёркивает.

— Срочное дело, Шириншо, — говорю. — Даврон тебя к себе вызывает.

Нарочно так говорю. Не хочу с ним вежливость соблюдать — вначале о здоровье, делах и семье расспросить. В это время мальчишка через порог заползает. Чайник притаскивает, свёрнутый дастархан с угощением. А сам исчезает. Шириншо, на ноги не поднимаясь, на карачках до порога добирается, дастархон ко мне подволакивает. Скатерть раскидывает, чайник с пиалой ставит, лепёшку на куски ломать начинает.

— Чаю выпей, пожалуйста, Карим-джон.

— Некогда, — говорю. — Даврон ждёт.

Неправильно так говорить, нельзя от хлеба отказываться, но я всё равно говорю.

Шириншо лебезит:

— Извини, что угощение скудное. Хотя Зухуршо меня асаколом назначил, я человек бедный. Такой почётный гость в дом пришёл, а ублажить нечем. Прости нашу убогость.

— Э, асакол, не плачь, — говорю. — Скоро наш кишлак богатым будет. И ты тоже.

Шириншо просит:

— Ну, хоть этих райских плодов отведай.

С тарелки ягоду сушёного инжира берёт, мне протягивает.

— Недосуг, — говорю.

— Карим-джон, не обижай, пожалуйста.

Не хочу брать, а беру. Утерпеть не могу, инжир с детства люблю. Мама мне рассказала, что инжир — райское дерево, и прародители наши, Дед Одам и Хаво-момо, когда ещё в раю жили, только инжиром питались, и я всякий раз, как ягоду в рот кладу, будто ещё при жизни на минуту в рай попадаю.

Шириншо говорит:

— Ты теперь аскер, военный йигит, нам, простым людям, защита.

Опять, как прежде, надо мной смеётся? Понять не могу. Э-э, какая разница! Сейчас я приказываю, он подчиняется. Встаю, автомат беру, у порога обуваюсь.

— Идём.

Шириншо за мной плетётся. По крутой улочке к верхнему мосту через Оби-Санг спускаемся. Нога очень сильно болит, я терплю, изо всех сил не хромать стараюсь. Мужчина не должен слабости поддаваться. Шириншо-Горох просит жалобно:

— Карим-джон, окажи милость, придержи шаг. Ты хоть и ранен на войне, никак за тобой не поспею. Как говорят, лев, даже раненный, сильнее собаки.

Приятно мне, но говорю строго:

— Откуда знаешь, что ранен? Упал, ногу ушиб.

Шириншо говорит:

— Разве такой, как ты, йигит может упасть? Ты, Карим-джон, наверняка в бою ранен. Но нам, простым людям, про ваши

военные дела нельзя знать. Потому рассказать не прошу. Даже если сам рассказывать начнёшь, слушать не стану.

Обидно мне становится.

— Почему не станешь?

— Бог мне здоровья не дал, в армии я не служил, — говорит, — но про военную тайну тоже кое-что слышал. Тебя, дорогой Карим, подводить не хочу. Расскажешь — командиры ругать будут, накажут...

Я сержусь. Этот шакал никакого уважения не имеет.

— Э-э, что знаешь?! — говорю. — Никто наказывать не станет. Мне сам Зухуршо спасибо сказал. Даврон меня похвалил.

В сердцах рассказываю, как нас возле ручья Оби-Бузак обстреляли. Как я змея спас. Он слушает, языком цокает:

— Ц-ц-ц, молодец, Карим! Керу твоего деда хвала!

Так за разговорами до моста спускаемся, к дому деда Мирбобо поднимаемся. В мехмонхону входим, садимся. Я в углу пристраиваюсь.

— Эй, ты чего там? — Даврон зовёт. — Сюда иди.

Я к дастархану перебираюсь, сбоку присаживаюсь, поближе к двери, где младшим сидеть положено. Даврон чай наливает, Шириншо-Гороху пиалу протягивает.

— Такое дело, уважаемый, — говорит, — надо народ собрать. Объявить, чтобы мужики сдали огнестрельное оружие. Полностью до единого ствола.

Шириншо тубетейку на лоб сдвигает, затылок потирает, умную рожу корчит.

— Важное дело, надо с умом подойти... Без меня вам бы его ни за что не осилить. Не зря уважаемый Зухуршо меня асаколом назначил. Никого и собирать не надо. Сказано: "Никакую тайну от людей не скроешь, луну глиной не замажешь". Я в этом кишлаке всё про всех знаю.

— Ладно, — Даврон говорит. — Проверим. Сколько в этом доме оружия?

Шириншо задумчивую рожу строит, глаза вверх поднимает, будто список на потолке читает. Потом пальцы один за другим загибает:

— Ружьё с двумя стволами, которое дробью стреляет. Раз. Карабин. «Белка», кажется, называется. Два...

Дед Мирбобо дремлет, будто Шириншо про чужие ружья рассказывает.

— Три: с одним стволом ружьё. Старое, не стреляет. Починить надо

Даврон усмехается:

— Вас, уважаемый, надо было не асаколом, а каптенарму-сом назначить.

“Что за должность?” — удивляюсь.

Шакал Шириншо опять вверх смотрит.

— Ещё одно ружьё есть, — говорит. — Совсем старинное. Мультук.

Дед Мирбобо в разговор вступает. Просыпается, глазами моргает, выпрямляется.

— Это прошлых времён ружьё, — шамкает. — Дедовское ружьё. Усто Палвон из Ванча его сработал. В давние годы ванчское железо и ванчские кузнецы лучшими считались. Мой дед покойный знаменитым усто, мастером-охотником, был. В молодости у знаменитого усто Хакима ремеслу обучался. Потом дед это ружьё моему отцу передал, а отец мне вместе с рисолей вручил...

— Что за рисоля? — Даврон спрашивает.

— Охотничье наставление, — дед Мирбобо объясняет. — Каким охотник быть должен, какую жизнь вести, чтобы настоящим усто-мастером стать. Говорят, в прежние века рисоля на бумаге была записана. Мне-то отец на словах сообщил. А я сыну, Джорубу, передал. А прочие охотники ныне не те...

Я думаю: “Почему дед Мирбобо про меня не сказал?!” Я от дядюшки Джоруба охотничье наставление получил. Он мне рисолю пересказал, выучить наизусть заставил. Дядюшка Джоруб — мой усто-учитель, искусству охоты меня обучает. Потом думаю: “Обижаться не надо. Скромным надо быть”.

Дед Мирбобо продолжает:

— Старинный охотник прежде, чем в горы пойти, молитвой себя очищал, от жены воздерживался. Нынешний же — проснулся, встал, ружьё взял, в горы пошёл. Как в сельмаг за консервами...

В это время в раскрытой двери Зарина появляется. Через порог перегибается, блюдо, большое, деревянное, полное мяса

жареного, на пол ставит. У меня сердце как бешённое бьётся. Чуть не плачу. Какая красивая! Волосы будто золото. На неё не смотрю. Шакал этот, Шириншо, глазами своими шакальими Зарину разглядывает, усмехается. Зарина выпрямляется, к Даврону обращается, будто в школе у доски выученный дома урок проговаривает:

— Даврон, здравствуйте! Скажите, пожалуйста, как там Андрей?

— Нормально. Служит, — Даврон отвечает, пустую пиалу в руках крутит.

— Не обижает его ваш начальник?

Дед Мирбобо говорит:

— Иди, Зарина-джон, иди. Я спрошу. Нехорошо молодой девушке с гостями заговаривать...

Зарина взглядом деда ожигает, будто горсть раскалённых угольков ему бросает, убегает. Я вскакиваю, блюдо поднимаю, на середину дастархона ставлю.

— Не беспокойтесь, дедушка, — Даврон деду Мирбобо говорит. — Внук ваш за себя постоять умеет.

Правильно говорит. Андрей не испугался, сразу с троими дрался. Побили его, конечно, немного, но ничего — все кости целые остались.

— Хорошо, — дед Мирбобо кивает. — Молодым в армии служить обязательно надо.

Шакал Шириншо тем временем по-хозяйски лепёшки ломает, вокруг блюда разбрасывает.

— Во имя Бога милостивого, милосердного. Берите, пожалуйста.

Сам первый кусок мяса хватает, в рот отправляет. Дед Мирбобо вздыхает:

— Сейчас-то мяса много — что снега зимой в горах. Как потом жить будем? Весь скот перерезали. Нельзя ружья у людей отнимать. Если отберёте, совсем мяса в доме не станет. С чем наши мужики на охоту пойдут? С луком да пращей — только воробьёв бить.

— Дедушка, — Даврон говорит, — вы на войне были, воевали, сами знаете. Стреляли в нас. Нельзя в таких условиях людям оружие оставлять.

А Шириншо, дармовое мясо прожевав, за новым куском тянется.

— Без меня, — повторяет, — вы бы ни одного ствола не отыскиали. Здешние люди хитрые. Прослышат, что отнимают, найди потом, куда они свои ружья запрячут.

Дед Мирбобо спрашивает:

— Что же, сейчас заберёте или как?

Даврон говорит:

— Как мы ваш арсенал потащим? Вечером сдадите, вместе со всеми. А вот мультук сейчас покажите.

Дед Мирбобо говорит:

— Карим, сынок, идём, принесёшь.

Встаёт. Мы все на ноги поднимаемся, я вслед за дедом Мирбобо иду. В чулане ружья на гвоздях висят. Одноствольное ружьё. Двуствольное ружьё. Один гвоздь пустой торчит. Я гляжу на гвоздь, на котором карабин должен висеть, молчу. Дед Мирбобо на меня смотрит и тоже молчит. Потом говорит:

— Бери мультук, сынок.

Мультук — длинный, старый, из чёрного железа — в углу стоит. Беру.

— И пояс возьми, — дед говорит, с гвоздя снимает.

Из старой кожи пояс, ветхий. К нему на ремешках старинные снасти привешены: короткий толстый рог — пороховница с затычкой, мешочек кожаный, кремь и кресало, фитиль скрученный.

Приносим. Даврон к плечу мультук то так, то сяк прилаживает.

— Тяжёлый, — говорит. — Неудобный. Приклад слишком короткий.

Дед Мирбобо растолковывает:

— Сошки подставлять надо. Без сошек не попадёшь. Сюда вот, на полку, порох подсыпать. Фитиль зажжённый держать наготове надо. Хороший мультук. Калашников, конечно, быстрее. Но этот очень точно бьёт.

Даврон усмехается.

— Снайперское, говорите, оружие?

Мультук кладёт, пояс берёт. Из пороховницы затычку вы-

таскивает, на ладонь порох высыпать пытается — узнать, какой он, старинный порох.

— Пусто, — говорит. — А мешочек для пуль, должно быть? Тоже пустой.

— Не нужны они, заряды, теперь, — дед Мирбобо объясняет. — Козлов Джоруб из карабина стреляет, куропаток — из ружья.

Шириншо сам будто куропатка вспархивает:

— Где он сейчас, Джоруб? С нами почему не сидит?

— Делами Джоруб занят, — дед Мирбобо говорит. — С баранами, с козовами. Недосуг ему.

— А-а-а-а, — Шириншо тянет. — С баранами, козами... Не за козлом ли в горы ушёл?

А сам за дедом Мирбобо наблюдает, будто гадает, нет ли под большой чашкой ещё и меньшей.

Дед Мирбобо отвечает спокойно:

— Зачем за козлом? Мяса пока много. Скот кормить нечем, режем... У меня, товарищ командир — извините, звания не знаю, — просьба есть. Старое ружьё не забирайте, пожалуйста. Дедовское оно.

Даврон:

— Ладно, — кивает. — К вам лично из уважения. Да и боеприпасов к нему не имеется.

— Тысяча раз спасибо, — дед Мирбобо руку к сердцу прижимает.

— И говорить не о чём, — Даврон отвечает, встаёт.

Шириншо возится, на ноги вскочить пытается:

— Уходите?

Даврон ему грубо, без учтивости бросает:

— До ветра иду.

Зачем такое сказал? У нас так никогда не говорят. Мне очень стыдно становится. Шириншо, шакал, суетится.

— Я провожу, товарищ командир. Я покажу...

— Ты ещё конец мне поддержи, — Даврон говорит.

Э-э, как грубо сказал!

— Сиди, — говорит.

У двери обувается, уходит. А Шириншо как сидел, так остаётся с двумя пальцами в носу. Я сажу, ни на кого не смотрю.

рю. Зачем Даврон так поступил? Не знаю, что думать. Нельзя так говорить, но он сказал. Наверное, сильным людям разрешено так поступать. Что для нас неправильно, для больших людей правильно. Говорится же, пока большая лепёшка испечётся, маленькая сгорит.

Потом дед Мирбобо говорит:

— Карим, сынок, возьми рукомойник, командиру руки вымыть.

Я полотенце, медный кувшин с длинным горлом беру, во двор выхожу. Даврона подождать хочу, но чувствую: рукомойник совсем лёгкий. Когда руки перед едой мыли, всю воду слили. Я на задний двор, в летнюю кухню иду. “Там, — думаю, — наберу”. Через крытый коридор прохожу, вижу: на кухонной веранде у очага Даврон с Зариной стоят, тихо разговаривают.

«Почему так? — соображаю. — Отхожее место совсем в другом конце усадьбы. Наверное, Даврон заблудился. Не туда попал, подумал, надо из вежливости разговор завести. наших обычаев не знает. Девушке — позор, если соседи увидят, что она с чужим мужчиной наедине остаётся. Нехорошо получается. Надо Зарину выручить».

А как Даврон окликнешь? Я нарочно рукомойник на землю роняю. Кувшин падает, звенит.

Даврон оглядывается, рукой машет.

— Иди, — говорит, — иди.

Я кувшин поднимаю, к мехмонхоне возвращаюсь, стою и думаю: “О чём он с ней говорит? Зачем?”

Глава 18

Даврон

В дверь кто-то скребётся. Пытается открыть. Мгновенно просыпаюсь. “Пэ-эм” лежит у изголовья. Хватаю, сдвигаю предохранитель. Вход в помещение — на востоке. Напротив двери, на полу у западной стены, расстелена постель. Под одеялом — свёрнутая в рулон курпача. Имитирует спящего, укрытого с головой. Моё лежбище расположено вдоль восточной сте-

ны — той, в которой дверь. Лежу головой на север, лицом ко входу. Чтобы увидеть меня, надо войти в мехмохону. Время — ориентировочно шесть пятнадцать.

Дверь приоткрывается. Стоящий снаружи медлит. Факт, всматривался в фигуру под одеялом. В комнате полумрак. Бесшумно вскакиваю, присаживаюсь на корточки у самой двери. Кто-то сделал большую ошибку. Дал мне время на подготовку. Надо было ворваться в комнату и сразу начать пальбу.

Дверь открывается шире. В щель протискивается ребёнок. Мальчонка лет четырёх, сын мулло Раззака. Голова — на уровне моих глаз. Видит меня, застывает на месте. Рот раскрывается от страха. Чёрные блестящие глазёнки. Точь-в-точь птенец майны.

Медленно кладу пистолет на пол. Резко хлопаю в ладоши. Птенец вздрагивает, вспархивает и улетает. Подхожу к двери. Напротив через двор на пороге дома стоит жена мулло Раззака. Птенец прячется от меня, уткнувшись лицом в колени матери. Завидев меня, женщина прикрывает лицо концом платка, берёт мальчика за руку и уводит в дом. Фиксирую время: шесть семнадцать.

Возвращаюсь в комнату, откладываю “макарова”, достаю из вещмешка бритвенный несессер. Снаружи осторожно стучат. Три раза. Разрешаю: “Входи”. Старший сын мулло Раззака — тринадцать лет — входит, выкладывает стопку моего чистого белья на пол, застланный паласом, справа от входа. Бормочет: — Вода готова.

Беру бритвенный прибор, сую ноги в глубокие калоши, выхожу. Возле стены, как обычно, поставлены кувшин с тёплой водой и круглый рукомойник. Пристраиваю зеркальце на окне мехмонхоны, тщательно бреюсь. Сын мулло Раззака подхватывает рукомойник, поднимает повыше, чтобы мне не пришлось нагибаться. Я в первый же день объяснил, что лицо необходимо споласкивать три раза, а руки — четыре. Всего семь раз. Парень запомнил и каждое утро без подсказок соблюдает точный счёт. Пока ни разу не сбивался. Подаёт полотенце.

В мехмонхоне переодеваюсь в чистое бельё. Ношенное складываю у двери. Женщины заберут и выстирают, а мальчик завтра принесёт. Одеваюсь, тщательно причёсываюсь.

Старший сын мулло Раззака приносит завтрак — две лепёшки и чай. Небогатой живёт мулло. Как, впрочем, и прочее местное население. Фиксирую время: шесть тридцать. Мальчишка уложился в срок.

Впервые за последнее время ощущаю вкус еды. Несмотря на гнёт вины, непривычная лёгкость на сердце. Обдумываю план действий. Смерть Сангака свела к нулю все прежние проблемы. И создала новые. Не знаю, как сложатся отношения с Зариной. Более того, не могу окончательно разобраться в своих чувствах. В любом случае, теперь, когда контакт для неё не опасен, в обиду девочку не дам. Во вчерашнем с ней разговоре пообещал, что заставлю Зухура отказаться от свадьбы. О прочем пока не загадываю.

Понимаю, что не могу уехать из Талх-дары. Без меня Зухур попросту сожрёт здешних мужиков. Разграбит. Превратит в рабов. Не сам Зухур, так те, кто займут его место. В общем, мне безразлично, что случится с крестьянами. Они мне чужие. Я не имею перед ними никаких обязательств. Но есть обязательства перед самим собой. Не хочу взваливать на душу дополнительный груз вины. Уеду и всегда буду помнить, что бросил этих людей в беде...

Осторожный стук в дверь. Фиксирую время. Шесть сорок три. В мехмонхону робко заглядывает мулло Раззак.

— Извините, если побеспокоил. Зашёл узнать о вашем здоровье...

— Заходи.

Скидывает за порогом резиновые галоши, входит в комнату. Присаживается на палас напротив меня.

— Большая честь, что вы остановились в моём жалком доме, господин...

Резко обрываю:

— Давроном зови.

Ненавижу здешнюю почтительность. Лицемерие. Ползает на брюхе, а улучшит момент — выстрелит в спину. Знаю по Афгану. Сбиваю его с тона:

— Ну, так чего тебе?

— Уважаемый Даврон...

— Просто Даврон.

Он прикладывает руку к сердцу: ценю, мол, и уважаю вашу скромность, и гонит опять:

— Как ваше здоровье? Как спали? Не надо ли вам чего?..

И прочая тягомотина. Тянет, собирается с мыслями. Бросаю взгляд на часы. Шесть сорок пять.

— Не трать зря время. Что-нибудь понадобится — сам скажу. Дело у тебя какое?

— Люди этого селения выбрали меня имамом нашей мечети...

— Знаю. Дальше.

Он осекается, вновь начинает издали, для разгона:

— В священном Коране сказано...

— Стоп! Из Корана не надо. Сам-то ты что скажешь?

— В нашем кишлаке каждый знает вашу справедливость, Даврон...

— Слушай, мулло. Если пришёл затем, чтобы меня хвалить, напиши на бумажке. Будет время — прочту. А сейчас, либо — дело, либо — прощай.

Он наконец решается:

— Сказали, всю землю у нас отнимут. На наших личных полях-огородах тоже будут новый сорт сеять. Нельзя так! Нельзя у людей землю отнимать. Не выживем мы, с голоду погибнем. Поговорите, пожалуйста, с уважаемым Зухуршо, чтоб...

Закончить он не успевает.

Стук в дверь. Шесть сорок семь. Входит командир первого взвода Одил Кадиров по прозвищу Одил-кадров. То ли по созвучию, то ли до войны работал в “одиле” кадров (для большинства таджиков произнести две согласные подряд в слове “отдел” — задача непосильная).

— Даврон, информация есть.

Бросаю взгляд на мулло. Тот поднимается, выходит.

— Люди в верхнем кишлаке подняли бунт, — сообщает Одил-кадров. — Зухур послал туда Гурга со взводом блатных.

— Когда?

— Минут двадцать назад.

— На чём уехали?

— На “скорой помощи”.

— Поня-я-тно, — говорю. — Дуй в казарму, подними пер-

вый взвод. Пусть грузятся на “ГАЗ-51” и ждут меня на площади. Ахадова с машиной пошли к дому Зухура.

Мулло топчется возле мехмонхоны. Говорю ему:

— Принял твою просьбу к сведению. Подумаю.

Семь ноль восемь. Во дворе Зухура дворца встречаю Гадо. Специально меня поджидает, факт. Предвкушает конфликт, желает быть курсе событий.

— Где? — спрашиваю.

Кивает на пристройку с кабинетом.

Зухур восседает на своём троне за огромным полированным столом. Вхожу, он вскакивает.

— Даврон! Всё утро тебя ищут! Куда ты пропал?

Хитрит. Боится раздолбона и пытается перехватить инициативу. Перекладывает вину на меня. Сажусь за стол, перпендикулярно приставленный к его письменному алтарю. Указываю:

— Сядь здесь. Напротив.

Нехотя подчиняется. Само собой, прикидывается, будто снисходит. Говорю:

— С твоим самоуправством разберусь позже. Сейчас о главном. Первое: ты берёшь меня в долю. Конкретный процент и прочие условия изложу потом. Второе: ты завязываешь валять дурака и корчить из себя царя-дракона. Серьёзно берёшься за дело.

— Даврон...

— Не перебивай. Отныне я партнёр, так что присмотрю за тем, чтобы и ты работал как папа Карло.

Молча сносит.

— Третье: придётся подумать, как будем рассчитывать с местными. Держать их за рабов не позволю.

— Правильно говоришь, — поддакивает Зухур. — Я тоже думал, надо дехканам как-то помочь. Тоже что-то им дать надо...

Короче, начинает отступать. Сдаёт позиции. Ничего другого ему не остаётся. Наверняка, уже знает, что душманы готовят переворот, а кроме меня рассчитывать не на кого. Продолжаю:

— Четвёртое: твоя свадьба отменяется.

На этом пункте Зухур уходит в глухую оборону:

— Невозможно!

— Для коммунистов невозможного нет, — говорю, — Ты же у нас коммунист.

Он, возмущённо:

— Я первым в области партбилет на стол бросил!.. Как свадьбу отменить? Калинин семье невесты уже передали. Коро-
ву, баранов...

— Оставь им это добро. Не обеднеешь.

Зухур лукавит:

— Добра не жаль, я щедрый. Корова, бараны, шара-бара — это для меня мелочи. Но обычай нельзя нарушать. Свадебный туй на завтра назначен, весь Ворух соберётся, из Талхака люди приедут. Такое здесь правило, ты сам знать должен. Можно ли тысяче людей: “Не приходите” сказать? Большой позор получится, моему авторитету урон. Уважать перестанут.

— Не отменяй приглашения. Устрой народные гуляния. Без свадьбы.

— Тоже не получится — девушку опозорим. Ты подумал, что люди будут говорить? Скажут: “Наверное, Зухуршо прознал, что она бесчестная, потому не захотел в жёны брать”. А девушку спросил, согласна она с позорным пятном жить?

Вспоминаю вчерашний разговор с Зариной.

— На слухи ей наплевать, — говорю. — Она в огонь пойдёт, лишь бы не замуж за тебя.

Мрачнеет.

— Почему так думаешь?

— Сама сказала.

— Глупая девчонка! Это ты виноват, Даврон. Простое дело запутал... Давай так сделаем: свадьбу проведём, три дня пройдёт, я ей развод дам, она назад к родным уедет. По закону это очень просто сделать: достаточно “се талок” сказать, и — развод. Ни мне, ни девушке никакого позора. А я, клянусь, даже пальцем к ней не притронуся.

Стараюсь определить, не хитрит ли.

— Не веришь? Богом клянусь, Даврон, она мне не нравится. Я вообще таких не люблю. Женщина пышной должна быть, в теле. А она... Ладно, молчу, не хочу тебя обижать. Ты вот о чём подумай: неужели я насколько глуп, чтобы с тобой из-за бабы ссориться? Мы теперь партнёры. И ещё подумай: стоит ли нам с нарушения договора партнёрство начинать?

— Я с тобой договоров не заключал.

— Э, дорогой, кругозор надо расширять... Я с семьёй этой девушки договор заключил. Как ни назови — уговор, сговор, — это контракт, хотя на бумаге не записан, печатью не скреплён, у нотариуса не заверен. Местные люди честному слову доверяют. А ты меня заставляешь безо всякой причины контракт разорвать, договор нарушить. Это грех. В Коране сказано: “Будьте верны обещанию”. На грех толкаешь.

Абсурд. Зухур трактует о грехе. Понимаю, что дурачит меня. Ловит на принципиальности. Но возразить нечего. Заставлю Зухура взять слово назад, то фактически стану обманщиком. Нет разницы, прямо или косвенно. Приказал — значит, в ответе. Подавляю бешенство. Вдох... Выдох... Порядок! А он торопится навесить ещё один замок, надёжнее запереть ловушку. Говорит проникновенно:

— Ты бы сразу сказал, что на девушку глаз положил. Я три раза спрашивал: нужна тебе? Ты три раза ответил: не нужна. А, ничего, дело прошлое... Даврон, дорогой, я тебе не соперник. Брак фиктивным будет. На бракосочетание, чтобы никох совершить, не поеду. Другого человека, вакиля-заместителя, вместо себя пошлю. Закон разрешает. После свадьбы, чем хочешь поклянусь, даже на лицо её не посмотрю, ни разу в одну комнату к ней не войду...

Прикасаюсь к кобуре. Пистолет не достаю. Перегибаюсь через стол и упираю указательный палец в лоб Зухура. Отодвинуться ему не позволяет спинка стула. Запрокидывает голову назад. Задирает подбородок с жирной складкой на шее. Крепко прижимаю конец пальца к точке повыше его бровей.

— Обрати внимание, пока это палец...

Он осторожно кладёт свою руку на мою, пытается отвести. Пальцы у него — отвратно мягкие и тёплые. Преодолеваю отвращение, усиливаю нажим:

— Обманешь — достану ствол. Учти, вхолостую не достаю.

Убираю руку. Зухур выпрямляется. Старается держаться будто ничего не случилось. В центре лба проявляется отпечаток моего пальца. Печать на договоре. Говорю:

— Поехали дальше. Текущие дела. Ты напортачил. Нельзя

было посылать душманов в верхний кишлак. Они там кровавую разборку устроят, а нам кровь и беспредел ни к чему.

— Эти горцы разучились власть любить, пусть научатся бояться.

Сдерживаюсь. Глубоко вдыхаю. Медленный выдох...

— Зухур, кончай темнить. Хоть раз не изворачивайся. Я в курсе ситуации. Испугался ты, отослал духов подальше от своей особы. Но ведь только на время. Через несколько дней они вернуться. И как планируешь обороняться?

Делаю паузу, чтоб прочувствовал. Продолжаю:

— Не дрейфь, задавим ихнее ГКЧП в зародыше. Выгоним главарей — Гурга, Сурхака и Хола. Пусть катятся на все четыре стороны. Попробуют бузить, ликвидирую. С остальными разберёмся по ходу дела. В любом случае, раскидаем душманов по разным взводам. А дальше — в зависимости от поведения каждого...

Он мнётся:

— Э, Даврон, думаешь, это просто? Дело намного сложнее... Ты не знаешь...

— Догадываюсь. Значит, так: сейчас не время, а вернусь из Верхнего селения, выложишь полностью всю информацию. Сто процентов. Кто тебя за яйца держит и как конкретно. Будем решать задачи по мере поступления. Амба. На данный момент диалог закончили. Дай бумагу и ручку.

Пишу записку Зарине. Очерчиваю полный расклад. Она в полной безопасности. Пусть не тревожится. Клея у Зухура, само собой, нет. Выхожу из кабинета.

— Ахадов, быстро: горсть муки, воду, чашку какую-нибудь. Три минуты.

Мчится на кухню, через две минуты тацит. Даю инструкцию:

— Разведи до густой сметаны.

Заклеиваю письмо.

— Не вода, а жидкое, без рук держит, без замка запирает, — по ходу комментирует Ахадов.

— Не радио, а болтаешь, — подвожу итог. — Давай-ка гони к казарме...

Девять двадцать три. Дорога к Дехаи-боло, верхнему селению. Подъезжаю к повороту на Талхак. Говорю Ахадову:

— Тормози.

Выхожу из машины. Грузовик останавливается позади “газика”. Бойцы в кузове встают, озираются: почему, мол, остановились? Примечаю среди них Андрея, брата Зарины. Взводный выскакивает из кабины.

— Кто у тебя из бойцов самый слабый? — спрашиваю. — Кликни его.

— Теша, сюда! — приказывает Одил-кадров.

Из кузова прыгивает на дорогу хилый паренёк.

— Отсылаю его с поручением, — сообщаю взводному.

Мне самому заезжать в Талхак нет времени. На счету каждая минута. Перехватить душманов по дороге вряд ли удастся, но необходимо успеть в верхний кишлак, пока они там дел не натворили. Мелькает мысль — послать с запиской не Тешу, а Андрея. Нет, невозможно. Вспоминаю вчерашний разговор с Зариной. “Отпустите брата”. “Не могу”. Она в ярости: “Скажите лучше: не хочу! Или вы не командир? Бойтесь, что этот ваш... начальник... не разрешит отпустить?” Так и есть. Боюсь. Боюсь затянуть парня в зону контакта. Но ей это не объяснишь. Не поверит... Теша — пацан бестолковый, но с простым заданием справится. А как боевая единица — ноль. Если дело дойдёт до серьёзного столкновения, пользы от него как от козла молока.

Отвожу мальчишку в сторону.

— Отправляйся в Талхак, найди дом старика Мирбобо, ветерана войны...

— Искать не надо! Знаю. Кто его не знает?

— Вызови внучку старика, Зарину. Скажи ей, пусть не беспокоится. Ситуация в норме. Я уладил, но вынужден отлучиться. И передай записку. Задание понятно? Повтори.

— “Всё нормально” — скажу, записку передам.

— И ещё: с бойцами задание не обсуждать. В кишлаке — ни слова о том, кто тебя послал. Проболтаешься, голову оторву. Выполнишь аккуратно, повышу в звании. Это понятно?

Он, радостно:

— Так точно!

Глава 19

Зарина

Было ещё совсем темно. Я лежала и слушала, как во дворе переговариваются женские голоса. Потом вдруг глуховато затараторил бубен:

“Тум, тум, тум, тум-балаки-тум, тум-балаки-тум...”

И замолчал. Потом вновь несколько ударов:

“Тум, тум, тум...”

Я представила, как музыкант на летней кухне над глиняным очагом настраивает бубен. Водит им над пламенем, чтобы кожа получше натянулась, и пробует, как звучит. Позванивают стальные кольца-серёжки на деревянном ободе. Пляшут красные огненные языки. Я как заворожённая гляжу на огонь, а дойрист-музыкант — молодой, ладный — поднимает бубен над головой и выстукивает звонко:

“Тум-балаки-тум, тум-балаки-тум... Тум, тум...”

Смех. Значит, соседки уже собрались. Почему не приходят за мной?

Я уже ни на что и ни на кого не надеялась. Даврон попросту сбежал куда-то после того, как наобещал мне, что свадьбы не будет, и я могу ничего не бояться. А у самого даже не хватило смелости явиться лично и сказать, что не получилось. Я бы, по крайней мере, не чувствовала себя обманутой и преданной. К тому же, нашёл кого прислать вместо себя — того прыщавого урода, что был с подонками, которые тащили меня в машину на дороге. Урод заявился, выпалил: “Даврон сказал, всё нормально” и попятился, чтобы дать дёру. “Что, и ничего больше не сказал?!” “Ничего”. “Даже записки не написал?” “Нет, не написал”. По глазам видела, что врёт. Потерял, видимо. Да какая разница! Я всё равно не стала бы читать. Очень мне нужны извинения и прощальные приветы. Я даже не разозлилась, так мне стало горько и одиноко.

Потом я стала думать об Андрее. Ему, наверное, ещё хуже, чем мне...

И тут она вошла. Как всегда — не постучалась, не спросила разрешения. Вошла как в коровник или загончик с овцами, нагнулась и потрясла меня за плечо.

— Поздравляю с праздником! Сегодня замуж выходишь.

Вот и выходи сама! Я лежала с краю, лицом к двери, а тут перевернулась на другой бок и притворилась, что продолжаю спать. Она сказала:

— Эй, девочка, много дел надо сделать.

Мама тоже давно не спала. Лежала рядом со мной и молчала. Сейчас она села и сказала резко:

— Оставь мою дочь в покое.

Бахшанда на неё даже не глянула.

— Женщины пришли. Стыдно заставлять их ждать.

Я не шелохнулась. И тут наша тигрица меня удивила. Никогда от неё не ожидала. Она присела рядом с постелью и сказала мягко, даже ласково:

— Зарина, все так замуж выходят. Девушек не спрашивают, хотя они или не хотят...

Да?! Сама-то за моего папу выходила. За моего папочку любая девушка не просто бы пошла, бегом побежала. А те девушки, которых не спрашивают, хотя они или не хотят, — их замуж за людей выдают. Не за монстров, не за зверей... За простых деревенских парней. Хороших парней, которых если и не любила вначале, то, может быть, когда-нибудь потом полюбишь.

Мама сказала:

— Она не пойдёт. Справляйте свою свадьбу без нас. Отдайте ему другую девчонку. Свою.

Отбросила одеяло и встала. Бахшанда тоже поднялась на ноги медленным кошачьим движением. Бровь заломлена, рот сжат... Только хвоста не хватает — хлестать себя по бёдрам. Они с мамой стояли, с ненавистью глядя одна на другую, и мне чудилось, что тигрица вот-вот вскинет лапу, выпустит когти и мощным ударом раздерёт маме лицо.

— Тётушка, я уже встаю, — сказала я.

— Заринка, не смей! — крикнула мама. — Лежи! Ты никуда не пойдёшь. Я не позволю. Я тебя не отдам.

Но я уже вскочила, схватила изоры и платье, лежащие у изголовья, и напялила их на себя. Я не могла допустить, чтобы

из-за меня мамочка пострадала от этой ведьмы. Мама отвернулась от Бахшанды и медленно оделась. Затем проговорила тускло:

— Это безумие. Ты не можешь...

Я сказала:

— Могу.

Повернулась к Бахшанде:

— Тётушка, я только умоюсь.

— Не надо, — сказала Бахшанда. — Тебя умоют, причешут и оденут.

Она взяла меня за руку и отвела в большую в комнату, где обычно собиралась семья. Сейчас она была набита женщинами в ярких платьях. Собрались все кишлачные дамы. Высший свет Талхака. Жена раиса, жена счетовода, соседки... Слетелись как мухи на мёд. Разряженные в пух и прах. Делали вид, что это обычная свадьба. Мы вошли, и они разом вытаращились на нас и загалдели:

— Счастлив день твой, девушка.

— Ах, какая красавица.

— Слава керу твоего деда, Вера-джон, такую дочь родила!

Мы остановились в дверях. Тётушка Кубышка потянула меня на середину комнаты, приговаривая:

— Счастлив твой муж, красавица, да буду я жертвой за тебя...

Нет, это я буду жертвой за них. Пусть прикидываются, будто собрались на праздник и готовятся к настоящей свадьбе, но я-то знала, что они — весь кишлак — откупятся мной. Покупают расположение Зухуршо.

Тётушка Кубышка оглядела меня как хирург перед операцией. Хотя лучше подошло бы — как мясник барашка.

— Принесите воды, — приказала она. — Вымою тебе голову, невеста-цветок.

Её перебила тётушка Лепёшка:

— А волосы убраны ли?

Вчера Бахшанда несколько раз подступалась ко мне с угрозами об этих злосчастных волосах, но я чётко сказала "Нет, ни за что!" и она отступилась. Меня слегка удивило, почему она не попыталась меня сломать, — обычно тигрица во что бы то ни

стало желает добиться своего. Сейчас она только гордо вздёрнула голову и ответила:

— Не убраны.

Цветник глянул на неё с неодобрением. И только тётушка Лепёшка сказала примирительно:

— Не беда. Дело недолгое.

Я сказала:

— Нет.

Тётушка Лепёшка покачала головой:

— Позор нам, если мы отправим тебя к мужу с неубранными волосами. Закон велит убирать волосы. Не упрямясь, девушка.

Она взяла меня за руку.

— Даста б'гир! Руки убери! — крикнула мама. На этом её таджикский кончился, и она перешла на русский: — Вы что, не поняли?! Она не хочет! Вы не смеете заставлять.

Лепёшка попробовала уговорить нас обоих:

— Вера-джон, такой счастливый день — надо, чтобы всё прошло как должно. Чтобы красиво было... А ты, девочка, не бойся. Все так делают. Это совсем не больно. И нас не стесняйся — мы все тут женщины...

Цветник загалдел:

— Хуршеда правильно говорит. Надо, чтоб красиво было.

— Не дело это.

— Надо закон соблюсти.

— Может, у русских там совсем по-другому устроено, — крикнула из угла Дилька, моя подружка.

Тётушка Кубышка цыкнула:

— Э-э, что говоришь? Бог из одной глины лепил.

Бахшанда решительно отодвинула тётушку Лепёшку.

— Не хочет добром, уберём силой.

Мама молча её оттолкнула. Две женщины схватили маму за руки и оттащили от меня. Она вырывалась молча, с ожесточённым лицом. Подросли ещё две и вывели мамочку из комнаты. Дилька — подружка так называемая, предательница, гадина, уродина! — расстилала в углу курпачи.

— Вот там, на мягком, будет хорошо, — приговаривала тётушка Кубышка. — Ложись, мы сами что надо сделаем.

Я сказала:

— Нет.

— Доченька, — проворковала тётушка Лепёшка, — обязательно волосы необходимо убрать. Иначе нас опозоришь...

Они уложили меня, спустили шальвары и принялись шариком из камеди, урюковой смолы, дёргать волосы на моём лобке. А я думала, каково сейчас маме, и, кажется, кричала:

— Мамочка! Мама! Где моя мама?

А потом замолчала как Зоя Космодемьянская. Я как-то читала, как инопланетяне похищают людей. Затаскивают на летающие тарелки и ставят какие-то свои опыты. Разрезают, вставляют в тело трубочки или вообще творят что-то непонятное. А потом похищенные люди забывают, что с ними было. Но я-то не забуду. Я с ними посчитаюсь... Колхозные инопланетянки держали меня крепкими крестьянскими руками и свежевали как барана для праздничного угощения. И я наконец по-настоящему поняла, что угодила в ловушку. Прежде не верила, что меня действительно насильно выдадут замуж. Обманывала себя. Надеялась, случится что-нибудь, как-нибудь само собой образуется.

— Теперь хорошо, — сказала тётушка Лепёшка, и меня отпустили. — Сама будешь радоваться, как чисто и красиво...

Я чувствовала, будто меня изнасиловали. И такая злость во мне вспыхнула. Я им не прощу. Назло стану здешней царницей, и тогда они у меня попляшут. Головы им побрею. Прикажу, чтоб без платков ходили, лысынами сверкали. Они ещё узнают, с кем имеют дело. Я представляла, как их накажу, а тётушка Лепёшка тем временем вымыла мне голову и стала расчёсывать волосы.

— Эх, девочка, какие у тебя волосы красивые. Чистое золото.

— Счастливая, за большого человека выходишь.

Тётушка Лепёшка принялась заплетать мне волосы в косички, а Дилька запела:

Девушка-цвет, косы плети,
Время в путь собираться.
Валло-билло, не пойду,
Лучше мне дома остаться.

Девушка-цвет, бусы надень,
Время в путь собираться.
Не надену, валло-билло,
Незачем мне украшаться.

Девушка-цвет, туфли обуй,
Время в путь собираться.
Ни за что не обуюсь, клянусь,
Лучше босой оказаться.

Вот так-то! Не я, значит, одна. Те, которых за молодых, хороших выдают, они тоже не хотят уходить из дома. Но им жить и жить, а мне... Не всем, конечно, жить. Сколько их, вышедших за молодых и хороших, сжигали себя по всему Таджикистану.

В нише передо мной стоял глиняный светильник, похожий на грубо вылепленный соусник с вытянутым носиком. В комнате было в общем-то светло, но огонёк всё равно горел — праздничное освещение. Обычай что ли такой? Я смотрела на огонь и почти не сознавала, что со мной делают.

— Подними руки, красавица, — сказала тётушка Лепёшка. — Платье на тебя надену.

Я подняла руки, и пламя светильника на миг словно задёрнуло шторой. А когда платье скользнуло вниз и штора упала, я увидела, что огонёк затрещал и начал сникать. Я следила, как он угасает, и боялась, что кто-нибудь из женщин тоже это заметит и вновь зажжёт светильник.

Но у тётушки Кубышки глаз как у орла.

— Огонь-то погас.

Женщины зашептались, но я расслышала:

— Дурной знак.

— Счастья не будет...

— Масло выгорело, — сообщила тётушка Кубышка. — Эй, девочки, долейте.

Дилька, гадина-уродина, и здесь подросла. Подскочила и намылилась лить в светильник масло из медного кувшина с длинным узким горлом.

Я закричала:

— Не трогайте! Не зажигайте. Я не хочу.

— Судьбы не будет.

Но я всё повторяла:

— Не хочу! Не хочу!

Они отступились.

— Ладно, доченька, — сказала тётушка Лепёшка. — Как желаешь... Твоя судьба.

Меня расписали как матрёшку — нарумянили щёки, подвели брови усьмой, а глаза сурьмой, — а затем закрыли лицо вышитой фатой и повели в мехмонхону, где один угол был отгорожен свадебной занавеской, расшитой яркими узорами. В этом-то загончике, за занавеской, меня и усадили. И гадина-уродина Дилька тут же примостилась, по обычаю. Невестину подружку из себя строит. Потом явились какие-то тётки, родственницы Зухуршо, принялись разглядывать меня, хвалить и целовать. Тьфу, будто на вкус пробовали...

Хорошо хоть, что в прочих обрядах обошлись без меня. По обычаю невеста не должна показываться перед мужчинами, и за неё одуваается вакиль, заместитель. Так называемый женишок тоже не прибыл. Приехал младший братец, Гадо, тот самый противный красавчик, который в первый раз меня сватал и которого я мысленно прозвала Гадом. Он объявил, что у их королевского величества срочные дела. Как-то там без него обошлись, нашли и ему заместителя. Не знаю, как происходило само бракосочетание, и знать не желаю.

Меня повели по узкой улочке вниз, к машине. Впереди шли зурнач и дойрист, который выстукивал на бубне праздничный, будоражащий ритм. На площади около мечети стояла целый караван из автомобилей и толпились люди в разномастной военной одежде. Свадебный кортеж. Завидев нас, толпа завопила и принялась палить из автоматов в воздух.

Дядя Джоруб усадил меня на заднее сиденье “уазика” со снятым тентом и сел рядом. Я, наверное, по-прежнему немного на него обижалась, хотя понимала, что он сделал, что было в его силах и ничем больше помочь не мог. Кортеж тронулся, холодный горный ветер ударил в лицо, горы, едва различимые через фату, начали разворачиваться перед взглядом как колода волшебных карт. Как я прежде любила такие поездки! Ждётся, что

за каждым поворотом откроется что-то замечательное. Такое, чего и на свете не бывает. Но теперь меня ожидают только страх и боль. Я старалась представить, что чувствует сейчас мама, и жалела её сильнее, чем себя.

Потом я начала вспоминать рассказы о смерти Зебо, прежней жены Зухуршо. Мои подружки шептались:

“Змей её убил”.

“Никакой не змей. У Зухуршо кер такой же величины, как его удав. — В разговорах между собой здешние девицы очень вольны на язык. — Он бедняжку этим кером зашиб”.

“Нет, не так всё было. Я точно знаю, мне Хадича-момо рассказала. Зухуршо с покойной женой ни разу не спал. Его змея снесла яйцо, а он заставил эту несчастную греть яйцо собственным телом. А потом однажды ночью, когда девушка спала, вылупилась маленькая змея, заползла Зебо в нутро и там укусила. Хадича-момо говорит, что змеёныш ужалил в самую матку”.

“Эй, голову не морочь! Как змея могла в неё забраться?”

“Ты разве не знаешь, сколько в женщине есть отверстий, через которые можно вовнутрь проникнуть?”

А Дилька сказала:

“Зарина, не бойся, я тебя научу. Хорошая латифа есть. Анекдот, — она очень гордо это выговорила: вот, мол, какие слова знаю. — Один мальчик постоянно бабушку просил: “Дай и дай”. Тогда бабушка череп козы взяла, подол задрала, изоры спустила, череп козы между ног зажала и мальчику говорит: “Раз уж так просишь, желание твоё исполню. Попробуй”. Мальчик свой чумчук сунул, а бабушка челюсти козы сжала. Мальчик заплакал, больше никогда бабушку не просил. Потом много лет прошло. Мальчика женили, а он к жене не подступает. Тогда девушка изоры сняла, на печку залезла и оттуда ему кус показывает, чтобы у мужа желание загорелось. А он смотрит и говорит: “Э-э, меня не обманешь! Зубы-то спрятала”.

Подружки от смеха попадали. Особенно Дилька веселилась:

“Зарина, когда Зухуршо к тебе придёт, ты тоже череп между ног спрячь”.

Нет, не стану я дожидаться, пока он ко мне придёт... Я вообразила гнусную морду Зухуршо, и меня передёрнуло. Тём-

ная, масляная. Вот уж вправду Черноморд. Только никакой ви-
тязь меня от него не спасёт...

Дом Черноморда стоял на возвышении. Это он нарочно
выбрал такое место, чтобы царить над кишлаком. Ко дворцу вела
широкая каменистая дорога, которая упиралась в золотые воро-
та. А возле них собрался, видимо, целый кишлак.

Машина остановилась. Дойрист ещё громче застучал в свой
дурацкий бубен, а зурна завизжала ещё пронзительнее. Толпа
от ворот повалила навстречу. Выскочила вперёд красotka —
смуглая, весёлая, удалая кишлачная Кармен в кокетливо повя-
занном платке, с бровями, густо подведёнными усьмой, — и
залилась высоким голосом:

Пришла невестушка в добрый час.
Эй, невестушка, порадуй нас!
Добро пожаловать под мужнин кров,
Спеши-ка скорее доить коров.

Потом народ расступился, и я увидела маленькую старуш-
ку в накидке из белоснежной марли — чистенькую и насквозь
прозрачную, как её марлевый плат. Я поняла, что это мать Чер-
номорда. Она смотрела ласково и, наверное, очень бы мне по-
нравилась, если б я не знала, кто её сын. Она разглядывала
меня с детским восторгом. Словно девочка новую куклу.

Я и впрямь ощущала себя куклой, которую здешние жен-
щины подхватили и тормошат, переставляют туда и сюда, играя
в свадьбу.

Эй, кукла, постой, мы осыпем тебя мукой и рисом.
Эй, кукла, переступи через порог.

Они утащили меня в большую комнату, похожую на ковро-
вый магазин. Чёрно-красными коврами было завешено и завале-
но всё, что только можно было завалить и завесить. Остава-
лось место лишь для полированной горки с хрусталём и распис-
ными чайниками. На горке меня ждал древний глиняный све-
тильник, такой же, как в Талхаке.

Эй, кукла, садись позади свадебной занавески на этот сун-
дук, жених придёт на тебя посмотреть.

Он же уехал! Значит, скоро вернётся или уже вернулся?! Я собрала все силы и твердила: “Я не боюсь тебя, Черноморд. Кто ты такой, чтобы я тебя боялась?” Вдруг я вспомнила, как в первых классах боялась школьную директрису, злую ведьму, а мамочка сказала: “Запомни хороший приём. Если кого-то боишься, вообрази этого человека в смешном виде”.

И я представила Черноморда совсем маленьким, росточком мне по колено. Наряжу-ка его как куколку. В короткие голубые штанишки, белую рубашечку, красный пионерский галстук ему повяжу. Вот какой он у нас, Черномордик. Всем ребятам пример. Я смотрела на него сверху вниз, но маленький Черномордик гнусно усмехнулся и начал спускать штанишки. Очень глупо. Старый, а ведёт себя как зелёная шпана.

В общем-то, я знаю, как устроен мужской пол. Ну, не взрослые мужчины, конечно, а мальчики. Мне приходилось видеть. У нас в Ватане националки пускают малышей гулять на улицу в чём мать родила. Так что я догадалась, что Черномордик задумал показать мне свой маленький чумчук — точно такой же, как у голеньких двухлетних мальчиков. Только ещё меньше. Совсем микроскопический... Но у него ничего не выйдет — штанишки без пояса и застёжек. Не расстегнёшь, не снимешь.

Я иронически следила за его потугами, но вдруг, как в фильме “Чужой”, голубые шортики взбуржились, словно из нутра Черномордика лезла инопланетная тварь, потом тонкая материя с треском разодралась, и наружу вырвался огромный чёрный змей. Голова его покачивалась почти на уровне моего лица. Я вскрикнула и закрыла глаза. Змей не исчез. Он существовал в моём воображении, но я никак не могла загнать его обратно, назад в прореху, из которой он выскочил.

Черномордик ликовал. С трудом удерживаясь на ногах, он с гордостью поглядывал то на меня, то на змея... Я не знала, как избавиться от наваждения, и тут мне внезапно вспомнился идиотский Дилькин анекдот. Я крикнула: “Эй, ты! А козы зубы видел?!” Мерзкий змей сник, съёжился и червячком юркнул назад в штанишки. Черномордик растерялся, а я разрешила: “Вот теперь снимай”. Он послушно сдёрнул шортики, а там — гладкая блестящая пустота как у розового пластмассового пупсика. Черномордик ужасно смутился, а я торжествовала. Он никак не

мог поверить, что ничего нет, трогал ручкой, щупал, потом сел на землю и заплакал.

После этого я совсем успокоилась и больше не боялась встречи с Зухуром. Чувствовала, что сумею дать отпор. Я не видела, что происходит в комнате. Слушала, как женщины возбуждённо смеются, обмениваются шуточками, и разглядывала обратную сторону свадебной занавески. Снаружи она была очень красивой, сплошь расшитой яркими узорами, а с моей стороны обшита каким-то простой тряпкой с блёклым рисунком. Вот и вся эта двуличная свадьба такова. Правильнее было бы покрыть занавеску сзади не серым ситчиком, а чёрным траурным сатином.

Зухуршо так и не появился. Я отсидела сколько положено за занавеской — традиция была соблюдена. Затем последовал следующий номер обязательной программы. Старушке не терпелось испытать новую игрушку. Похвастаться перед соседками, какую хорошую обновку подарил ей сын.

Мне подружки уже рассказали заранее — новая невестка должна показать, какова она в одном из главных женских дел. Меня отвели на летнюю кухню, где всё уже было готово к экзамену. Открыт глиняный ларь с мукой. Расстелен кожаный дастархон, на котором месят тесто. Горшок с молоком, ведро воды... Экзаменационная комиссия — соседки — расположилась вокруг. Здесь тоже оказались свои местные тётушки Лепёшка и Кубышка. Только здешняя Лепёшка была огромной, пухлой — такие пекут из белой муки и украшают всякими завитушками. Не лепёшка, а целая лепёшища в складках и складочках. А маленькую тётушку Кубышечку с лощёными боками аккуратнo слепили из красной, румяной глины.

А теперь, кукла, испеки-ка нам хлеб. Очаг уже истоплен.

Ладно, сейчас я вам покажу. Чего придуряетесь? Зачем делаете вид, что на самом деле хотите меня испытать? Это всё не настоящее. Мне в этом доме не жить, хлеб не печь. Хотела замесить такое, чтобы чертям стало тошно. Но не смогла. Через уважение к хлебу не смогла переступить.

Я спросила:

— Кислый или пресный?

— Пресный, доченька, пресный пеки, — проворковала старушка, моя так называемая свекровь.

Ну, конечно: если кислый, придётся ждать, пока тесто пойдёт. А ей не терпится. Я засучила рукава и проговорила.

— Не мои руки, руки Биби-Сешанбе.

Комиссия одобрительно закудахтала.

— Офарин! Русская девочка, а знает...

Меня учили печь лепёшки, и, вроде, обычно неплохо получалось. Но сейчас будто сама Биби-Сешанбе, наша талхакская покровительница домашнего хозяйства, подсунула мне свои руки. Они так и летали. Нагрели в сито муку из ларя и просеяли на большое деревянное блюдо. Сделали в мучной горке ямку и сыпанули туда соли. На воде или молоке? Руки сами схватили кувшин с молоком. Я опомниться не успела, а они большой деревянной ложкой смешали муку с молоком, вывалили густое — Да буду я жертвой за тебя, — охнула здешняя тётушка Кубышечка.

А руки уже схватили нож, разрезали ком теста на порции и налепили с десяток колобков. И тут же принялись раскатывать их скалкой. Ай да, руки! Какие лепёхи раскатали. В здешних местах ценят, чтоб пресная лепёшка большой была. А Биби-Сешанбе уже надела ватную варежку, чтоб золотую руку не обжечь, положила на варежку первую из лепёх, метнулась к очагу и ловким шлепком прилепила тесто к раскалённому внутреннему своду. Потом — вторую лепёшку. Третью... Все до одной прилепила, водой сбрызнула, тут же в блюдо, в котором тесто готовила, плеснула кипятка из кувшина, вымыла посудину. Потом остатки муки со шкуры смела, собрала в горсточку и — в очаг, на угли. Огню — угощение. Надо и его покормить. Да и арвохи, духи предков, тоже пусть мучицей полакомятся.

Пока Биби-Сешанбе так хлопотала, лепёшки подрумянились. Она их длинным железным крючком со свода очага поснимала и побросала на чистую скатерть. Старушка руку протянула, взяла одну.

— Во имя Бога, милостивого, милосердного, — и разломилла горячую лепёшку на куски

Экзаменационная комиссия тоже руки тянет, дегустировать. Одобрили и похвалили. Зачёт.

— Хорошо, доченька. Баракалло! — сказала старушка. — Покойная Зебо так не умела. Я её, беднягу, и к очагу-то не подпускала. У неё хлеб всегда подгорал.

Подгорал, значит? Во мне будто что-то сломалось.

Едва дотерпела до вечера. Ветхая голубка, моя так называемая свекровь, отвела меня в маленькую нарядную комнатку — супружеские, стало быть, покои. Но визит Черноморда мне сегодня не грозит. Молодой супруг — это Черноморд молодой-то? — может войти к жене только на третий день после свадьбы — таков древний обычай, который даже Зухур не посмеет нарушить. Женщины не дадут, будут зорко следить. Но на всякий случай я на кухне стянула и спрятала за пазуху нож.

Старушка сказала:

— А теперь помолимся, доченька. Время вечерней молитвы.

— Я не молюсь, бабушка.

Хоть режь на куски, не могу обратиться к ней как положено — матушка. Она не рассердилась, лишь кротко произнесла:

— Надо молиться. Богу надо повиноваться.

Не хотела с ней спорить, но тут меня заело. Что она тут с благостным видом меня воспитывает! Сына лучше бы учила.

— Что же ваш сын Богу не повинуется?

Она всё так же кротко прощebetала:

— Он молится, все законы соблюдает...

— А людей притеснять — это по закону?

— Он большой человек. Не нам с тобой его судить... А ты помолись, помолись, доченька. Мы с Зебо всегда вместе молились.

У меня духу не достало ей дерзить.

— Помолитесь сама, бабушка.

Голубица вздохнула, расстелила молитвенный коврик и принялась бить поклоны. Я смотрела на неё и думала, понимает ли она, что происходит. Понимает ли она, кто такой её сын? А может быть, прощает ему всё что угодно. Это, мол, ваши мужские дела, а нам, женщинам, в них соваться нечего. Главное, чтоб в доме хорошо было. А что женщина думает — это никому не интересно...

Я не ложилась, ждала, пока она уйдёт. Старушка закончила бормотать и кланяться, свернула коврик и потянулась к керосиновой лампе, стоящей в нише. Я взмолилась:

— Бабушка, не гасите! Оставьте свет.

— Керосин беречь надо, — сказала старушка. — Такое время настало, не привозят его к нам теперь...

И задула огонёк.

Уснуть, ясное дело, я не могла. Мне казалось, что Зухуршо подкрадывается ко мне в темноте. Я прислушивалась к каждому шороху: не открывается ли дверь. Чтобы успокоиться стала думать о хорошем — Андрей где-то совсем рядом. И представляла, как мы с ним встречаемся...

ПОЭЗИЯ

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

КРУЖИЛОСЬ ВРЕМЯ, КАК ЛИСТВА...

**Портреты и
повествования**

МОИ БАБУШКИ

вот украинская бабушка с клюкою баба яга
от вороного взора сужаются берега
вот рядом русская бабушка с ромашковым тихим лицом
вот я усажен меж ними усмевающимся отцом
то ли пятьдесят пятый то ли какой иной
все поминают фрицев всё дышит ещё войной

кохай ты их боже милостивий зараз яки ж це враги
о божечка ты ж мий сладкий коли ж вони были други
свахо як сердце стынеть чого ж це за времяа блять
та де ж вин внучок славичок чи ж бисы його смолять
чи знову циганска царапа удрав як зийшов з ума
колы ж вин прийде до хаты вже ничь а його чортма

с картинками града-китежа я знаю сравнения нет
карижская авдотья никитична прожила сто лет
мерещится мефистофель свеча с испугу горит
когда отуреченный профиль моя бабушка миру дарит
седая карга черноглазая мама отца моего
анатолийская азия преисподнее торжество
в германскую да атаманскую детей от сумы берегла

когда судьба в америку деда кузьму занесла
с чаем любила сушки заначку достав из сумы
на каркающем суржике русской сватье пела псалмы
из уважения к русской ломая мову ридну
бо ванька женивсь на москальке але сваху кохаю одну

а та как тревожная птичка присядет легко на скамью
и слушает еретичку православную сватью свою
селиванова василиса егоровна кержацкая тихая кровь
состарившаяся горлинка невыплаканная любовь
крохотная синеокая оглохла среди войны
где два ее тихих сына были погребены
ее величали матушкой псалтырь читала она
всю ночь перед Божьим ликом порой вздыхала она
ей все людские помыслы Господь заповедал знать
смертных благословляла рождаться и помирать
в глухие года беспоповства безбожия большевиков
подкармливала бродяжек излечивала дураков
всех знала она всех помнила тихо молясь в уголке
и беглые староверы припадали к ее руке

о господи-батюшка вот он явился в доме лиходей
в грязи и рубаха порвана и всё не как у людей
бачь свахо пидбины око це хто ж його ото так
христос с тобой вымой морду-то да приложи пятак
придут мать с отцом с работы ан вот бесчинный варнак

бабкам я Отче наш читаю аз буки веде и рцы
гляжу поползли из карманов столетние леденцы

у них на двоих одна прялка
одна у них нить времён
молитвы разноязыкие звучат у них в унисон
прижались они друг к другу живые средь сонма смертей
за всех они молят Господа чужих безгрешных детей
очи полны покоя души у них ясны
обе они вознесутся такие там и нужны
свет под тёмною кроной скрытого в чаще скита
свет перед ясной иконой слёзы высушит высота

возлюбил Господь моих бабушек ещё бы таких не любить
а куда ему блин деваться с кем же поговорить
все к нему ломятся рвутся алчной толпою бредут
а бабушки его приласкают
и леденцов дадут

ВСПОМИНАЯ МИХАИЛА РОНКИНА

Во Фрунзе – вспомним прошлый век! –
был пик гуманитарных нег
и всплеск интернационала:
Шестидесятые года, проснувшиеся города
на пачке Беломорканала.

Был старше нас один поэт, увы, его на свете нет.
Был не однажды им уронен
автограф в денежной графе, червонец на чужой софе,
с веселым росчерком: «М. Ронкин...»

Спокойный дружелюбный дар, универсальный гонорар
да щедрость добрая с друзьями:
либретто, телерепортаж, поэзии крутой вираж,
а в картах – завсегда при даме!

Он нас учил. Его слова – жестокий облик мастерства
а не пустячный миру вызов.
Динарий кесаря узря, переводили мы не зря
различных пламенных киргизов.

И в этом таинстве лихом я был его учеником,
из лучших – страсть проникла в поры.
Он, мудрость древнюю влача, умел в искусстве толмача
узреть предначертанья Торы.

Над дяди-Мишиным лицом очки сияющим венцом
взлетали в дружеской беседе,
кружилось время, как листва: умел он смутные слова
спокойно прояснять при свете.

Когда сидели до зари, твердя мгновению: замри! –
романтику не баловали,
и часто был судьёй стихам гранённый прозою стакан –
и музы с нами выпивали.

Под дяди-Мишиным крылом никто из нас не стал мурлом,
а если кто-то взял да спился,
тот сам и вышел виноват: знать трусоват и слабоват,
чтоб к близким звёздам прыгнуть с пирса.

Под дяди-Мишиной звездой за каждой девой молодой
мы шли – нам был отпор неведом,
и были помыслы чисты, и если дам вели в кусты,
то музы были там при этом.

За дяди-Мишиной судьбой не реял сумрак голубой
над гипнотическим роялем:
народ – в поля, в цеха, в забой шагал, но чаще шел в запой –
за далью даль и Даль за Далем.

Когда евреям вышел срок, на Ближний, стало быть, Восток,
он отбыл. Вроде не прощался.
Что делал там? Проулки мёл, писал стихи, колонку вёл,
и долго жил. И вот – скончался.

Я верю: где-то за бугром (то бишь уже на свете том,
где не был я еще ни разу,
а дядя Миша там уже – и, полагаю, в кураже)
мы встретимся, не скомкав фразу.

Всех нас когда-то свёл Иов,
мы знаем всё без лишних слов,
коль уж в прошедшее вернулись.
Друг другу скажем «Ну, пока!»
и рюмки шевельнём слегка.

Всё!
Вот теперь мы – разминулись...

EXEGI MONUMENTUM. 2

*Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит могилы...
К. Гораций.*

*Нет, весь я не умру...
А. Пушкин.*

Памятник аз замастырил (без рукоприкладства,
ergo склонный к эффекту исчезновенья),
в чём нищие духом собратья усматривают пиратство.
Но замысел сей направляли иные поползновенья.

Нерукотворных намерений тают последние силы,
хоть монументальные мысли выглядят бредом невинным:
так, лучшая часть меня ненадолго избежит могилы,
чтобы поплавать в кунсткамерной банке с формалином.

Вряд ли она впечатлить поколенья способна
видом своим величавым – куда уж тут нам уж тут, скажем,
лобное место, как видим, не столь уж и лобно,
да ведь и нынешних фавнов не испугать Эрмитажем.

Тщетно – сражаясь с мужами, якшаясь с мужьями –
верить, что смысл воспарит над хулой и хвалою:
жизнь, пресекаясь, зря так обращается с нами,
гнузно с ее стороны заране считать нас золою.

Выставят суть нашу, народу любезную, в зале,
чтобы вакханок толпа всё там переломала...
Милых же дам, что меня без меня б опознали,
станет с годами – я плачу об этом! – так мало...

Ближе придвиньтесь, веселые вспомнив привычки,
шведки, киргизки, француженки, немки, голландки,
финки, тунгуски, татарки, уйгурки, калмычки,
ну и, конечно, гордые внучки – славянки!

Муза опять же... Её-то куда тут поместишь? –
девственна, да и при этом нематерьяльна!
Порознь, Гораций, жили мы, помнится... Вместе ж
памятник ладить – корпоративно, но нереально.

Что же до формалина как вечной среды обитанья –
схож сей раствор по природе с народной тропкою:
сколь ни противься он всяческому зарастанью,
не зарастает, Гораций, только тропа к водопою.

ХОХЛАЦКАЯ БАЛЛАДА

Памяти

Дмитрия Кузьмича Шаповалова

Вот гарцует на пригорке – девки, закрывайте шторы! –
дядя – Митька-егоза:
с детства доставалось порки, но усы всегда в махорке,
в серой ярости глаза!
Был он прасолом и волком, жизни вкус изведаль с толком,
и не покидал седла,
пялились донцы-соседи: уродится ж чёрт на свете! –
на горячего хохла.

В прошлой жизни бесталанной был у деда конь буланный –
царский поезд обгонял:
дед нашёл себе шараду – двинул покорять Канаду,
сотнику коня загнал.
Переполошил округу сын-малец – украл зверюгу,
в гриву утыкая нос,
жеребца в степи запрягал, но – нашли, и он заплакал.
Так мой милый дядька рос...

Только вспомню слёз и смеха нескончаемое эхо –
всё, что рассказал отец –
ненависти или мести рад я больше, чем невесте,

хоть всему пришёл конец.
Под звездой скорпиона, поумерь-ка скорбь, Иона,
тормозни свою кита:
то ли ноет ретивое, то ли воет рулевое,
то ли силушка не та.

Голь, кацапы, тавричане, греки, персы, молокане –
накипь русского котла,
пахнет язвой моровою да войною мировою,
бьют сплеча и жгут дотла.
То сангвиник, то холерик, дядька не искал америк,
он другой рванул стоп-кран:
золотые вшил десятки в шубу, в старые заплатки,
молча канул в Туркестан.

Но до этого – собаки! – ранен был в нечестной драке,
отлежался на печи,
зиму бабушка лечила, от болезни отлучила,
но от мести – отучи!..
О, змеиная улыбка, шаповаловская сшибка:
сдохни, но сочтись во всём! –
кровью легкие заполнил, но дружка того запомнил
и всех прочих, кто при нём...

Наступило время свадеб – улицею меж усадеб
прёт обидчик, пьян слегка.
Дядька мой в бекеше длинной у ворот стоит с дубиной,
взором нежит облака.
Вот шеренга женихова, вот невестина обнова –
под веселую гармонь
тяжко хрустнула дубина, замертво упал вражина,
дядька мой побрёл домой.

Раз кого, уж вы поверьте, он убил (пусть не до смерти –
но потом не жизнь была),
дядьке каторга светила, но маленько подфартило:
революция пришла.
Кровью мытые закаты, краснозадые мандаты,

тиф, колхозы, голод, мрак...
Вспомнить – и опохмелиться, хоть он и поныне длится,
отчей пажити бардак.

И бегут от половодья – всё кулацкие отродья,
дед мой, родичей толпа:
от Медведицы и Дона, от поруганного дома,
век не кончится тропа –
за горами, за долами, за калмыцкими степями,
за печальной Сыр-Дарьёй,
где страшны и мохногруды прокажённые верблюды,
а душа полна зарёй...

Я там жил – какое диво, по усам текли мёд-пиво:
чашу там до дна испил.
Там отцу божился: «Тату! Буду с краю ставить хату!»
Но поклялся – и забыл...
Так и дядька – хоть не ссыльный, жизнь свою рукою сильной
повернул – не ожидал,
с той поры, как бил дубиной, больше родины любимой
он до смерти не видал.

Прожил век, поторопился, и с родными не простился,
сжал обиду в кулаке –
отошёл в степи казахской, то ли гуннской, то ли сакской,
в собственном особняке.
Кончились его химеры: мне в глаза, на гребне зры
все, на фото вставши в ряд,
и укору, и примеры – пламенные офицеры,
братья старшие глядят...

В топоры я не рубился – но у дядьки научился
не чураться всех голгоф,
как последняя паскуда. И – не умирать, покада
всех не отплатил долгов!
Смертный миг и запах гари – всё вернул бы каждой твари:
видно, не дано простить.
Что ж, коли сложилось плохо, и твой враг – сама эпоха,
надо жить. И этим – мстить.

ЦЫГАНСКАЯ БАЛЛАДА О МОТОЦИКЛЕ «КОВРОВЕЦ»

Улочка киргизского славянства,
век хрущёвский, скобяной уют,
чужаку не след сюда соваться –
но не так, как нынче: не убьют.
Здесь хохлы, чеченцы да цыгане,
зелен кукурузный палисад,
здесь порой бредут по ранней рани
вместе – коновал и конокрад.

На высоком тополе скворешня.
Толпы вишен, детства лён и лень.
Коля Отвали-Моя-Черешня
в гости приезжает каждый день.
И хозяин, хитрый дядя Гриша,
зорко дёргает щекой рябой,
да воркуют на высокой крыше
турманы смурные за трубой.

Кряжист гость, золотозуб, буровист,
молод, в своём таборе – орёл,
ярко-синий мотоцикл «Ковровец»
в «Спортоварах» лично приобрёл.
Темный, потаённый лик цыгана,
жёсткий взор из-за угла судьбы.
И летит над крышей балагана
синий дым из выхлопной трубы.

Длится всё, как вечно начинали –
золотой улыбки дым с огнем:
– Эй, чавалы, как тут ночевалы?
– Кто об чём, а мы-быть о своём!
- Шо с базаром, говорю, ромалы,
али ж мусоров не маханем?!
...Только у дядь-гришиной Тамары
грудь трепещет, словно махаон,

веки тяжелы, как у богини,
губы, как смородина, влажны...
Дым царит над миром, синий-синий.
Мотоцикл тоскует у стены.
А в глазах цыганки злая воля
полыхнет, как огненный узор –
и внезапно умолкает Коля,
и тускнеет ястребиный взор.

Книжник, пятиклассник, параноик,
я расту, я жилист, как лоза,
я презрел всех юных пионеров,
я гляжу в цыганские глаза:
только мне дарована отрада
знать, что ей плевать на всех парней! –
нагота, цыганская наядя,
тень моя колеблется над ней!..

А она, знать, силу проверяет,
вырасту – чтоб мне принадлежать:
у воды купальник доверяет
сзади натянуть и завязать,
и, к ее спине прижавшись ухом,
будущее прозреваю я,
проникаю сокровенным слухом
в логово земного бытия!..

Но еще есть страсть, что душу гложет –
мотоциклов радостный накал,
гул моторов жизнь мою итожит:
нервный «Иж» и яростный «Урал»,
картер, карбюратор, поршневая –
громыхают, жаркие, во мне,
и летят, как шарик Первомая,
экипажи в синей высоте!

...Летний зной – сильней и безутешней.
Где они вдвоём? Да вон, в саду.
Коля Отвали-Моя-Черешня
ей цветы срывает на ходу.
Что-то шепчет. Вот их скрыл колодец.
В небе облака, как молоко...

Вот тогда я и угнал «Ковровец»!
Только не уехал далеко.

Александр КАМЕНСКИЙ

В осенней свежести туманной

В осенней свежести туманной
Как тонок яблок аромат
И на кистях рябин багряных,
Прощаясь, прячется закат.

Как гулки голоса деревни,
Мычанье стада, скрип ворот,
А на пригорке старец древний
Стоит уже который год...

Верней сказать – какое лето.
В каких летах? – не сосчитать,
Здесь все прожито и пропето,
Постичь бы всё и допонять.

Зажглись далекие Стожары,
Уводит в вечность Млечный путь,
В глазах еще горят пожары,
Но впору лечь и отдохнуть.

А поутру в хрустальной сини
Разбудят песней петухи
И заволнуются осины,
И затрепещет лист ольхи.

В полях чернеют жирно пашни,
Кустится озимь, зелена.
Уходит жизнь, как день вчерашний,
С рождением нынешнего дня.

Весенние проказы

Сады цветятся по долине,
Свежеет зелень тополей.
Здесь испокон веков донине
Земля кормила всех людей.

В палитре звуков и цветов
С восторгом новый день встречаю,
И любопытно ожидаю
Всё то, что дать он мне готов.

Случайный взгляд, припухлость губ,
Движенье плеч вполоборота,
И я, как падший однолюб,
Опять хочу и жду чего-то.

Летит ко всем чертям мораль,
Слабеют логика и разум,
И ничего уже не жаль
На быстротечные проказы.

Вот они – Любовь и Смерть

Знаю я, чего хочу?
Верно ль то, о чём я думал?
И туда ль свой руль кручу?
Так ли жизнь свою придумал?

Может счастье – не родиться?
А быть может – умереть?
Может, счастье влюбиться
И на мир душой смотреть?

Может, счастье в страданиях,
В коих должно умереть,
В нестареющих мечтаньях
Миром править и владеть?

Быть ничтожеством иль Богом? –
Середины-то и нет...,
У последнего порога
Вот они – Любовь и Смерть.

Губки бантиком

Так-то лучше, когда губки бантиком,
Когда брови, не хмурясь – вразлёт,
И улыбка твоя, словно фантиком,
В бесконечную даль позовёт.

А я плющевым мишкой иль зайчиком
На коленях твоих полежу,
Погрозил ты сурово мне пальчиком
И я всё про тебя расскажу:

Моя самая ласково-нежная,
Моя радость и солнечный свет,
Моя жизнь и мечта безмятежная,
Вечер теплый и сладкий рассвет,

Парус мой в бесконечных скитаниях,
Мой маяк, берег мой и костёр.
Нет преград, пустыки расстояния,
Даль морей, зной пустынь, выси гор.

Ты листвою прошепчешь берёзовой,
Пробежишь ветерком по лугам,
По закату на облаке розовом
Уплываешь к высоким снегам.

Улыбнусь, засыпая, и в спальнике,
Сразу станет немного теплей,
Когда губки твои, губки бантиком,
Прикоснутся к щетине моей.

Казалось, просто всё...

Казалось, просто всё... забыто,
Но только осень на порог
И память, словно пёс, избитый
В скитаньях тягостных дорог,

Скребётся в дверь с тоской унылой
В мою безропотную тишь.
И всё, что было, снова мило –
Живешь и чувствуешь, спешишь.

Внимаешь запахам и звукам,
Цветам и музам, свету звёзд.
И жизнь открылась, как наука,
И мир безоблачен и прост.

И ничего не изменяя
В своей назначенной судьбе,
Мы благодарно принимаем,
Что было послано тебе.

На Памир

Уютно урчит мотор,
Петляет в горах «Камаз»,
На крышу мира – Памир,
Уходим в который раз.

Упругий ветер в окно.
Качает кабину в такт,
В романтику дальних дорог
Уводит Памирский тракт.

Конец июня – жара.
И всё, как всегда, каждый год.
Но что-то в душе не так,
Какой-то недоворот...

Дорога случайных встреч,
Тяжелых, тревожных снов,
Печально опущенных плеч
И песен ночных ветров.

Смotaет память клубок,
Поди потом разберись,
Из наших дальних дорог,
Которым название – жизнь.

Умирайте молодыми

Приходит старость с ветхостью души,
Померкшим разумом, сердечной темнотою,
Не стоит раньше времени спешить,
Не всяк старик с седою головою.

Коль не забыт Богами и любим,
Внимая суть от дедовской науки,
Умри, как можно позже, молодым,
Не зная дряхлого безумия и скуки.

Я рисую свои песни

Я рисую свои песни,
Песня будет хороша,
Если в музыку и слово
Будет вложена душа.

Я рисую свои песни,
Коль мурашки по спине –
Значит, песня получилась:
О тебе и обо мне.

Я рисую свои песни,
В красках ноты и слова,
Тут и Слово, тут и Дело,
И, конечно, голова,

Муза, божье провиденье,
Мои верные друзья,
Мимолётные виденья
И, конечно, жизнь моя.

Вот и песня получилась,
В ней живёт моя душа.
Жизнь моя уже случилась.
Знаешь, жизнь-то хороша!

Видел ли, мой друг, ты звёзды?
Был ли ты в горах Памира?
А вдыхал ли ты тот воздух –
Самый лучший воздух мира?

А я был! Я точно знаю,
Всё во мне переменялось,
Разбудило мою душу
И за сердце зацепилось.

Там понять порой пытался
Жизнь и суть мирских основ,
По ночам ко мне спускался
Пёс с созвездья Гончих псов.

Пели песни под луною,
А когда огонь угас –
Мы душой друг друга грели
И сиянием добрых глаз.

Видел ли, мой друг, ты звёзды?
Был ли ты в горах Тянь-Шаня?
А вдыхал ли ты тот воздух,
Напоённый утром ранним?

А я был! Я точно знаю,
Всё во мне переменялось,
Разбудило мою душу
И за сердце зацепилось.

В чёрном бархате... Нет – в синем!
Впрочем, может быть и в чёрном,
Звёзды небо полосили,
А в снегу темнели горы.

Вам, друзья мои, скажу я: -
Сколько жизни той осталось,
Так остаток проброжу я,
Как хотелось, как мечталось.

Видел ли, мой друг, ты звёзды?
Был ли ты в горах Чимгана?
А видал ли ты то Солнце,
Что встаёт там утром рано?..
А я был! Я точно знаю.

Первый луч

Из-за дальней гряды, робко высунув нос,
Первый трепетный луч унесётся на пик.
И, решая, как видно, свой важный вопрос,
Потихоньку опустится он на ледник.

А потом в синеве поплывут облака.
Будет град, или снег заметелит слегка,
Ветер белые флаги на гребнях развесит
И ручьи зазвонят, а пока...

Очарованный, таю тихонько душой
И пытаюсь объять необъятную суть,
Бесконечность и миг, гром лавин и покой,
Оглянуться назад и вперед заглянуть.

Перевал застонал, распахнулся и сник.
Ветер. Ветер в лицо и небес синева,
Я душой оробел и глазами приник,
Сердце ухнуло вниз и трепещет едва.

Возвращаясь глазами потомков своих,
Преступая черту, одолев перевал,
Я, наверно, поэтому робко притих
Перед теми, кто раньше меня здесь бывал.

Лампадка

Я зажгу свою лампадку
В уголке своей души
И вздохну с истомой сладкой,
Как вздыхают малыши,

Улыбнусь лучу в окошке,
Может – это будешь ты,
И сложу в свое лукошко
Все вчерашние мечты.

Может все, что в жизни пелось
И мечталось, не сбылось,
Я приму, что мне осталось
И смогу, что не могло.

Перевешу занавески,
Потолки перебелю,
И забытую, из детства,
Песню мамы пропою.

С вечной думою о главном,
Раз, проснувшись поутру,
Мной разбросанные камни
Сам я вновь и соберу.

Да, это было счастье

А это было – счастье,
Увидев, полюбить
И с тихой тайной страстью
Любовь свою хранить.

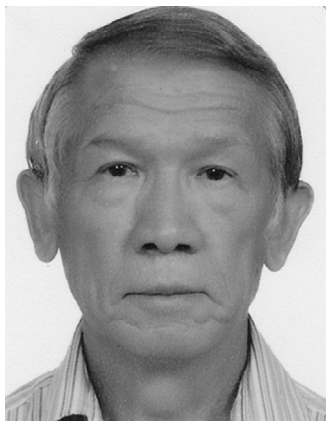
Носить тебе букеты,
Звонить и класть под дверь,
Слагать тебе сонеты,
Гадать на «верь - не верь».

На старой танцплощадке
Краснеть и прятать взгляд,
Шагнув тебе навстречу,
Вдруг повернуть назад.

Всегда готовый к драке... -
Пусть только подойдут,
Я покажу, где раки
Зимуют и живут.

Всю ночь я пел романсы,
Соседям спать мешал,
Да, это было – счастье!
А я тогда не знал.

ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав ТИМИРБАЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО: КОНУРБАЕВЫ

Нынешний год для издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана» («ЖЗЛК») – юбилейный. В 2003 году вышла первая книга этой серии «Каип Оторбаев», а на сегодня их уже шестнадцать. Все они посвящены, главным образом, жизни и деятельности одной выдающейся личности и ее окружения. Но ведь в стране немало уникальных семей, члены которых в равной мере внесли существенный вклад в становление и развитие различных сфер экономической, политической, общественной, культурной жизни общества, оставили заметный след в истории Киргизии. Почему бы не расширить границы книг этой серии, положив в их основу повествование также о подобных семьях?

Первой в этом ряду призвана стать книга о Конурбаевых, которую планируется выпустить в конце этого года. Два-три десятилетия тому назад эта фамилия была в республике очень даже на слуху.

Азат Конурбаев, кандидат биологических наук, заслуженный деятель науки республики прославился как один из основателей и многолетний (в течение 34 лет!) директор Иссык-Кульской биологической станции Академии наук Кыргызстана, чье имя носит сегодня эта станция.

Эрик Конурбаев, доктор биологических наук, профессор, с 1974 по 1986 год работал ректором Пржевальского педин-

ститута, а до этого пять лет был проректором Ошского пединститута.

Марат Конурбаев, по единодушному признанию всех братьев, самый яркий представитель династии, выполнявший роль как бы своеобразного ядра, вокруг которого концентрировалась семья, с 1967 по 1973 год работал первым заместителем министра местной промышленности республики, а затем в течение десяти лет возглавлял это министерство, был инициатором и одним из активных организаторов создания объединения народных художественных промыслов «Кыял».

Но не только этим интересна судьба членов этой семьи. Предваряя выпуск данной книги, редакция журнала знакомит читателей с некоторыми набросками из нее. Подготовлены они автором для краткой журнальной публикации – в эскизной манере, как дерево с несколько усеченной кроной. Полнокровное повествование, с острыми ситуациями, конфликтами, лирическими отступлениями, ждет вас в самой книге «Конурбаевы», которая скоро выйдет в популярной серии ЖЗЛК.

ГЛАВА СЕМЬИ

Старожилы Бишкека, должно быть, помнят представительного, элегантного, я бы даже сказал, щеголеватого директора столичного кинотеатра «Россия» Омурзака Конурбаева. Трудился он на этом посту с начала 60-х по 1973 год. В то время кино было для советских людей действительно важнейшим из всех искусств. Если шла премьера какого-нибудь отечественного фильма, у касс кинотеатра выстраивалась внушительная очередь.

Многие именитые артисты советского кино, приезжавшие в Киргизию, непременно выступали с творческими отчетами и в зале кинотеатра «Россия». Все, кому довелось работать с этим директором, дружно отмечали, что тружеником и организатором он был отменным. Свидетельством тому может служить орден «Ленина» и множество Почетных грамот Госкино СССР и Киргизской ССР, которыми отмечен его труд в этой должности.

Родился Омурзак Конурбаев в 1903 году в селе Озгоруш Кеминского района. В бедной семье батрака Конурбая он не был первенцем. Но два родившихся до него мальчика умерли в мла-

денчестве. Чтобы обмануть коварную судьбу, родители решили назвать его Омурзак (Омур узак – долгая жизнь). И до 12 лет одевали его, как девочку, и заставляли носить сережки в ушах. Хитрость удалась. И сам Омурзак, и родившиеся после него девочка и мальчик прожили долгую жизнь.

Когда он подросток и пришла пора обучать его грамоте, Конурбай, будучи религиозным человеком и почитая местного муллу из татар, отдал сына ему для начального изучения Корана. В те годы мулла являлся одновременно и учителем в начальной туземной мусульманской школе.

Учился Омурзак прилежно, среди сверстников выделялся сообразительностью и цепкой памятью. И уже в 14 лет стал муэдзином местной мечети.

Это назначение сильно возвысило подростка как в глазах односельчан, так и в его собственных. Он уже не позволял себе участия в подвижных детских играх, резких порывистых движений, вел себя сдержанно и степенно. И в разговорах со взрослыми старался не спешить, четко выражать мысль, вдумчиво подбирая слова. Все это очень пригодилось ему в будущей жизни.

В 1931 году Омурзака направили на учебу во Фрунзенскую двухгодичную коммунистическую школу. Учился он прилежно и охотно, слыл успевающим слушателем. Но, главное, здесь он активно включился в литературную жизнь. Начал писать стихи, познакомился с писателями и поэтами – своими сверстниками. Завел дружбу с Аалы Токомбаевым, Касымалы Баялиновым, Жоомартом Боконбаевым, Жусупом Турусбековым, Касымалы Жантошевым, Мукаем Элебаевым.

После окончания школы Конурбаева назначили главным политредактором издательства. Практически на тот момент он являлся главным цензором Киргизии. Дали ему хорошую трехкомнатную квартиру на улице Сталина (ныне Чуйский проспект). Ведь к тому времени, в мае 1932 г., Салима, его жена, родила первенца. По ее настоянию, сына назвали Азат.

На исходе 1940 г. Омурзака Конурбаева утвердили инструктором ЦК КП(б) Киргизии, а через полгода началась война. И хотя с началом войны репрессии 1937-38 г.г. пошли на убыль, все же совсем поиски «врагов народа» не прекратились.

В 1942 г. положение на фронте настолько обострилось, что в армию стали призывать даже людей, имевших бронь. Одним из таких призывников оказался инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК Чолоков, с которым у Конурбаева сложились дружеские отношения.

Перед отправкой эшелона с призывниками на фронт первому секретарю ЦК А. Вагову сообщили из НКВД, что Чолоков подозревается в шпионско-подрывной деятельности, а потому нежелательно, чтобы его провожал кто-либо из работников ЦК.

Когда это предупреждение доводилось до сведения ответственных, Конурбаев находился в командировке. А по возвращении из нее он узнал, что в этот день его друг уезжает на фронт. Придя на вокзал провожать своего товарища, Омурзак удивился, что провожать коллегу пришел лишь он один, но в тот момент серьезного значения этому не придавал. И не заметил, что, когда во время прощания они обнялись с Чолоковым, их сфотографировал какой-то гражданин в штатском.

В августе 1942 г. пришел черед отправляться на фронт и самому Конурбаеву. Но едва поезд сделал первую остановку на станции Пишпек, в вагон вошли два сотрудника НКВД и предложили Омурзаку Конурбаевичу пройти с ними. На перроне они пересадили его в поезд, направлявшийся в Узбекистан. Так он оказался вначале в Беговатской пересыльной тюрьме, где предъявили обвинение в измене Родине и связях с японской и английской разведками, а после того, как сломленный постоянными издевательствами и пытками обвиняемый подписал все требуемые от него показания, его отправили по этапу в Норильский лагерь. Вернулся он оттуда только в 1956 г.

АЗАТ

Первенец Омурзака Конурбаева и Салимы Фаттаховой появился на свет в последний день мая 1932 года на джайлоо «Ок торкой» в урочище «Кашка». Мальчик рос живым, непоседливым. В школе отличником не был, но и в двоечниках не ходил. Был твердым «хорошистом». А если чем и отличался в среде сверстников, так это тем, что был мастер на всякие выдумки, а еще слыл отчаянным драчуном. Подрасться он любил и умел. Это у него получалось отлично. Победенным в драках почти

никогда не уходил. Наверное, в силу этого с годами у него выработался характер лидера.

Когда отца арестовали и семья перебралась из столицы в Озгоруш, Азату было 10 лет. Председатель колхоза Койлубаев, человек недобрый и желчный, сразу невзлюбил всех ее членов. При встрече с кем-либо из Конурбаевых всегда считал своим долгом побольнее уколоть возгласом: «А-а-а, вражеская семья Конурбая. Вы еще не передохли? Всех вас надо вслед за отцом сгноить в тюрьме...»

От этих слов детям становилось обидно и больно. Они тоже всеми фибрами души невзлюбили председателя.

Жарким летом 1944 года все дети старше 8 лет должны были ежедневно выходить на пшеничное поле собирать колоски, оставшиеся после жатвы. В то же время вместе с колосками на поле оставалось и осыпавшееся зерно. Дети связывали собранные колоски в небольшие метелки, а зерно собирали в холщовые мешочки. И если колоски они обязаны были сдавать на зерновой ток, то, поскольку собирать осыпавшуюся пшеницу их не заставляли, мешочки с ней прятали в штанах и уносили с собой.

Наиболее шустрый и предприимчивый Азат, которому в то время было уже 12 лет, умудрялся приносить домой зерна больше всех. Вскоре открылся и секрет его удачливости.

Как-то в час отдыха мальчишки гурьбой побежали на речку купаться. Отставший от всех Азат забрел в заросли камыша, расстелил заранее припасенную небольшую подстилку и принялся на ней обмолачивать собранные колоски. Увлеченный делом, Азат не заметил, как к нему подъехал на лошади председатель колхоза. Проезжая мимо, тот с лошади увидел занятого в камышах обмолотом мальчишку. Схватился Азат лишь после жгучего удара камчой. Схватив подстилку с колосками и обмолоченными зернами, он сноровисто прыгнул в речку. Разъяренный всадник пытался на лошади догнать и отхлестать расхитителя колхозной собственности. При этом он громко ругался и угрожал:

- Поймаю, негодяй, засуну эти колоски тебе в задницу. Будешь у меня знать, как воровать пшеницу.

- Лучше засунь их себе, - дерзко отвечал удирающий со всех ног мальчишка. - У тебя задница поздоровее, вон какую наел, в седле не помещается.

От этой наглости Койлубаев буквально рассвирепел. Припустив коня, он все же догнал обидчика и хлестнул его еще разок. К счастью, уже рядом была спасительная глубоководная заводь, где купалась вся ребятня. Они с любопытством и отчаянным восторгом наблюдали за поединком их приятеля с самим раисом, которого в колхозе не любили и боялись.

Нырнув в глубь реки, Азат подплыл к кучке купающихся и затерялся среди таких же, до черна загорелых, сверкающих на солнце голыми задницами, сверстников. Председателю не оставалось ничего иного, как сердито погрозить всем кулаком с зажатой в нем камчой, и отправиться по своим делам.

После окончания 8-го класса сельской школы Азата приняли в 9-й класс Фрунзенской школы-интерната №5 по серьезной протекции. В тот период он и Эрик серьезно увлекались боксом. И на этой почве крепко подружились с талантливым боксером Караталом Оторбаевым. А у того близкий родственник, Убайдылда Кудаймендиев, работал в ту пору директором этой самой школы.

Закончив 10-й класс в 1950 году, он поступил в Московский институт цветных металлов и золота. При заполнении анкеты в графе об отце записал, что тот погиб на войне. Данный вуз относился к числу секретных, и принимали в него людей проверенных и благонадежных. За год учебы особый отдел института проверил подноготную всех первокурсников и обнаружил, что отец Азата Конурбаева даже не был участником войны и в настоящее время отбывает наказание как изменник Родины и агент иностранных разведок. Юношу тотчас отчислили из института.

Возвратившись во Фрунзе, он поступил на биологический факультет Киргосуниверситета, только что созданного на базе пединститута.

Как и в школе, в университете Азат, несмотря на невысокий рост и отнюдь на богатырское сложение, был в центре внимания однокурсников. Он успешно учился, был именитым в республике боксером, чемпионом Средней Азии и Казахстана спортивного общества «Буревестник» (было в советские годы

такое Всесоюзное студенческое спортивное общество), всегда хорошо, со вкусом одевался. Причем, на одежду зарабатывал себе сам. Источник заработка у него был вполне устойчивый и солидный.

Сегодня уже вряд ли кто из близких вспомнит, каким образом и когда Азат приобрел фотоаппарат «ФЭД». Для того времени это была очень приличная зеркальная камера, которая высоко котировалась не только среди фотолюбителей, но и профессиональных фотографов.

Довольно быстро он научился уверенно обращаться с этой техникой, делать интересные качественные снимки. Юноша приходил чуть ли не на каждый спектакль в театр оперы и балета, фотографировал известных артистов в выигрышных для них эпизодах и продавал фотоснимки им самим и их поклонникам.

Успевая хорошо учиться, активно заниматься спортом, не пропускать танцевальные вечера, пользоваться успехом у девушек, зарабатывать на добротную одежду, Азат находил еще силы и время уделять внимание занятиям в студенческом научном ихтиологическом кружке. Руководил им профессор Федор Алексеевич Турдаков, порядочный, добрый человек, серьезный ученый. Азат с благоговением относился к нему. И профессор тоже очень ценил пытливого, любознательного и энергичного студента, считал, что из него со временем вырастет хороший ученый и толковый руководитель.

В 1956 году произошло самое большое и счастливое событие в жизни семьи Конурбаевых. Вернулся из долгого, почти 14-летнего заключения, глава семейства. Полностью реабилитированный и восстановленный в правах и в партии. Радость не могло омрачить даже сознание того, что все 14 лет физических и нравственных страданий, лишений бедности и несправедливых гонений и преследований, 14 лет жизни с обидным, унижительным и незаслуженным клеймом «семья врага народа» были напрасными.

В том же году 24-летний Азат, проживший к тому времени большую часть жизни, не зная отцовского влияния, закончил университет. Профессор Ф. Турдаков, работавший параллельно с преподаванием в университете заведующим лабораторией ихтиологии Института биологии Академии наук республики, пред-

ложил выпускнику должность лаборанта. Молодой специалист с удовольствием согласился, поскольку еще раньше они с Федором Алексеевичем загорелись идеей создания на озере Иссык-Куль, богатом рыбными запасами, биологической станции. В ту пору он еще не догадывался, что эта станция станет судьбой и делом всей его жизни.

Учитель и ученик, страстно увлеченные не столько проблемой изучения рыб, сколько вопросами рыболовства и рыбоводства на Иссык-Куле, отправились в город Чолпон-Ату, чтобы выбрать место для будущей базы. Азат, неплохо знавший эти места и специфику предстоящих исследований, быстро нашел места и специфику предстоящих исследований, быстро нашел подходящий участок. Для начала установили на нем сборно-подготовкой домик. Вскоре туда устремились научные экспедиции. Работа закипела. Моторный, энергичный, фонтанирующий идеями молодой специалист, сам горел страстью поскорее создать на «киргизском море» настоящий научный ихтиологический центр и заражал ею остальных.

Очень скоро, оценив серьезность и перспективность начатых исследовательских работ, руководство Академии наук согласилось с доводами ихтиологов, стало формировать комплексные экспедиции, включая в их состав гидробиологов, орнитологов, энтомологов, паразитологов и других.

Для увеличения численности ценных промысловых рыб (форели, османа, сига) на Иссык-Куле было создано два рыболовных завода – Тонский и Караколский. Ценными промысловыми рыбами стали интенсивно заселяться высокогорные озера Сон-Куль и Сары Челек, а также Токтогульское, Ортотокойское и другие водохранилища. За что инициаторов этой затеи искренне благодарили любители рыбной ловли и домохозяйки, получившие хорошую возможность разнообразить семейный обеденный стол сравнительно недорогой и вкусной рыбой.

Биологической станции повезло, что одним из ее создателей и многолетним директором оказался такой человек, как Азат Конурбаев. В свою очередь, и ему повезло не в меньшей степени, что сразу после университета он окунулся в такое увлекательное дело, которое не просто стало делом всей его жизни, но и позволило ему в полной мере проявить свои организаторские способности, окружить себя замечательными людьми или познакомиться с таковыми в процессе дальнейшей работы.

Очень скоро об уникальной биологической станции на озере Иссык-Куль узнали специалисты в далеких от республики университетских центрах. С началом сезона сюда стали стекаться студенты не только из Фрунзе, но и Алма-Аты, Ташкента, Новосибирска, Омска, Томска, Москвы.

Случайно услышав о биологической станции на Иссык-Куле и ее директоре, решил во что бы то ни стало познакомиться с ними легендарный полярный исследователь, дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин. И он приехал сюда, несмотря на свой весьма почтенный возраст. Было ему в ту пору 89 лет. Вот что значит страсть путешественника и исследователя.

А разве мог Азат Омурзакович забыть встречи, долгие беседы, поездки по Иссык-Кулю с народной артисткой СССР, солисткой оперы Еленой Образцовой и ее мужем, главным дирижером Большого театра СССР Альгисом Жюрайтисом, или известными актерами театра и кино, народными артистами СССР Евгением Леоновым и Михаилом Ульяновым.

Очень долго находился Конурбаев под впечатлением от обаяния, какой-то детской наивности и простоты всемирно прославленного танцора, народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева.

А сколько было памятных встреч и душевных бесед с гордостью отечественной литературы Чингизом Айтматовым и Аалы Токомбаевым, с президентами всех академий наук республик Средней Азии и Казахстана, видными учеными, знаменитыми артистами, музыкантами, поэтами, государственными и общественными деятелями.

Директор биостанции обладал каким-то душевным магнетизмом, внутренним обаянием. Он очень быстро располагал к себе людей. Умел внимательно слушать, не перебивая собеседников. Порой казалось, что нет такой темы, которая была бы ему не интересна и разговор на которую он не мог бы поддержать.

А еще он был на редкость щедрым и хлебосольным человеком, обладал поразительными кулинарными способностями. Любое мясо, будь то говядина или баранина, птица или дичь, рыба речная или морская, в его руках превращалось в изысканный деликатес.

Еще студентом старших курсов Азат как-то был приглашен на вечеринку, устроенную его близким другом. Во время танцев он, к удивлению друзей, приглашал постоянно одну девушку и весь вечер танцевал только с ней, никому не позволяя пригласить ее. Что-то, а танцевать Азат любил и умел. Чувства ритма, пластичности, красоты движений ему было не занимать.

Когда вечеринка закончилась, он пошел провожать Заинжамал Кулумбаеву. Так звали его новую знакомую. Была она студенткой технологического факультета Фрунзенского политехнического института. Росточком она была под стать кавалеру. А голову ее украшала тяжелая длинная коса.

Их роман развивался стремительно и бурно. Все, что делал Азат, делал от души, добротой и прочно. Сделанное им ни переделки, ни доводки не требовало. Так что через непродолжительное время Азат и Заинжамал, которую очень быстро домашние переименовали в Зину, стали мужем и женой.

В Чолпон-Ате у них родились два сына, Эмиль и Эдиль. Хотя Эдиль был младшим ребенком, росли они, как близнецы. Мальчишки пошли в отца, такие же были непоседы, живчики и драчуны. Но сегодня это солидные мужи.

Патриот Иссыйк-Куля, Азат Омурзакович постоянно и последовательно отстаивал его доброе имя. Одно время кому-то выгодно было поднять шумиху по поводу якобы повышенной радиации в зоне озера. И хотя проблемы радиации не затрагивали напрямую научные интересы Конурбаева, не входили в сферу его компетенции, тем не менее, еще в 1962 году он объехал Прииссыккулье с известным специалистом по радиационной безопасности профессором Дракковым. Московский ученый располагал современной по тем временам аппаратурой, но недопустимого превышения радиационного фона он здесь не обнаружил.

В 1995 году газета «Известия» поместила статью «Стронций-90 в Иссыйк-Куле». В ней сообщалось, что в водах высокогорного озера обнаружен радиоактивный изотоп стронция-90 с периодом полураспада более 29 лет, а потому купаться здесь, особенно людям с повышенной восприимчивостью к радиации, небезопасно.

Возмущенный этой нелепицей, директор биостанции послал

в ту же газету опровержение «Стронция в Иссык-Куле нет. Есть безответственность некоторых лиц». Увы, опровержение компетентного и весьма заинтересованного специалиста не опубликовали.

Чтобы прекратить всевозможные кривотолки и спекуляции по этому поводу, Азат Конурбаев порекомендовал отечественной гидрометслужбе в курортный сезон в ежедневных сводках о прогнозе погоды сообщать так же сведения об уровне радиационного фона в зоне Иссык-Куля. К рекомендации ихтиолога метеорологи прислушались. С того момента в газетах республики стали регулярно печататься сводки о фоне радиации на высокогорном озере. Все. Досушие слухи и страхи прекратились.

В силу свойственной всем Конурбаевым жажды справедливости, Азат яростно боролся с браконьерством, боролся за то, чтобы вылов рыбы в озере велся в строгом соответствии с установленными научно и законодательно нормативами. Он был глубоко убежден в том, что нарушение многовекового равновесия флоры и фауны уникальной природной среды озера чревато непоправимыми бедами.

Задумавшись над феноменом севанской форели, которая, оказавшись в благоприятных условиях озера Иссык-Куль, достигла неожиданных размеров, Азат Омурзакович загорелся идеей размножить в киргизском море... осетров.

Запустив в экспериментальном водоеме мальков весом в шесть граммов, он через три месяца получил полукилограммовых осетров. В то время килограмм осетрины оценивался на мировом рынке в 30 долларов США.

Узнав об этом через вездесущие СМИ, японские бизнесмены обратились к Азату Конурбаеву с предложением о создании совместного предприятия по разведению осетров на Токтогульском водохранилище, где вода была гораздо теплее, и не водилась никаких хищников. В это предприятие они готовы были вложить три миллиона долларов.

Тогдашнее руководство республики было сильно уязвлено тем, что японцы обратились к Конурбаеву напрямую, а не по официальным каналам. Понятно, чиновники стали чинить препятствия. Но не они остановили Азата Омурзаковича. Остановило чувство (трудно сказать, ошибочное или нет) чести и достоинства своей страны.

Всю свою жизнь он был активным экологом, яростным борцом за чистоту окружающей хрупкой жемчуг Иссык-Куля среды. Увы, и здесь он нажил себе немало недругов и откровенных врагов. Причем, очень влиятельных.

Закончилась же столь блистательная и состоявшаяся карьера патриота озера Иссык-Куль Азата Конурбаева достаточно прозаично. Впрочем, вполне в духе того застойного периода. Особенно тогдашних власть имущих не устраивала популярность и широкая известность клана Конурбаевых. Один брат – министр, второй – ректор вуза. А тут еще всемирно признанный, всеми почитаемый писатель, при жизни ставший гордостью нации, как-то в присутствии первого секретаря ЦК партии республики и чуть ли не всего правительства полушутя, полусерьезно назвал Азата Омурзаковича директором озера Иссык-Куль. Назвал уважительно, вкладывая в эти слова признание вклада директора биостанции в сохранение фауны и биоразнообразия уникального озера. Но вот как раз этого первый секретарь, весьма ревниво и болезненно относившийся к чужим успехам и популярности, перенести не мог.

ЭРИК

Ему было семь лет, когда отца арестовали и на всю семью легли печать и проклятье членов семьи «врага народа». А когда отца реабилитировали и восстановили в правах, Эрику шел 22-й год. Так что время голода, холода, унижений, беспросветной нужды и бедности, морального угнетения ему запомнилось отчетливо и навсегда. С марта по октябрь дети не знали, что такое обувь. Бегали босиком. Зимой мерзли отчаянно. Не топили дома, не топили и в школе. Сидя в нетопленных классах в овчинных шубейках, перешедших к ним от старших братьев, они своим дыханием отогревали замерзшие в чернильницах чернила.

В те годы у Эрика, причем, как и у его братьев, произошло знакомство с первыми кинофильмами. Поначалу это были немые ленты, которые им не запомнились, а затем и звуковые. Первым фильмом, который сохранился в детской памяти, был «Броненосец «Потемкин». За ним последовали «Чапаев», «Волга-Волга», «Светлый путь».

В юности он увлекся журналистикой, довольно успешно сотрудничал с республиканским радио и некоторыми газетами, писал рассказы для детей, создавал детские радиопередачи.

Учась в 8-м классе, Эрик, по примеру старшего брата, всерьез занялся боксом. Объяснение этому простое. Он стал учиться во Фрунзенской школе-интернате № 5. Опять же, как и в случае с Азатом, не без протекции их закадычного дружка Каратала Оторбаева и его близкого родственника, авторитетного директора этой школы Убайдылды Кудаймендиева.

В интернате братья жили в разных комнатах, поскольку учились в разных классах. Став взрослыми, Азат и Эрик не переставали поражаться тому, с какими способными и талантливыми ребятами им довелось учиться и жить по соседству.

К примеру, Эрик учился в одном классе с Апасом Джумагуловым, будущим секретарем ЦК по промышленности и многолетним председателем Совета Министров Киргизии, Ренатом Кульматовым, ставшим впоследствии первым секретарем Ошского обкома партии, будущим первым секретарем ЦК комсомола Киргизии Сагыном Наматбаевым. А сколько стало из тех мальчишек министров, глав городов и районов, академиков, крупных хозяйственных руководителей.

В боксерской секции Азат и Эрик попали в руки превосходного тренера и хорошего педагога и человека Николая Васильевича Клевцова. Многие именитые боксеры вспоминали его с благодарностью и нежностью, говоря, что во многом благодаря ему не пошли по кривой или наклонной дорожке.

Уже через два года интенсивных тренировок Эрик на республиканской спартакиаде школьников стал чемпионом Киргизии в своей весовой категории. А во второй половине июля ему предстояло отстаивать спортивную честь республики в Вильнюсе, где должна была состояться Всесоюзная спартакиада школьников.

Так случилось, что в том самом году, окончив 10-й класс, Эрик собирался поступать в Киргизский государственный медицинский институт. Спартакиада заканчивалась в конце июля и, по расчетам юноши, он успевал к первому августа, к началу вступительных экзаменов, возвратиться домой.

Перед отъездом на спартакиаду он оставил документы

старшему брату Азату, чтобы тот сдал их в приемную комиссию мединститута, и со спокойной душой отправился в Прибалтику.

В стартовом бою он встретился с чемпионом России Свиридовым. Поединок киргизстанец выиграл. Удачно сложилась для него и вторая схватка с чемпионом Эстонии. Однако в третьем бою уступил хозяину ринга, чемпиону Литвы.

Заняв шестое место, Эрик 31 июля вылетел из Вильнюса и к вечеру того же дня был уже во Фрунзе. Встретил его в аэропорту Азат. На следующий день должны были начаться вступительные экзамены. И тут старший брат признался, что сдал документы в приемную комиссию не медицинского института, а биологического факультета Киргосуниверситета.

Азат начал убеждать брата, что у него будет больше шансов поступить на биофак. И вообще, будут учиться на одном факультете, вместе ездить в университет и возвращаться домой. Все как-то веселее. Словом, уговорил Эрика. Тем более, что деваться тому все равно было уже некуда. Передавать документы в мединститут он уже не успевал, а терять один год не было ни смысла, ни резона.

Хотя после выпускных школьных экзаменов, Эрик был занят, главным образом, подготовкой к Вильнюсской спартакиаде, теперь, вернувшись, он сумел набрать необходимое для поступления количество баллов и стать студентом университета. Поселились братья в одной комнате университетского общежития.

Вскоре, по примеру Азата, он стал активным участником студенческого научного кружка. На четвертом курсе за одну из работ в научном кружке получил Почетный диплом Министерства образования СССР.

Когда Азат учился на четвертом курсе, а Эрик на третьем, к ним присоединился их средний брат Марат. Школу он закончил в шахтерском городе Сулюкте, в Ошской области.

В отличие от Азата и Эрика, Марат поступил на политехнический факультет университета, выбрав профессию геолога. Года через 3-4 на базе этого факультета будет создан Фрунзенский политехнический институт.

Теперь в одной комнате университетского общежития стали жить три брата Конурбаевы. А поскольку Марат тоже зани-

мался боксом, в университете за ними прочно закрепилось прозвище «братья-боксеры». Нужно ли говорить, что их побаивались сверстники не только в университете, но и в городе.

Имея множество светлых и привлекательных сторон, студенческая жизнь несет в то же время один весьма существенный недостаток. Заключается он в том, что эта счастливая и веселая пора слишком быстро кончается.

В 1956 году окончил университет Азат, а через год настала пора прощаться с альма матер и Эрику. С университетским дипломом молодой специалист пришел на должность лаборанта в Институт биологии Академии наук республики. Как и сегодня, в те годы оклады научных работников в академических НИИ и лабораториях не позволяли разве что умереть с голоду. Биолог с высшим образованием получал менее 700 рублей, или 70 рэ после хрущевской денежной реформы 1961 года.

Когда друг отца Шаик Токтосунов, возглавлявший в тот период весьма престижный и уважаемый Комитет государственного контроля республики, поинтересовался у Эрика, сколько он получает в месяц, и услышал в ответ конкретную сумму, то чуть не свалился со стула от смеха. А отсмеявшись, решительно сказал: «Вот что, немедленно уходи с этой должности и завтра же приходи ко мне. Найду тебе дело более стоящее и приличное».

Токтосунов был из той немногочисленной категории людей, которые делали доброе дело тихо, незаметно, не афишируя его. Когда семья его друга Омурзака Конурбаева бедствовала в Озгоруше, он время от времени через верных и надежных людей передавал ей продукты, одежду для мальчишек, кое-какие деньги. Словом, помогал, чем только мог.

Вот и на сей раз, он взял под свою опеку Эрика. Так специалист в области биологии стал старшим контролером отдела науки, культуры, здравоохранения и социального обеспечения Комитета госконтроля.

Иной бы на месте Эрика гордился и радовался: должностной оклад в 2,5 раза выше, чем у лаборанта в системе Академии наук, плюс ежемесячные премии и ко всему еще красивая форменная одежда. О социальном статусе уже и не говорим. А вот новоиспеченный старший контролер не скрывал своего недо-

вольства новой работой. По своему характеру и складу души он меньше всего подходил на роль фискала или надзирателя.

Не был согласен Э. Конурбаев и с тем, как оценивался их труд. Чем больше обнаруживали они и вскрывали недостатков и разного рода финансовых махинаций, тем весомее были ежемес- сячные и ежеквартальные премии. Понимая в глубине души логику подобного подхода, Эрик возмущался тем, что такой под- ход изначально подталкивает их к тому, чтобы в каждом руково- дителе видеть потенциального махинатора и пытаться вывести его на чистую воду.

Замечал он, как некоторые его коллеги стремились любой ценой накопать побольше негативных фактов на проверяемом ими объекте, чтобы выслужиться перед руководством, прослыть непримиримыми и принципиальными борцами с расхитителями общественного достояния, а главное, заработать таким образом больше премиальных.

Сын безвинно и незаконно репрессированного, он лучше, чем кто-либо другой, знал, как порой легко обвинить человека, опорочить его доброе имя, и сколько потом этому человеку по- требуется сил, нервов, времени, чтобы доказать свою правоту, восстановить свое доброе имя, добиться справедливости.

Позже, оставив эту работу, он нередко будет с благодар- ностью думать о том, что не поддался общему психозу, не стал ярим искателем ведьм, а всегда и при всех обстоятельствах старался оставаться объективным и честным контролером. Это ему в полной мере удалось.

В 1961 году Э. Конурбаев оставил работу в Комиссии со- вконтроля и поступил в аспирантуру. Будучи аспирантом, же- нился на выпускнице мединститута Светлане Муллер.

В 1964 году в жизни молодоженов произошли два важных события – родился первенец, которого назвали Маркленом, а Эрик Омурзакович, успешно защитив диссертацию, стал канди- датом биологических наук.

После защиты диссертации молодого ученого направили в Ошский педагогический институт проректором по учебной и на- учной работе. В те годы Ош был вторым, после Фрунзе, городом республики по величине, численности населения, экономичес- кому потенциалу и значению. А Ошская область – самым круп- ным регионом Киргизстана.

Институт, в котором Конурбаеву предстояло работать, был единственным вузом в Южной Киргизии. На тот момент он очень высоко котировался и был подлинной кузницей педагогических кадров. Кстати, многие партийные и советские работники областного и районного масштаба южного региона были воспитанниками этого института.

Обладая светлой головой и здоровым честолюбием, Э. Конурбаев решил не затягивать дело с написанием докторской диссертации. В 1970 году, собрав все необходимые материалы и подготовив вчерне большую часть научной работы, Эрик Омурзакович отправился в г. Ленинград для ее завершения и защиты.

В Зоологическом институте Академии наук СССР докторанта встретили тепло. Определили в соответствующую лабораторию, дали рабочее место. Но вот с общежитием вышел прокол. Места в нем для приезжего не оказалось. Пришлось подыскивать жилье на стороне. И тут вновь улыбнулась удача. Совершенно случайно Э. Конурбаев познакомился с профессором Константином Абрамовичем Бродским. В ту пору было ему около 60 лет. В более молодые годы ему довелось быть участником трех антарктических экспедиций.

Узнав о проблемах Эрика Омурзаковича, он и его жена Наталья Семеновна любезно предложили ему пожить у них, сославшись на то, что все равно одна комната пустует, никто в ней не живет.

По утрам новый жилец и хозяин вместе ездили на работу, а по вечерам долго беседовали как на научные, так и на совершенно отвлеченные темы. Профессор Бродский неоднократно говорил, что очень хотел бы вновь побродить по горам Средней Азии.

На завершение работы над докторской диссертацией в Министерстве образования республики Конурбаеву отпустили два года. Уложившись в указанный срок, он принес подготовленную к защите и переплетенную работу ученому секретарю Зоологического института Вере Николаевне Никольской. Посмотрев лишь на внешний вид предоставленного труда, женщина ахнула. Диссертация насчитывала 900 машинописных страниц.

Без лишних слов она протянула соискателю докторской степени положение о докторских диссертациях Высшей аттес-

тационной комиссии, где черным по белому указывалось, что их объем не должен превышать 300 машинописных страниц. Чтобы уложиться в указанный объем, сократить научную работу в три раза, требовалось время. А его у Конурбаева уже не было. Два года, отпущенные ему на завершение научной работы в городе на Неве, растаяли, как дым.

К тому времени истек и срок его пребывания в должности проректора Ошского пединститута. В Министерстве образования республики решили направить его в Пржевальский пединститут. Причем, не проректором и даже не деканом факультета, а лишь заведующим кафедрой.

Среди городов дореволюционной Киргизии Пржевальск был городом сравнительно высокой культуры. Главную роль в этом сыграли участники многочисленных научных экспедиций, направлявшихся сюда Русским географическим обществом, Российским геологическим комитетом, другими организациями для изучения русской и зарубежной Азии. Расположенный у самого рубежа неизведанных земель, город стал своеобразной базой, перевалочным пунктом для российских научно-исследовательских экспедиций.

Вот в таком, без преувеличения, райском уголке оказался Эрик Конурбаев со своим семейством после пяти лет пребывания в жарком Оше.

Хотя Марклону на тот период не было еще и 10 лет, родители, размышляя о будущем своего сына, пришли к мнению, что, какую бы стезю он ни избрал, приличное знание иностранного языка ему не помешает.

В те годы в Пржевальском пединституте на кафедре иностранных языков хорошей репутацией пользовалась преподавательница английского языка Вера Петровна. Договорившись с ней о репетиторстве, Эрик Омурзакович привозил на своем «Москвиче» в установленные дни сына на час-полтора к своей институтской коллеге и терпеливо ждал окончания урока. Так продолжалось на протяжении ряда лет.

Усилия всех не пропали даром. Сегодня доктор филологических наук профессор Марклен Эрикович Конурбаев преподает английский язык на филфаке МГУ им. М. В. Ломоносова. На том самом факультете, который закончил сам.

Среди пишущих людей бытует устойчивое мнение, что, если написано много, из него сделать мало легко и просто. Труднее из малого сделать большое. Но вот Конурбаеву было значительно проще написать 900 страниц докторской диссертации, чем потом ужимать написанное и укладывать его в прокрустово ложе 300 страниц. Во всяком случае, времени на это потребовалось ничуть не меньше.

В апреле 1974 года работа над диссертацией была завершена. Соискатель вновь повез ее в г. Ленинград, в Зоологический институт. Работу приняли, определили срок защиты.

Кропотливый труд не пропал даром. Все 43 члена Ученого совета дружно проголосовали за присвоение соискателю звания доктора биологических наук.

Когда триумфатор прилетел после удачной защиты во Фрунзе, его встречали все живущие здесь на тот момент представители семьи – родители, Салахитдин, Шарафитдин, Азат, Марат. Во дворе дома, где жил старший из братьев, Салайдин, устроили грандиозный пир, на который собрались все родственники и друзья. Ведь в среде Конурбаевых Эрик стал первым доктором наук.

Тепло встретили его и в родном институте. Как-никак и здесь он оказался первым сотрудником с такой ученой степенью. А через три-четыре месяца Эрика Омурзаковича пригласил первый секретарь обкома Арстанбек Дуйшеев и предупредил, чтобы он готовился к весьма ответственной работе.

Вскоре вслед за этим его вызвали в отдел науки и учебных заведений ЦК партии. Заведующий отделом сообщил, что Иссык-Кульский обком рекомендует его на должность ректора пединститута. В ЦК, изучив личное дело Конурбаева, решили с этим предложением согласиться.

Возглавляя институт, Эрик вспомнил о пожелании милейшего Константина Абрамовича Бродского, хотя бы еще раз побывать в горах Средней Азии. Он находил возможность дважды пригласить ленинградского профессора прочитать в Пржевальском пединституте курс лекций по различным разделам биологии, в том числе и гидробиологии. Последнему обстоятельству был особенно рад директор Чолпон-Атинской биостанции Азат Конурбаев, который, конечно же, не мог не воспользоваться моментом и не заманить такого специалиста в свою вотчину...

Одним из серьезных увлечений К. А. Бродского была живопись. Особенно любил он рисовать горные пейзажи. Этим своим увлечением он сумел заразить Эрика Омурзаковича, за что тот был до конца жизни ему благодарен.

Сколько написано за историю человечества философских трактатов, романов, повестей, поэм, посвященных необъяснимому человеческому свойству. Когда мы видим сирых и убогих, притесняемых судьбой или сильными мира сего, готовы посочувствовать и по мере сил и возможности помочь им. Но, не приведи господь, если ближний вдруг окажется баловнем судьбы, везунчиком и обласканным властью предрержащими. Мы же готовы сделать все возможное и невозможное, чтобы сбросить его с небес на землю, втоптать его в грязь, опорочить, доказать самим себе и окружающим, что недостоин он всех этих земных благ.

Нечто подобное по отношению к себе пришлось познать Азату, Эрику и Марату Конурбаевым, когда они, после стольких жизненных невзгод и испытаний, вдруг оказались на пике, нет, не славы, а простой популярности, когда стали жить в почете и достатке. Проще говоря, стали жить нормальной, достойной каждого человека жизнью.

Сколько же тут нашлось завистников, интриганов, людей, желающих потеснить, задвинуть их в тень, занять их место, хотя, по чести говоря, и по всем объективным данным, они мало подходили для этих мест и должностных положений.

В результате подковерной борьбы и интриг ректора подвели, что называется, под монастырь. После 12 лет пребывания в кресле руководителя пединститута его освободили от занимаемой должности.

В период, когда он оказался не у дел, спасала живопись. Э. Конурбаев очень много рисовал. Всего, по его подсчетам, он сделал порядка 10 тысяч этюдов, эскизов, рисунков, картин. Занятия живописью были отдушиной, но не спасительным лекарством от горьких раздумий. За непродолжительное время он перенес два инфаркта миокарда, в связи с чем был признан инвалидом второй группы, и в 1996 году в возрасте 62 лет коллеги проводили Эрика Омурзаковича на пенсию.

Однажды Эрик Конурбаев в присутствии уже повзрослевшего сына признался:

- Я не боюсь смерти. И если я на этом свете чего-то боюсь больше всего, так это потерять друзей.

МАРАТ

У тюркоязычных народов бывшего СССР мужское имя Марат достаточно распространенное. Трудно сказать, причастен ли к этому феномену один из вождей-якобинцев французской революции, но среди братьев Конурбаевых Марат оправдывал это имя с лихвой. Несмотря на то, что среди братьев он был предпоследним, авторитетом в семье он пользовался непререкаемым, и в зрелые годы по наиболее серьезным вопросам с ним советовались все, независимо от возраста и занимаемого положения. И его слово было, как правило, решающим.

Родился он в ноябре 1936 года во Фрунзе. Отец в этот период работал главным политредактором издательства. Проще говоря, определял и отвечал за всю политическую сферу издательской деятельности. А значит, был весьма авторитетным и уважаемым в столице человеком.

От рождения Марат был крепеньким, живым и очень голосистым человечком. За последнее качество в родильном доме его прозвали крикуном. Видимо, характер и лидерские качества даются человеку при рождении. А, быть может, еще и значительно раньше. Пока вопрос об этом остается открытым.

Уже в раннем детстве он выделялся среди остальных братьев педантизмом, стремлением к порядку, аккуратностью и собранностью. Даже из общих игрушек он умудрялся выделить свои любимые и хранить их в своем уголке.

Эти аккуратность, собранность, приверженность к порядку во всем вошли в его характер и привычку на всю жизнь.

Как и все дети в этой семье, рос Марат смышленным, схватывающим все на лету, активным. Отличался же от всех математическими способностями. Остальные братья в математике были откровенно слабы. Учась в школе на два класса ниже Эрика, он помогал ему решать задачи по арифметике.

На школьных соревнованиях по бегу легко обгонял всех сверстников, почти всегда приходя к финишу первым. А в игре в альчики среди сельских мальчишек имел этих костяшек боль-

ше всех, потому что редко когда проигрывал. Глазомер и точность руки были у него поразительными.

В роду Конурбаевых все были невеликого роста. Но и среди них Марат был самым низкорослым. До девятого класса на уроках физкультуры он прочно занимал в мальчишеском строю последнее место. Лишь в 17 лет он за один год заметно подтянулся, но до среднестатистического роста так и не дошел.

В отличие от старших братьев, он выбрал политехнический институт, в год поступления Марата только отпочковавшийся от Киргосуниверситета

В те годы студенческая жизнь была ключом. Очень часто в университете проводились студенческие вечера с непременными танцами. Все Конурбаевы любили и умели танцевать и никогда не пропускали подобные вечера. Но нередко Марат появлялся на них со своим студенческим другом Виталием Григоровым. Появлялись они, по моде того времени, в сильно зауженных брюках, туфлях на толстой микропористой подошве, пиджаках с расширенными плечами и высоким коком на голове. За глаза их называли уничижительно «стилягами». Официальная пропаганда вела с этим модным в ту пору среди «продвинутой» части молодежи движением активную борьбу. Стиляг постоянно высмеивали в молодежных журналах, сатирическом еженедельнике «Крокодил» и даже в кинокомедиях. Порой даже мальчишки, спрятавшись за оградой или углом дома, кричали им вслед: «Сверху – стиль, а в голове – утиль».

В отличие от Эрика, Марат не проявлял особых талантов в рисовании или в стихосложении. Зато превосходил почти всех в семье, да и не только в ней, врожденным музыкальным слухом. С раннего возраста в нем было удивительное чувство ритма.

В студенческие годы он пристрастился к джазовой музыке. И это в годы, когда в Советском Союзе официальная пропаганда именовала джаз не иначе как «музыкой толстых», намекая на проклятых буржуев загнивающего Запада. Поклонников джаза принято было открыто презирать и даже существовал афоризм: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». А потому виниловые пластинки с записями Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Гленна Миллера, Рэя Чарльса, Каунта Бейси,

Бэнни Гудмэна и других звезд мирового джаза достать было практически невозможно.

Но даже в этих условиях Марат умудрялся добывать кассеты с записями популярных джазменов. Когда он слушал их, братьям казалось, что в такие моменты у Марата даже пальцы ног отбивают ритмы джаза.

Видимо, в силу характера юноша выбрал профессию геолога. В те годы в профессиональных кругах считалось, что среди всех прочих инженеров геологи самые свободомыслящие люди. Им, как никому другому, свойствен авантюрный бродяжий дух. Ведь они всю сознательную жизнь проводят в экспедициях, где все, независимо от возраста и должности, на равных. Даже в условиях авторитарного государства в среде геологов царил демократизм. Они всегда были людьми команды. Им присущ коллективизм, они не мыслят себя вне компании.

Эти качества в полной мере были свойственны Марату. Он был всегда необычайно открытым человеком. Наверное, поэтому к нему тянулись люди. У него был широкий круг друзей, в судьбе которых он, по мере возможностей, принимал участие, поскольку был по-настоящему неравнодушен к людям.

Вечно испытывающей нужду семье никогда не было музыкальных инструментов. И для близких оставалось загадкой: где и когда Марат научился превосходно играть на аккордеоне. А играл он так, что однажды его друг Асхат Абдылдаев не удержался от комплимента:

- Когда я слушаю и наблюдаю, как Марат играет на аккордеоне, у меня возникает ощущение, что он способен блестяще сыграть даже пальцами ног.

А впервые собственный аккордеон появился у Марата незадолго до того, как ему должно было исполниться 20 лет. В 1956 году из мест заключения вернулся отец. Узнав о музыкальных способностях и пристрастиях сына, он на следующий после возвращения во Фрунзе день повел его в магазин музыкальных товаров. Из нескольких предложенных продавцом инструментов Марат после придиричьей проверки тона и тембра звука остановил выбор на красивом ярко-вишневого цвета небольшом (четвертушка) аккордеоне. Заполучив собственный инструмент, он мог шлифовать свое исполнительское мастерство часами, наслаждаясь игрой.

Со своим аккордеоном он не расставался достаточно долго. И даже уже занимая довольно высокие должности, любил время от времени потряхнуть стариной, отвести душу игрой на аккордеоне, чем приводил в удивление соседей по дому.

Но особенно на полную катушку Марат эксплуатировал свой инструмент в студенческие годы, частенько вечерами устраивая у общежития танцы. Разумеется, о какой-либо плате аккордеонисту не могло быть и речи.

По примеру старших братьев, Марат тоже увлекся боксом. Быстрый, резкий, техничный, он подавал неплохие надежды в спорте. Однако, получив второй спортивный разряд, парень оставил занятия боксом. Жесткий прагматик, он рассудил, что полученного умения ему вполне достаточно, чтобы в случае чего постоять за себя и любимую девушку. А лавры чемпиона и звание мастера спорта ему ни к чему. Есть в жизни дела и поважнее.

Его душевного тепла и обаяния хватало на всех. При этом каждому из братьев казалось, что Марат больше всех любит именно его. Хотя на самом деле он всех любил преданно и нежно, никого при этом не выделяя.

После университета он некоторое время поработал по специальности. И кто знает, сколько бы он проработал в геологоуправлении, если бы не случайная встреча с человеком, который по сути круто изменил судьбу Марата Конурбаева. Звали этого человека Григорий Яковлевич Соломко, и трудился он в пору их знакомства директором Фрунзенского инструментального завода им. В. И. Ленина. Название завода никого из горожан обмануть не могло, ибо все хорошо знали, что это крупнейшее в Киргизии предприятие оборонной промышленности.

Опытный руководитель, Соломко обладал не часто встречающимся качеством - угадывать в человеке его скрытые резервы и возможности. Познакомившись по случаю с Маратом, он пригласил молодого специалиста к себе на завод, в самый крупный цех – инструментальный. Возглавлял его в ту пору Виктор Иванович Угаров. После окончания Тульского института Угаров отработал по распределению положенные по закону два или три года в Караганде и, возвратившись во Фрунзе, где жили его родители, и откуда он был родом сам, за пять лет прошел путь

от заводского мастера до начальника самого крупного цеха ведущего в республике завода союзного подчинения.

Вскоре после этого Г. Соломко утвердили заведующим отделом промышленности ЦК КП Киргизии. А несколько месяцев спустя, В. Угарова назначили директором Фрунзенского завода физических приборов. Успев за это время оценить исполнительность и ответственность М. Конурбаева, его незаурядные организаторские способности и блестящие технические познания, Угаров, возглавив завод, не замедлил перетянуть его за собой на новое предприятие.

Как и Соломко, Угаров за версту чувствовал людей, что называется, одной с ним группы крови. А потому, однажды сойдясь, старался не расставаться с ними без веской на то причины.

На новом заводе, впрочем, как и на старом, Конурбаев едва ли не через каждые полгода делал очередной шаг в продвижении по служебной лестнице. Разумеется, работа с такими асами от управления промышленным предприятием, как Соломко и Угаров, стала лучшим университетом для молодого и не очень опытного специалиста, каким был в ту пору Марат. Этого он никогда не забывал и всегда при случае говорил об этих людях с теплотой и признательностью.

Главное же, ему нравилась его новая работа. Незадолго до этого завод физприборов перешел в ведение Министерства Военно-Морского Флота СССР, и ему сразу же был поручен выпуск торпеды нового образца. Это потребовало не только переналадки производственных линий, но и совершенно иного технического подхода к делу со стороны руководителей, рабочих и инженерно-технических работников предприятия.

К этому времени Конурбаев возглавлял один из ведущих цехов завода.

Этот период ознаменовался весьма важными событиями в жизни Марата. Главное, конечно же, знакомство с Зельфирой Еникеевой, ставшей его женой, верной и преданной спутницей жизни, матерью трех замечательных детей – сына и двух дочек.

Вторым событием стало назначение Г. Соломко председателем Госкомитета республики по материально-техническому снабжению (Госснаба). Он незамедлительно пригласил Марата

Конурбаева начальником отдела тяжелого машиностроения, зная его отличные организаторские способности, добросовестное отношение к порученному делу, требовательность и высокую ответственность. А менее чем через полгода утвердил начальником Управления оборудования, машин и кабельной продукции.

Хотя считалось, что в Советском Союзе существовало строго плановое хозяйство, но в те годы важную роль в выполнении промышленными предприятиями, строительными и транспортными организациями и даже колхозами и совхозами государственных планов играли так называемые снабженцы.

Параллельно с Госснабом в Киргизии в ту пору существовали такие солидные самостоятельные республиканские управления, как «Киргизметаллоснабсбыт», «Киргизстройлесбумснаб», «Киргизуглеснабсбыт», «Киргизмашэлектроснаб». Аналогичные учреждения имелись во всех союзных республиках.

В системе жесткого администрирования, когда чуть ли не все сырьевые, материальные, топливно-энергетические ресурсы, станки, оборудование и прочее распределялись централизованно по фондам, выделяемым Госпланом, по всему необъятному Союзу колесили во всех направлениях тысячи снабженцев, называемых в народе «толкачами».

Плановое хозяйство находилось в тисках всеобщего и повального дефицита. Происходило это в значительной мере потому, что не были увязаны и состыкованы планы между объемами производства и капитального строительства и материально-техническими ресурсами.

Несмотря на достаточно высокую должность в Госснабе республики, Марату Омурзаковичу зачастую самому приходилось отправляться в командировки по городам Урала и Сибири, в Караганду, не говоря уже о Москве и Центральной России.

Обаятельный, открытый, общительный, он, казалось, мог найти общий язык с самыми неуступчивыми и несговорчивыми поставщиками. Нередко дело доходило даже до того, что не имеющего никакого отношения к обеспечению республики лесом Марата Конурбаева посылали в командировки в лесные регионы. Руководство Госснаба и республики было уверено: он не подведет.

Перед его обаянием не могли устоять даже самые холод-

ные и непреклонные секретарши, охранявшие построже церберов двери в кабинеты своих влиятельных шефов. Элегантный, подтянутый он, по признаниям хорошо знавших его людей, чем-то был похож на звезду киноэкрана. Расхождения были только в сравнениях. Одни находили, что он похож на Вячеслава Тихонова, другие – на Алена Делона, третьи сравнивали его с Аль Пачино.

Так распорядилась жизнь, что из всех братьев один Марат остался после университета жить во Фрунзе. Азат с семьей оказался в Чолпн-Ате, Эрик – вначале в Оше, потом в Пржевальске. После выхода Омурзака Конурбаевича на пенсию, родители переехали на постоянное жительство в пригород столицы.

Так что когда остальные братья по семейным или служебным делам приезжали в столицу, они неизменно останавливались у Марата и Зельфиры. Чаще всего навещался во Фрунзе Эрик.

В день прилета вечером Марат заезжал после работы за старшим братом, и они вдвоем, первым делом, ехали провести родителей. После чего, созвонившись с друзьями, отправлялись в сауну. И здесь уже главным и старшим становился Марат. Он интересовался, хорошо ли попарился и помылся Эрик, иногда сам натирал его мочалкой, чуть ли не до состояния прозрачности.

По возвращении домой садились за щедрый, с любовью и со вкусом накрытый Зельфирой Равильевной стол. Уж чего-чего, а щедрости и радушия, хлебосольства и гостеприимства ей было не занимать. После доброй сауны братья пропускали по 2-3 рюмки хорошего коньяка, ужинали за неспешной беседой и отправлялись отдыхать.

Надо сказать, что и сам Марат Омурзакович был не лишен кулинарных способностей. По признанию членов семьи он был непревзойденным мастером по приготовлению лагмана. Когда отца уже не стало, его старший сын Ренат, приезжая домой на каникулы, нередко просил маму приготовить лагман, как когда-то готовил его отец. И как Зельфира Равильевна, кстати, признанная близкими и друзьями отменная хозяйка, ни старалась, угодить сыну-студенту не могла.

- Вкусно, - соглашался Ренат, - но у папы получалось вкуснее.

В 1965 году были ликвидированы территориальные Советы народного хозяйства, учрежденные в 1957 году, и им на смену вновь пришли союзные, союзно-республиканские и республиканские отраслевые министерства. Тогда же в Киргизии было создано Министерство местной промышленности.

Подобная реорганизация была вызвана тем, что за двадцать лет, прошедших после победы в Великой Отечественной войне, произошел беспрецедентный рост экономики страны, значительно выросли реальные доходы населения, советские люди стали лучше одеваться, питаться, неудержимо росли потребности и запросы населения в качественных товарах народного потребления.

В то же время промышленность и народное хозяйство, десятилетиями ориентированные преимущественно на производство средств производства, не успевали за удовлетворением растущего покупательского спроса на средства потребления.

Возглавить новое министерство правительство республики поручило Г. Соломко. В свою очередь, тот, став министром, пригласил на должность своего первого заместителя Марата Конурбаева. Так началась самая яркая и продуктивная страница его жизни.

Данное назначение совпало с периодом, когда в СССР активно проводилась хозяйственная реформа, внедрялась новая система планирования и экономического стимулирования, разрабатывались меры улучшения управления народным хозяйством, повсеместно вводился хозяйственный расчет.

У руководителей министерств и ведомств, директоров предприятий появилось больше самостоятельности. Стали поощряться инициатива, поиск нового. Возникли зачатки материальной заинтересованности рядового труженика. В такой обстановке М. Конурбаев чувствовал себя, как рыба в воде.

Надо сказать, что местная промышленность всегда занимала заметное место в экономике республики. Еще в годы войны ее предприятия отправляли на фронт полушубки, валенки, теплую одежду и белье, в полукустарных металлообрабатывающих мастерских изготавливались детали для различных видов вооружения.

При создании Минместпрома в его состав вошли 10 пред-

приятый с годовым объемом продукции на 22 миллиона рублей. Преимущественно это были небольшие швейные, обувные и мебельные фабрики.

Едва ли не с первых дней работы в Минместпроме Конурбаев загорелся идеей поставить на деловую, если угодно, коммерческую основу производство изделий прикладного народного творчества. Ведь довольно высоко развитое, богатое различными видами и формами декоративно-прикладное искусство, тесно связанное с народным бытом и зодчеством, составляло и составляет мощный и наиболее канонизированный пласт киргизской традиционной культуры.

С уходом в прошлое кочевого уклада жизни уходит и сопутствовавшая ему материальная культура. Нужно как следует изучить ее, воссоздать и сохранить все полезное и доброе в традициях народа. В прежние времена у киргизов-кочевников не было живописи, картин, которыми можно было бы украшать свой быт. Свообразными произведениями искусства они делали свои вещи, одежду, предметы обихода, настенные украшения, накладывая на них яркие неповторимые узоры. В поразительном по богатству и разнообразию прикладном искусстве нашли отражение и тонкий художнический вкус, и широкая щедрая душа самобытного народа.

С детских лет Марат жил в сельской местности, среди простых, открытых и бесхитростных людей, которые пользовались в повседневном обиходе, преимущественно, тем, что мастерили сами. Это была выдолбленная из цельных стволов дерева посуда, сделанные из кожи домашних животных сосуды для хранения жидких и сыпучих веществ. Свои жилища они украшали войлочными коврами – шырдаками, туш-кийизами и ала-кийизами, циновками, изготовленными из чия. Кыргызское прикладное творчество – одна из важных граней общенациональной культуры.

У Конурбаева зародилась идея создать во Фрунзе объединение народных художественных промыслов с филиалами во всех регионах республики. Совершая многочисленные поездки по отдаленным аилам и селам, знакомясь с народными мастерами, изучая образцы их изделий, и заодно открывая для себя новые предметы быта киргизов, Марат Омурзакович, быть мо-

жет, сам того не подозревая, выполнял функции искусствоведа, культуролога, социолога, этнолога.

Исколесив на автомобиле практически всю республику, замминистра, организовал около 20 специальных экспедиций, чтобы самому соприкоснуться с творчеством народных умельцев и мастериц, познакомиться с ними, узнать их проблемы.

Настойчивость и убежденность Марата Конурбаева ускорили появление постановления Совета Министров республики о создании объединения народных художественных промыслов при Министерстве местной промышленности, которому присвоили имя «Кыял» - «Мечта».

В 1973 году Г. Я. Соломко с почетом проводили на пенсию, и министром местной промышленности был назначен Марат Конурбаев. Было ему в ту пору 36 лет. Таким образом, он вошел в тройку самых молодых министров Киргизской ССР. Первое место в этом списке занимал Алиаскар Токтоналиев, ставший министром финансов республики в феврале 1960 года, за два месяца до своего 31-летия. Вторым в этом списке шел обожаемый Маратом Султан Ибраимов. В мае 1961 года Султан Ибраимович возглавил Министерство водного хозяйства Киргизии, сменив на этом посту Болота Мамбетова, назначенного председателем Совета Министров Киргизии. Шел ему в ту пору 34-й год.

Новым назначением Марат Конурбаев был горд, быть может, как никто иной. Ведь с раннего детства им с братьями приходилось доказывать в школе и на улице, нередко кулаками, что они не дети врага народа. А с возрастом они стремились доказать всем, и в первую очередь самим себе и родителям, что не напрасно их бедная апа надрывалась из последних сил, чтобы уберечь их от бед и невзгод, вырастить их настоящими людьми, не дать им умереть до срока от болезней и голода, и в то же время дать хорошее образование.

Замечено, что суровые испытания слабых духом людей ломают, делают их жалкими и несчастными. Сильных же, напротив, закаляют, делают более твердыми и неуступчивыми при встрече с трудностями и неблагоприятными условиями.

Все дети Омурзака Конурбаева и Салимы Фаттаховой были горды и счастливы от сознания того, что их ата и апа успели при

жизни порадоваться тому, какими достойными и замечательными людьми, уважаемыми и авторитетными специалистами, влиятельными в своих кругах фигурами выросли их отпрыски.

Уже одно то, что Марату Омурзаковичу удалось объединить самобытных мастеров народного художественного творчества из всех регионов республики, направить их деятельность из индивидуальной самотечности в русло организованного производства, создать уникальное объединение, познакомившее мир с изделиями талантливых самородков из самых глубин народа, может служить оправданием его жизни и деятельности.

Казалось бы, так долго вынашиваемая им мечта осуществилась, можно теперь почивать на лаврах и стричь купоны. Тем более, что очень скоро продукция объединения стала пользоваться огромным спросом не только в самой республике, но и далеко за ее пределами, стала своеобразной визитной карточкой Киргизии за рубежом.

Ан, нет. Конурбаев, с его взглядом, обращенным в перспективу, за линию горизонта, сразу же начал думать о будущем объединения, о том, кто будет работать в его цехах в недалеком будущем. Ведь в республике в ту пору мало кто задумывался о дальнейшем развитии народных промыслов. А чтобы начатое дело не заглохло, следовало заблаговременно позаботиться о подготовке кадров.

И вновь хождения по различным кабинетам ЦК КП Киргизии и Совета Министров республики, телефонные переговоры с соответствующими министерствами в Москве и в республике о необходимости открытия во Фрунзе специального профессионально-технического училища. И через некоторое время оно было-таки создано.

О неумемной деятельности Конурбаева на посту министра говорит и то, что за пять лет своего существования Минместпром увеличил число входящих в его состав предприятий с 10 до 25. Значительно расширилась номенклатура производимой продукции, почти вдвое увеличился ее объем. И все же гордостью министерства и всей республики стало и остается по сегодняшний день (хотя министерства как такового уже давно не существует) объединение «Кыял» с его многочисленными, разбросанными по всей республике филиалами и участками.

Благодаря объединению «Кыял», с творениями народных умельцев из Киргизии хорошо знакомы любители оригинальных сувениров из Америки, Венгрии, Голландии, Ливии, Чехословакии, Японии, других стран.

Большим успехом пользовались выставки народного прикладного искусства Киргизии во Франции, Дании, Бельгии, Сирии. После одной из таких выставок французская торговая фирма «Сорис» и парижский универсальный магазин «Галери Лафайет» заключили контракты на поставку им товаров объединения «Кыял».

Успех «Кыяла» послужил стимулом для создания на юге республики Ошского объединения народных художественных промыслов, под крышей которого нашли приют народные умельцы всей Южной Киргизии. К тому времени в ОНХП «Кыял» только по северной части республики трудилось более 2500 мастеров-надомников.

Новым шагом министра Конурбаева в становлении и развитии местной промышленности стала забота о создании в отдаленных от центров населенных пунктов дополнительных рабочих мест. К примеру, в поселке городского типа Кадамджае было единственное градообразующее предприятие – сурьмяный комбинат. Понятно, работали на нем, главным образом, мужчины. А куда, прикажете, деваться женщинам?

Изучив на месте демографическую ситуацию, социальное положение, экономические возможности и спрос населения, Марат Омурзакович пришел к выводу, что оптимальным выходом из создавшегося положения может стать открытие здесь швейной фабрики. Обратился с пояснительной запиской в Госплан республики, соответствующие отделы Совета Министров и ЦК КП Киргизии. Вскоре его предложение было реализовано.

В республике успешные братья Конурбаевы давно вызывали откровенную зависть и глухое раздражение в коридорах власти. Кое-кому казалось, что этим любимчикам Фортуны слишком легко достаются должности и успех, уважение и авторитет среди подчиненных.

А тут еще кто-то пустил слух, что Марат Конурбаев засиделся в кресле министра и его собираются назначить постоянным представителем Киргизской ССР при Совете Министров

СССР. Авторы данного слуха постарались сделать так, чтобы «утка» эта долетела до занимавшего на тот момент эту должность отпрыска известной в республике фамилии. Вот он и постарался сделать так, чтобы это назначение не состоялось.

Летом 1983 г. сын Марата Омурзаковича Ренат окончил среднюю школу и, как говорится, с первого же захода поступил на престижнейший факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Для учителей Рената и тех, кто его хорошо знал, в поступлении юноши в МГУ не было ничего удивительного. Окончил он престижную в те годы во Фрунзе 28-ю школу с золотой медалью. Засиживался дома за уроками допоздна. И не потому, что учеба давалась трудно, а потому, что ему было просто интересно учиться, познавать нечто для себя новое. Особенно легко давалась ему и очень увлекала математика. Потому и избрал он для себя такой факультет. Будущее показало, что выбор был сделан правильный. Словом, никакая помощь извне ему при поступлении в вуз не требовалась. Но кое-кого из недругов его отца это интересовало. Для них главным было найти повод, чтобы возвести на него напраслину, опорочить в глазах общественности его имя.

Время поступления Рената в университет совпало с периодом, когда в Госплане СССР составлялись планы производства и поставок материально-сырьевых ресурсов на очередной год для министерств, ведомств и предприятий союзного подчинения в союзных республиках. Летал в эти дни в Москву и глава Минместпрома Киргизии. Понятно, летал не с пустыми руками. Людям старшего поколения хорошо известно, что в те годы летать в Москву представителям правительства, руководителям республиканских министерств и ведомств в Совет Министров, Госплан, союзные отраслевые министерства и ведомства для утверждения планов на предстоящий год без памятных сувениров и солидных презентов было не принято. Без этого решение любого вопроса сильно затруднялось, а то и вообще становилось делом весьма проблематичным.

Вот эти поездки Марата Конурбаева в столицу и дали повод разного рода завистникам и недоброжелателям заподозрить его в том, что летал он туда не с пустыми руками, чтобы устро-

ить в один из самых престижных университетов страны своего сына. И не просто заподозрить, но и каким-то образом добиться опубликования порочащей министра статьи в газете «Правда», главном печатном органе ЦК КПСС, а значит и всего Советского Союза.

Позже станет известно, что корреспондент «Правды» наведывался на указанный факультет МГУ, чтобы выяснить, каким же образом был зачислен на учебу юноша из Киргизии Ренат Маратович Конурбаев. Однако на факультете с этим корреспондентом и разговаривать не стали. В те годы репутация МГУ была безукоризненной. О взятках при поступлении абитуриентов в этот вуз никто не мог даже помыслить. Тем не менее, материал был опубликован, тень на министра была брошена.

Задолго до нас гениальный Шекспир заметил: «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть... Напраслина страшнее обличенья». Это сегодня ни одно должностное лицо глазом не моргнет и ухом не поведет даже на самое убийственное выступление какого бы то ни было средства массовой информации. Иное дело годы правления всесильной КПСС. Любое критическое выступление, будь то центральной, республиканской или областной газеты становилось предметом самого тщательного разбирательства на бюро ЦК или обкома партии. А уж разоблачительное выступление органа Центрального Комитета партии, как правило, ставило крест на самой успешной карьере человека.

После недолгих, но мучительных размышлений, советов с домашними и близкими министр, не дожидаясь решения бюро ЦК, положил заявление о сложении с себя полномочий министра на стол председателя Совета Министров.

Освободив М. Конурбаева от должности министра, его вскоре назначили заместителем председателя Государственного комитета республики по ценам.

Может, кто другой, окажись на его месте, и порадовался бы такой перемене в своей судьбе. Должность почетная, работа не пыльная, ни спроса с тебя, ни ответственности никакой. Персональная машина, семья закреплена за больницей 4-го Главного управления Минздрава (в просторечии спецбольница), приличный оклад. Что еще нужно человеку?

Однако свое новое назначение Марат Омурзакович расценил как издевательство. И дело было вовсе не в должности и не в ее социальной значимости. Привыкший постоянно находиться в «буче, боевой, кипучей», ежеминутно ощущать себя нужным десяткам людей, заниматься конкретным и многогранным делом, включающим и производство, и капитальное строительство, и снабжение, и реализацию, и непрерывное общение со множеством самых разных должностных лиц, он вдруг оказался в застойном болоте. И это в возрасте 47 лет, когда уже накоплен солидный опыт организаторской и руководящей работы, но еще огромен запас нерастраченных сил, энергии, желания трудиться во благо страны и общества, и плюс ко всему этому есть масса нереализованных идей, задумок, планов.

Не раз и не два обращался он в правительство с просьбой дать ему подходящее дело с учетом его знаний и опыта, а также физических сил и возможностей. Наконец, после восьми месяцев пытки не пыльной должностью, Конурбаева назначили управляющим крупным строительным трестом «Чуйпромстрой». Он вновь оказался в своей стихии.

Честный, глубоко порядочный и чрезвычайно ответственный новый управляющий работу в тресте начал с того, что требовал финансовую документацию за последние три года. Хорошо разбиравшийся в вопросах строительства, он хотел сам убедиться, насколько в тресте правильно и строго ведется отчетная документация. То, с чем ему пришлось столкнуться, повергло его в шок. Целый букет нарушений. Тут и приписки, и завышение объемов строительства, и удорожание различного вида работ, и сверхнормативный расход материалов. Всему этому требовалось положить конец.

Когда он еще только приступал к изучению документов, уже кто-то доложил об этом прежнему руководству треста. Малознакомые, но имевшие определенные вес в обществе лица стали наведываться к нему либо звонить по телефону, предлагая не ворошить то, что было до него, начинать работу как бы с чистого листа.

Видя, что уговоры по-хорошему остаются не услышанными, кое-кто перешел к прямым угрозам. Но и это не остановило Конурбаева в его стремлении установить истину.

Наступил 1985 год. После затяжных новогодних праздников, длившихся всю неделю до Рождества, начались трудовые будни. 13 января намечалось важное совещание, на котором предстояло выступить и управляющему трестом «Чуйпромстрой».

Перед его уходом из дома раздался телефонный звонок. По тону разговора и по тому, как изменился в лице муж, Зельфира Равильевна поняла, что разговор состоялся не из приятных. Но на ее вопрос: «Что произошло?», муж отделался дежурным ответом, мол, не волнуйся, все в порядке. С этим и ушел. Больше его живым никто из домашних не видел.

Восстанавливая задним числом события рокового дня 13 января, члены семьи выяснили: после совещания, которое завершилось во второй половине дня и на котором Конурбаев выступил толково и по-деловому, сделал ряд конкретных и ценных предложений, состоялся дружеский ужин. Не дожидаясь его конца, Марат Омурзакович покинул зал, отказавшись от товарищеских предложений довести его до дома. Сослался на то, что после напряженного дня хочет немного пройтись, да и идти до дома ему недалеко.

Увы, в этот вечер домой он так и не пришел. Лишь утром Зельфире Равильевне позвонили и попросили приехать в морг для опознания погибшего мужа.

Узнав о страшном известии, один из ближайших друзей Конурбаева, министр связи республики Вил Наджиметдинович Тюребаев, живший в этом же доме этажом выше, поехал вместе с женщиной. Он просто не мог отпустить ее одну в том состоянии, в каком она находилась после сообщения о гибели ее мужа.

Там им сообщили, что когда Марат Омурзакович возвращался домой, его сбил какой-то большой автомобиль и протаранил за собой едва ли не полсотни метров.

Эта неожиданная и нелепая смерть экс-министра вызвала резонанс во всей республике. Это была трагедия не только для всей семьи, но и для всех его друзей и близких. На его похороны съехались несколько тысяч человек. Из всех уголков республики приехали народные мастера ОНХП «Кыял», благодарные ему за то, что он сделал для них.

После похорон патологоанатом, занимавшийся изучением

причин этой нелепой гибели, при первой встрече с Зельфирой Равильевной заявил, что сбитые костяшки всех пальцев, покрытые синяками и ссадинами кисти рук погибшего, поломанный в трех местах позвоночник, заставляют усомниться в версии о случайном наезде на него большого автомобиля. Характер полученных травм наводит на мысль о том, что машина проехала уже по мертвому телу.

Однако при последующих встречах этот патологоанатом уже даже не заикался о своих первоначальных сомнениях и твердо придерживался изначально выдвинутой официальной версии: на пустынной улице пострадавший был сбит автомобилем, скрывшимся с места происшествия. А на вопрос братьев о первоначальных выводах откровенно ответил:

- Знаете, что? Мне еще дорога моя жизнь.

В ходе следственных действий обнаружить загадочный автомобиль, и уж тем более установить личность находившегося за рулем водителя, не удалось.

КУЛЬТУРА

«МЕЖ ДВУХ РОДИН, МЕЖ ДВУХ ЧУЖБИН...»

Запоздалая рецензия

Новую книгу стихотворений Вячеслава Шаповалова «Чужой алтарь»¹, с нетипичным интересом ожидали в Бишкеке. Книга появилась в начале прошлого года, предваренная жесткой аннотацией, которую вряд ли адекватно воспримет русский читатель, если только он не живет где-нибудь в Средней Азии или на Кавказе (а с некоторыми коэффициентами подойдет и Прибалтика либо Украина): *«Человек на изломе тысячелетий теряющий свой дом, отечество, веру, силы, изгнанный из рая за чужие грехи – основной герой и сюжет этой книги. В настоящем для него искажён облик будущего. Россия, Киргизия – географические символы утраты родины, и этим чувством пронизано творчество русского поэта на Востоке».*

Так о чем же эта книга и как языком поэзии рассказать о ее содержательном стержне – драме поколений, причем, о драме, которая в полной мере еще вовсе не осознана самими этими поколениями, ее участниками?

Две части стихотворного массива - «Парк тюркского периода» и «Век безъязычья» - две будто бы разные тематические линии; на самом же деле это одна болевая проблема, один герой, один сюжет.

«Парк...» (каламбур на грани фола, прямо отсылающий к известному голливудскому экшну) – это Киргизия, такая, какую

¹ Шаповалов Вяч. Чужой алтарь. Книга стихотворений. – Бишкек: ИД «Турар», 2012. 170 с.

видит ее поэт (и, добавим, не увидел еще никто). «*Киргизская лира*» - «сплав бедного палеолита с латиницею алфавита, где в зеркале видно полмира, а прочее – смертно и скрыто». «*Киргизская охота*», где лирический герой отождествляет себя с умирающим волком перед толпой охотников-соплеменников, пободлеровски горький сплав сострадания и понимания, возвращенный именно в дичающем на глазах пространстве.

Итак, русский поэт с первых строк книги отождествивший себя с киргизской землей, сразу вводит нас в мир, о котором мы не читали и в учебниках географии, тем более – в учебниках истории.

Зачем он это делает?..

Гора, перегораживающая закат и рассвет,

съёживается под восходящей луною.

Дремлют собаки, измученные тишиною.

Шумит река. У времени имени нет.

Местная живность, о четырёх ногах,
дарит двуногим зренье всего на свете.

На сосцы матерей притязают дети – и те, и эти.

Млечный шёлковый путь, в небесах начавшись, зачах.

Ехать, в сущности, некуда. В никуда

устремляется вслед за рекой свет звезды...

Художественный мир В. Шаповалова – интертекстуален, он и не может быть иным, ибо это мир гуманитария, переводчика, культуролога, если угодно – мир «Хождения за три моря»: лирический герой книги – инкарнация Афанасия Никитина, а ее художественное пространство – парадоксальный перекресток традиций мировой культуры, прежде всего западноевропейской, русской и тюркоязычной. Великий киргизский прозаик и великий русский переводчик эпоса «Манас» – Чингиз Айтматов и Семен Липкин – писали о своем младшем товарище с наставнической точностью и зоркостью: «*В его стихах тема Киргизии звучит по-новому, впервые на русском языке – изнутри. Русский поэт, филолог-компаративист, переводчик, этнокультуровед, рожденный в «азиатском круге», воспитанный на киргизской поэтической культуре, постигший язык и внутреннюю ткань быта чаев, – он подчинился поэтическому фатуму: разделить и выразить всё, что выпало на долю в этом круге оказавшихся. Отсюда постоянное, незримое присутствие Азии.*»

Вместе с тем, мир этот глубоко индивидуализирован, это и иной перекресток силовых линий – здесь встречаются и выражаются этносозерцательный фатализм сына Азии, рожденного и воспитанного в «азиатском круге», на Востоке – и, одновременно, драматизм мироощущения, русского европейца, поэта, творящего на стыке культур и на разломе эпох.

Внешне это гипнотически медленная библейская вечность: *«Щекочет ноздри прах веками прежними, / отар на склонах гаснет пентаграмма, / кружась, ткнут облака над побережьями / свой млечный холст – для парусов адама».*

Но, как внутри всякой библейской гармонии, *«и правда су-меречна здесь, и кривда, / в ущельях скалы рушатся упруго: / конец пути, парк тюркского периода, / тьма, перекрестье мелового круга».*

И понятно, что в не обозначенном приметами мире клокочет вулканическая лава, не видимая, впрочем, постороннему взору: *«Где колыхалась песенка пастушья, / за ветер зацепившись покрывалом, / рвёт дёрн людская молвь дикорастущая / своим адреналиновым оралом. / И рвётся прочь от этой грязи вверх, куда / ей путь заказан с тысячного года, / душа – и плавает в зрачке у беркута / горнило золотого небосвода. / И там, где вновь расцёл костёр кочевника, / где тих туман, в лощинах оседая, / прикурит от горящего учебника / вечерняя зарница молодая».*

Эта книга – «дорога в полмира», некий вахтенный журнал, повествующий о нелегом и полном надежд вхождении русской культуры в азиатский мир кочевой Киргизии и об уходе ее из этого мира в разрушительную эпоху глобализации и гибели «большевистской империи». Финал, по автору, - безнадежность.

Не лукавь,
ты не знал, что ринутся всадники
на спящие города,
что споткнутся души,
ослепнут странники,
изгнанные в никуда.
Не лукавь,
ты знал: не придет мессия
под привычный кров.
Что страшнее, когда отвернулась Россия
от своих сынов!

Кого же нам винить, принявшего муки
за всех?

Крикну: я родился в азийском круге! –
безразлично шумит орех...

Ты, свой чуждый край называвший
милым,
ты, возлюбивший чуждый язык,
понял или нет, что тебе по силам
расставанья миг?

Русский же исход на историческую Родину отображён как бы дважды. Это стихотворения 80-90-х («Русская Троя», «Вечер поэзии в доме отдыха», «Азийский круг») – резкая реакция ошарашенности, внезапной обиды, хотя многие вещи написаны до распада (и «предраспада») СССР.

А Россия, хранима в сердцах,
неспроста соловьём запеваёт,
о разбросанных в мире птенцах,
как кукушка легко забывает.
Мы виновны ль, коль гнезда тесны,
коль язык нам дарован для пенья
далеко от родимой страны? –
вот и коротко наше мгновенье.

И это стихи нового века, где довлеет интонация безнадежности, отстоявшегося чувства одиночества, отчужденности, уже и равнодушия... Здесь ощутимо меняется поэтика – и эта смена представляется отнюдь не менее важной, чем тематические изменения. Здесь стоят даты позже 2004 года (когда автор издал двухтомник в «В азийском круге» и объявил, что «уходит в отрицаловку»; ухода не получилось, слово позвало обратно). Сочетание двух стилистических пластов в книге создает особый фон – некое двухголосое сочетание ужаса и равнодушия... Вот почему чуткая к слову Э. Прояева в своей статье («Дружба народов», 2010, № 5) свела в некий список имена тех, кто плакал об утраченной родине: Камю, Кутзее, Кавафис. И наш автор. И потому как контрапункт утраты звучит гимн культуре: таково мироощущение человека эпохи постмодернизма («Рождество в Вифлееме», «Рождество в Таш-Рабате», «На развалинах храма Артемиды»). Поэтическая рефлексия о путях развития человечества приводит всё к той же к мысли:

Презрительно взирая в завтра, верблюд с гримасой динозавра

плюёт, по требованью жанра, на всё, что видит на земле, из тьмы шагая к нашим эрам и времени служа примером.

И женщина в хиджабе сером спит, зябко сгорбившись, в седле.

На тропах, развращённых шёлком,

рассвет глядит голодным волком,
и солнце видится осколком пропитанного пылью льда,
и мгла к лицу средневековой, и снова нужен тот,

кто кровью
дорогу к новому становью за нас оплатит, как всегда.

«Имперской элегией» звучит плач о Ч. Айтматове – герое «Железного века» – Века Двадцатого (вспоминается концепция Гесиода в его «Трудах и днях», для которого его век был «железным», пришедшим на смену благодатному прошлому):

В снегах и бурьянах застыли родимые прерии,
Родимые пятна горят, словно знаки отличия,
Всё ставят в вину ему – смерть большевистской империи,
Крушение культур и надежд, маскарад безъязычия.

Но всё отойдет – и глумление, и поклонение,
Безвестные сёла воздвигнутся вновь над столицами,
Устав от безмолвья, неграмотное поколение

Вернётся к нему – и заплачет над теми ж страницами!

В сонетах, посвященных Бахыту Кенжееву, разрушение мира, некогда любимого и единственного: *«те ж телеги на коих пришли из россии / скрип колёс плач комуза туман из ложбин / меж двух родин теперь уже меж двух чужбин...»*

В книгу стихов В. Шаповаловым включены и переводы поэзии по широкому географическому спектру: от тысячелетних пратюркских текстов Махмуда ал Кашгари до француженки 21-го века Николь дё Понтшарра. В этом видится желание оттенить основную ноту – уход русской культуры из азийского круга – поэтическим многоголосьем, соответствующим элегически-драматическому пафосу «Чужого алтаря», как бы расширяя пространство книги, где голос автора отталкивается уже от других стен и других ассоциаций... Это абсолютно просчитанное и осознанное действие, его нужно понимать, скорее всего, так: вот вам Азия, вот Киргизия, но вот мир Европы и всей планеты, вот пере-

кличка на краю вселенной. Однако эта полифония еще и демонстрация собственной поэтической силы: так, в соревновательных парафразах со знаменитым гелескуловским вариантом верленовской «Осенней песни» неожиданно слышится тоска по сопернику: *«блѣкая даль / льѣтся печаль / скрипка лепечет / ей в унисон / сердце сквозь сон / чѣт ли нечет... / ветер солист / листься слились / в осеннем дыме / во мгле летят / куда хотят / и я за ними»*. Заявлена принадлежность к некоей русской (только ли русской?) многоликой «школе», в которой так блистательно и печально запечатлелся конец века, оставив на фоне тьмы лица и удивительные голоса. Не случайно этой книгой значительный поэт прервал многолетнее молчание – безмолвье всей русской поэзии Средней Азии. Эта книга – как всякое свидетельство художника – и календарь, и культурный гербарий, и все тот же вахтенный журнал, и, что еще горше, – часослов, поминальник...

Это и хронотоп. В стихотворении «Кругосветка» сталкиваются время и пространство на интертекстуальном базисе аллюзий мировой поэзии. Путь Одиссея от Трои домой и Язона в Колхиду, блуждания «Пьяного корабля» у Рембо, бодлеровское «Плаванье» в цветаевском переводе угадываются в мощном отрицании всех и всяческих надежд, текст полон намеренной оскорбительности по адресам человеческой культуры, но это маскировка: так делают, когда прячут слезы...

Хлеба корку сухую из старой сумы я достану
на холме, где когда-нибудь виллу отстроит патриций,
где постигнул адам скотоложества вещь тайну
и межвидовый пафос – и сгинул из рая с ослицей.
Глянь в глазницы червя, баальбек с пересохшей аортой,
чью нездешнюю бездну вселенная не сохранила.
Загадай мне загадку, зверюга с побитою мордой,
скорбный сфинкс, старый сфинктер на заднице

желтого нила.

Трон захватит дебил. Рядом, в пляске на вымершем вече
вдруг потребует в блудном поту озверевшая сука
на тарелке с приправами мозг иоанна предтечи...

Всё по-прежнему, Боже, всё то же: мерзавцы – и скука.
Продолжай же вращенье, земля, посреди мирозданья! –
как же быть, коль не плыть по векам,

по мгновеньям ничтожным,

равнодушные сплетни и летописи порождая,
по чудесным маршрутам, к далёким мирам невозможным...

«Лики Азии» предстают в биоэтносферической архитектонике. Поэтический историзм В. Шаповалова базируется на культурологической основе артефактов Востока и Запада, социальных реалий «железного века», но видится поэту глубже: «природовая» вневременная суть человека, дионисийско-апполоновское начало экстаза и созерцания, Жизни и Смерти – прорываются в стихах сквозь социальную оболочку земного бытования. Это было и в первых – совсем еще юношеских его книгах, нарастая от одной к другой, пока его вообще не перестали печатать. Шаповалов испытал тут тяжёлую руку власти, как мало кто, но так хорошо орызгался, что его даже как-то в те годы зауважала система и «государственные люди».

Что ж, близость, как говорится, поимела место. Но не так, как этого хотели апологеты «партийной организации и партийной литературы». Это современность в стихах: «Ода цветным революциям», «Государственное танго», «Хроника культурной жизни», «Киргизский дискурс. 2010», «Сонет 666». Она освещается словами-красками сатирического пафоса, порой переходящего на саркастический «оскал» в сонетной перкличке с пастернаковско-шекспировским текстом: *«Обрыдло жить – без прав, зато в долгах, / Мостить пути сановному дерьму, / Беречь и красть, за совесть и за страх – / И родину называть тюрьму. / Глумится хаос. Ночи всё черней. / И видим мы, не поднимая глаз, / Как ссучивают душу в беге дней, / Как блеск надежд спускают в унитаз».*

Конечно же, хочет Шаповалов или нет, но он по самую макушку в пост-модернизме. Вот и вторая часть книги – «Век безъязычия» – носит внешне некий лирико-автобиографический характер, но так же подчинена этическому императиву. Показательно, что многие стихотворения, включённые в неё с посвящением тем, кто сыграл значительную роль в творческой судьбе эпохи или собственной жизни. И, если вчитаться, именно здесь «проклятые вопросы» сформулированы для ответов, ибо адресованы Богу и Языку. Чужой алтарь – это, по мысли автора, мир Киргизии, в котором, как ему кажется, уже нет места русской культуре, которая в XX веке была родовспомогательницей киргизской культуры и государственности. Но герой возвращается:

от чужого алтаря, которому ты отдал всё, уже не уйти... Создатель велит тебе отдать остаток жизни этому миру, ибо назначает тебя, среди всех прочих и вместе с ними всеми, ответственным за все алтари мира. Так читается этот образ.

Господи воля Твоя
неотвратим Твой лик
познаем истину книг отшатнувшись от них
коли велишь Ты велик
чужому алтарю отдай молитву твою
в грааль чужой излей пламя крови твоей
кривды их распрями муки за них прими
ибо в тени теснин всяк из вас Божий сын
в толпе средь многих один

Требование отдать свои силы чужой духовной культуре и стать ее частью, казалось бы, абсолютно противоречит идее «Парка тюркского периода». Но это не так: человек, как бы он ни пытался, не сможет уйти от земли, которая стала ему родной. Из болезненного отрицания «Азийского круга» родится признание в незыблемости родства.

Что ж, тогда призыв к отторжению незаметно и неумолимо перерастает в скорбную мелодию плача.

Поэтическая книга Вячеслава Шаповалова – реквием русско-киргизскому духовному союзу, точка в диалоге культур, который длился полтора столетия.

Прав поэт или нет – решит только время. Если решит...

P.S. А вот что странно: на огромных сопредельных пространствах, где поколение назад была оставлена часть русского народа, нашелся только один художник, который заговорил об этом мощно, во весь голос. Прочая русская литература – от Буэнос-Айреса до Харбина – играет в свои, какие-то совершенно иные, игры.

Александр НИКИТЕНКО

«СЛОВНО ЗОРЬКА, СВЕТЛА МОЯ ПАМЯТЬ»

(Заметки о творчестве
Валерия Жернакова)

Жизнь и творческий путь большого поэта всегда шире и богаче наших субъективных представлений, что весьма затрудняет разговор о нем. И все же более чем тридцатилетняя дружба с сыне покойным Валерием Жернаковым позволяет мне вновь обратиться к некоторым ярким чертам его вдохновенного бытия в Кыргызстане и в современной русской поэзии.

В последнюю субботу прошлогоднего июля позвонила старшая дочь Валерия Яковлевича – Аня: «Ночью «скорая» увезла отца в Аламединскую райбольницу. Он в реанимации. Сердечный приступ».

Сразу мелькнула тревожная мысль: если уж среди ночи в родном селе Кара-Жигач своенравный и терпеливый Жернаков позволил семье вверить свою судьбу эскулапам, значит, все действительно серьезно. В последние годы он много работал над своими новыми книгами, стоически пересиливал собственную слепоту после инсульта и никак не собирался сдаваться на милость суровым обстоятельствам. А тут...

Предчувствие неминуемой беды, опасности для жизни моего друга подстегивало к действиям. Но чем я мог помочь?

В воскресенье помчался в Аламединскую райбольницу, которую возглавляет Эрнст Хашимович Акрамов. Знаменитый хирург, как всегда, был открыт и доступен, и наскоро перекусы-

вал в краткий перерыв в своем кабинете. Он сразу вник в суть моей большой тревоги о друге в реанимационном блоке. И тут же заверил: высокий профессионализм его реаниматологов не требует никакого дополнительного контроля «сверху». Специалисты сами делают свое дело.

Это я знал и без него. О его кудесниках в белых халатах и о нем самом давно ходят легенды. Но под моим горячим напором Акрамов все же обещал держаться в курсе...

Законы природы выше нас. Люди не боги, даже великие сверх требовательные и чуткие хирурги и многоопытные реаниматологи. На рассвете понедельника Жернакова не стало. Обездвиженный своей слепотой, он ряд лет вел малоподвижный образ жизни. Большое сердце поэта не снижало духовных оборотов, подвигало душу к новым и новым творческим взлетам. А коварный некроз все обширнее поражал сердечную мышцу...

Жизнь в этом еще крепком кряжистом теле пресекалась. Помню, подумалось тогда: знать бы заранее исход, может быть, и не стоило увозить поэта из Кара-Жигача в чужие больничные стены, а дать бы ему последнюю возможность успокоиться навсегда в родном доме. Но таковы все истые поэты – покой им только снится.

На похоронах было не особо многолюдно. Стоял летний отпускной сезон, многих, знавших Валерия Жернакова, не было в Бишкеке. Из столичного поэтического братства проводить Валерия Яковлевича в последний путь выпало только мне. Присутствовали кое-кто из его школьных выпускников, занимающих теперь высокие госпосты. Пришли каражигачские, бишкекские учителя, местные школьники да оставшиеся в живых седовласые друзья молодости.

Во время траурной панихиды на местном погосте, когда люди говорили о жизненном и творческом обаянии покойного, Аня Жернакова обернулась ко мне и, блестя слезами, почти прошептала отцовские строки:

Пусть неярки порой мои взоры
и не клеится дней череда.
Привечают нас синие горы
и не прочь приютить навсегда.

Я давно их знал, но теперь, у могилы друга, на погосте у самого предгорья, они исполнились особой пронзительности, связанной с ощущением вечного покоя. Безжизненное тело моего друга, убранное живыми цветами, было готово принять на себя тяжелые комья сырой земли, но нетленной оставалась его душа, живущая в, казалось бы, безыскусных строчках. И в них, в этих строчках, предстала вдруг непростая судьба не только самого поэта, но и былых и нынешних носителей славянства с его непреходящей высокой миссией просветительства, гуманизма и самопожертвования. Жернаков посвятил себя процветанию нашего благодатного горного края и навсегда остался его вдохновенным певцом.

Мы приметные русские люди,

узнаваемы лики и стать.

С нами всякое было и будет.

Мы такими и грезили стать.

Вся жизнь Валерия Жернакова оказалась подчинена этой высокой миссии, с молоком матери унаследованной от русской классической культуры и поэзии.

Несколькими днями позже у меня сложились такие строки:

Все больше в сердце горестных разлук,

все меньше нас в рядах ловцов удачи.

В Кара-Жигаче счастлив был мой друг,

и погребен теперь в Кара-Жигаче.

А предшествовала всему этому другая наша жизнь, полная надежд, творческих свершений. Правда, в новом тысячелетии Жернаков из-за болезни уже не мог бывать у меня, зато я и мои близкие не забывали навещать его в просторном кирпичном доме с садом и огородом, дружными застольями, неизменно сопровождавшимися чтением новых стихов из наших только что вышедших книг. Жернаковы были нам родней родни, с особой теплотой, безыскусной щедростью сердца встречали и провожали. Дружеское тепло и расположение Жернаковых согревало нас в Бишкеке, не давало забыть о них, вызывало к жизни мои поэтические строки.

Из города с укладом бестолковым,

из череды удач и неудач,

давай с тобой уедем к Жернаковым
в предгорное село Кара-Жигач.

У Жернаковых дом на Виноградной,
с иголочки дородный огород.
С сердечной дружелюбностью отрадной
они нас встретят прямо у ворот.

В Кара-Жигаче жизнь чуть-чуть иначе.
Кара-Жигач для будущих веков
воспел в своих стихах в Кара-Жигаче
искусный русский лирик Жернаков.

Во время этих встреч мы, конечно же, обсуждали и проблемы книгоиздания, зачастую упирающиеся в финансовую составляющую. Я как-то намекнул ему, что у него тьма бывших учеников, многие из них люди далеко не бедные, наверняка готовы помочь своему бывшему учителю в благом деле. Надо только отбросить ложную гордыню и обратиться к ним. Жернаков поначалу встретил в штыки мое предложение. Но постепенно, благодаря мудрости своей Зинаиды Алексеевны, сбавил обороты, и помощь действительно пришла.

В 2007 году читатели получили солидный по объему новый сборник поэта «Осенний большак». Сельский учитель словесности, пенсионер Валерий Жернаков, состоялся в нем как большой русский поэт, то есть учитель человечества (по давнему определению Валерия Брюсова). Творческая и житейская основательность, фатальная вера в свой талант, умудренная сердечная несуетность автора этой книги ярко воплотились в высоких образцах его самобытной лирики, вошедшей в «Осенний большак». В ней пульсирует и передается читателю осознанная сдержанная духовная сила – верный признак выстраданной сокровенности чувств и дум.

В 1977 году во Фрунзе Валерий Жернаков издал свой первый сборник стихотворений «Урюковый цвет», а в 1988 году – еще один под названием «Годы-лебеди». Десять лет легло между ними. Нелегко дались эти годы поэту, глубоко переживавше-

му, помнится, такое издательское к нему пренебрежение. В советских издательствах у самобытной, своенравной зрелой лиры Жернакова были стойкие противники. Когда же поэт не соглашался с издательским прессованием и нивелировкой, то его просто «не пуцали», задвигали в угол из года в год.

Явно не вписывались в тогдашний стихопоток такие, например, строки Жернакова:

Скулящую рыжую суку
мужик удавил на суку...
Как вспомню – душевную муку
в себе заглушить не могу.

А сердце отчаянно ропщет,
и мучает стыд за людей...
У сонного прудика проще
в тиши созерцать лебедей.

С большой задержкой, но «Годы-лебеди» все же прилетели к читателям и сразу же поставили Валерия Жернакова в первые ряды русской поэзии республики. Запомнились и полюбились многие его строки и стихотворения, отмеченные прежде всего филигранностью отделки, краткостью, афористичностью, уникальностью омонимической рифмовки.

У сов
нет усов.
А совесть
у сов есть?
Или:
Чем баять о поэтике,
усвой азы по этике.
Или:
Друг, не спеши себя обречь
на лобовой ушиб об речь.

Талант Жернакова заблистал сокровенно и ярко. Конечно, виртуозная поэтическая работа не была его самоцелью, а оказалась просто естественной гранью его редкого таланта, сестра которого в первую очередь та самая краткость.

«Не затворяй ворот, стой.
Пусти матроса на стой».

Он ей сулил, шепча три слова,
жениться, как вернется с лова.

Нелегкий выпал Кате рок:
все ждет пропавший катерок.

Вот она, сила жернаковской поэзии – целый житейский роман в шести строках. Здесь, да и в дальнейшей творческой судьбе, поэт по-хозяйски экономен в выразительных средствах. Он рачительно бережет их, как бесценные патроны, дабы избежать пальбы по малозначащим целям. Он играет по-крупному, по-жернаковски бережно ставит слово точно на место. Отсюда и запоминающаяся притягательная сила его лирики.

Знаменитый русский поэт Николай Глазков подметил как-то: «Чтоб так же, как деревья и трава, Стихи поэта были хороши, Умело надо подбирать слова, А не кичиться сложностью души». Жернаков знал это и подспудно следовал ему. Его книги «Урюковский цвет» и «Годы-лебеди» убедили нас, что Валерий Яковлевич уверенно держится на волне благодатной русской языковой стихии. Его материал – слово, и он умеет искусно блеснуть его бесконечными оттенками в угоду своему замыслу. Это и есть мастерство. Поэзия Жернакова жива глубинным смыслом, и смысл у нее свой, подвластный собственной поэтической сверхзадаче и непривычной логике.

Так сложилось, что к «Осеннему большаку» (объемом 15,8 печатных листа) Валерий Жернаков шел 20 лет. Составлял он эту книгу вместе с Зинаидой Алексеевной, а все корректуры после верстки держал я. Вместе с Валерием Яковлевичем мы все радовались выходу в свет сборника. При том, что сам поэт прочесть его уже не мог, а оценивал свою новую полноформатную книгу только при чтении ее вслух Зинаидой Алексеевной. Горечь от невозможности видеть мир во всех красках невольно присутствовала в его разговорах со мной. Но радость от собственной поэтической состоятельности в столь жесткой узде судьбы придавала ему внутреннего большого света, наполняла верой в новые поэтические свершения. Беседы с ним той поры врезались в память его обостренной взыскательностью к жизни,

творчеству, поэтическому предназначению. Ведь он еще задолго прежде установил высокую творческую планку:

Гудят в ночи усталые виски,
натружено и гулко сердце бьется.
Крылатая раскованность строки
в мучительной бессоннице дается.

С выходом «Осеннего большака» и новыми задумками на будущее этих самых бессонных ночей у него явно прибавилось. Ибо поэт давно усвоил сердцем: быстро и легко рождаются на свет только строчки-однодневки.

«Осенний большак» был рожден родниковой чистоты талантом, каким-то чудом сохранившимся перед немалой мутой нашей суверенной жизни. Как произошло это чудо вопреки всему, остается загадкой. Душа поэта - крылатая неумемная сестра простора, дитя сельских ветровых предгорий. Пришла в этот мир она в России, но крылья обрела в здешних солнечных краях. Она хранит милые сердцу пустыки, деревенские незабвенные приметы нашего времени. Поэзия Жернакова проникнута собственным светом жизни, любви ко всему земному, мимолетному и преходящему, но нетленному в русской поэзии от Есенина до Рубцова. Этнический россиянин, Жернаков обрел крепкие корни в благодатном Кыргызстане. И как ни рвался он на склоне жизни на свою историческую родину, высокогорный поднебесный край не отпустил его, приютил навсегда.

При жизни поэта увидела свет его четвертая книга «Соло для вас» (2009 г.) в изящном цветном полиграфическом исполнении. Серая рыночная безысходность не убила в Жернакове надежду на лучшее и выстраданную веру в нетленность русской поэзии.

Не зашло бы ретивое сердце
в горькой тайне наплакаться всласть.
Лишь бы было ему, где согреться,
в чьи колени прощально упасть.

Лишь бы ветер играл на просторе
и не сгнула жажда беречь
в этой смуте и диком раздоре
родниковую русскую речь.

Буквально пророческая творческая задумка – хранить в нетленности самое насущное и сокровенное – русское слово – становится как бы лейтмотивом этой полифонической книги с чистым и мелодически точным тембром. Сердечность жернаковской лирики все так же органически соединяется с нотками излюбленной грустной самоиронии, подвигает нас к самоочищению, катарсису, полнит светом.

Так взорлим же и выйдем из тени,
будем тайной судьбы дорожить.
Упоительно пахнут сирени,
брызжет солнце.
И хочется жить.

Прекрасное всегда рядом, но не всякому дано его увидеть, а тем более ярко и точно воплотить в своих творениях. Жернакову это удалось. Стихи его не надуманы и на первый взгляд безыскусны. Но за этой кажущейся безыскусностью виден чистый лирический дар самобытного русского мастера, как бы с классической легкостью вливающего в свои певучие строки музыку бытия. Я благодарен судьбе, что мне выпало быть одним из первых читателей его сборников. В том числе и талантливого посмертного, увидевшего свет в этом году стараниями неизменной музы и вдохновительницы Зинаиды Алексеевны и Ани Жернаковой под названием «Благословите женщину». Он составлен в соответствии с последними задумками и пожеланиями Валерия Яковлевича. Вслед за поэтом могу сказать, что моя память о нем светла, словно воспетая им самим зорька. Смеем также полагать, что поэзия Жернакова по праву заняла одно из важнейших мест на ветровом большаке современной русской изящной словесности.

А я из бишкекских предгорий частенько переносюсь мысленно на окраину Кара-Жигача, где спит вечным сном мой незабвенный старший друг-поэт, и его живая душа согревает меня своими крылатыми строками. Глубоко его личные, субъективные, они стали неоспоримым литературным фактом, частью объективной реальности, обрели для меня новую силу и высоту. Это ли не наглядный пример бессмертия поэтического огня?

Дмитрий АЩЕУЛОВ

«ЖЗЛК» – МАЯКИ ЭПОХИ

Книжная серия «Жизнь замечательных людей Кыргызстана» (ЖЗЛК) в этом году отмечает свое десятилетие. В отличие от знаменитой российской «ЖЗЛ», имеющей всемирный охват выдающихся личностей, героями отечественной стали известные деятели именно нашей страны – как уже ушедшие из жизни, так и ныне здравствующие. За это время в свет вышло 15 книг. Их героями стали: поэт Аалы Токомбаев, художник Семен Чуйков, экономист Каип Оторбаев, литературовед Ташим Байджиев, дирижер, композитор, дирижер Асанхан Джумахматов, финансист Алиаскар Токтоналиев, кардиолог Мирсаид Миррахимов, поэт Сооронбай Жусуев, хирург Эрнст Акрамов, историк, археолог Владимир Плоских, производственник Виктор Угаров, кинорежиссер Толомуш Океев, ученый, аграрий Григорий Баян, генерал Анарбек Бакаев и другие видные деятели нашей республики.

Редакция провела юбилей в представительстве Россотрудничества в Бишкеке. На встречу пришли герои книг, продолжающие жить и трудиться, их родные, друзья, ну и, конечно же, авторы. Среди них – Каип Оторбаев, Эрнст Акрамов, Владимир Плоских, поэт Светлана Сулова, писатель Мар Байджиев, литературоведы Георгий Хлыпенко и Михаил Рудов, был и первый вице-премьер министр республики Джоомарт Оторбаев.

Последние два десятка лет Кыргызстан переживает непростой период: время перемен затянулось. Произошла смена не

только экономической формации, но и жесточайший слом нравственных ориентиров. Это привело к растерянности общества, выросшие за этот срок поколения можно назвать потерянными, потому что молодые люди не могут реализовать свой потенциал во благо развития страны. На что им равняться, к каким маякам стремиться? Увы, нынче информсайты и страницы газет посвящены депутатским разборкам, расследованиям, политическим скандалам, где звучат имена бизнесменов, криминальных авторитетов, уличенных в коррупции чиновников, скандальных депутатов. И невольно задаешься вопросом: кто же сейчас – герои нашего времени? Авторы серии «ЖЗЛК» предлагают обернуться назад. Перелистывая страницы книг, выпущенных под этим логотипом, понимаешь, что рассказывают они о недавнем времени, об истории народа и страны, рассказывают через судьбы реальных людей, тех, кто развивал науку, культуру, экономику, тех, кто и ныне продолжает приносить немало полезного людям и своему делу. Их биографии, рассказанные не сухим, не официальным языком, а образами, эмоциями, ситуациями делают близкими читателю все важное и лучшее, что произошло с нашей республикой в том недавнем нашем прошлом.

А зародилась серия можно сказать совершенно случайно.

– Началось все с книги «На разломе эпохи», посвященной ученому, академику, знаменитому нападающему «Спартака» Каипу Оторбаеву, – рассказывает ее автор, писатель, главный редактор «ЖЗЛК» Александр Иванов. – После ее выхода в свет, а она появилась сперва в обычной и не нашего формата обложке, возникла идея создать серию произведений о ярких личностях нашей страны. Мы переиздали книгу «На разломе эпохи» уже в нашей «фирменной одежде». Это было в апреле 2003 года. Затем последовали новые и новые книги. Создание их требовало особого мастерства. И не только профессионального. Необходимо было знать эпоху, чувствовать дыхание времени, среду, в которой творили наши герои. Например, среди авторов: известный публицист Вячеслав Тимирбаев, замечательный музыковед Екатерина Лузанова, прекрасный писатель и кинодеятель Леонид Дядюченко.

По словам А. Иванова, цель каждой книги не просто рассказать о неординарном человеке, но и показать развитие лич-

ности в неразрывной связи с историей страны и ее народа. Так создается объемное произведение, погружающее читателя в неведомый ему доселе мир. Проходя через разломы эпохи, через все ее катаклизмы, зная цену истинной дружбы и предательства, испытав муки потерь и радость обретений, герои книг «ЖЗЛК» остаются цельными личностями и сполна используют данный небесами талант для служения своему делу.

Как отметил на юбилее издания А. Иванов, редколлегия в своей концепции напрочь отринула политическую и прочую конъюнктуру. Не раз находились очень влиятельные и состоятельные люди, которые хотели бы, чтобы и их имена и биографии звучали в книгах этой серии, рядом с действительно яркими и неординарными личностями. Но, заботясь о престиже «ЖЗЛК», издательство отказывалось от таких сомнительных предложений.

Да, коллектив авторов находится в свободном экономическом плавании. И это тоже реалии нынешнего времени, когда культура и государство существуют в некоей параллельности. Удивительно, но в наше непростое время, редактору серии удается изыскивать средства для того, чтобы идея продолжала жить и произведения о неординарных людях Кыргызстана приходили к своим читателям.

– Государство уже много лет не в силах помогать всем, кому действительно необходима его реальная поддержка, в том числе и деятелям культуры. И все-таки в опущенные паруса никогда не приходит ветер. Только при сильном желании находят возможности, – говорит гл. редактор ЖЗЛК А. Иванов. – Каждому на своем месте надо стремиться делать то, что он может, и то, что действительно будет востребовано людьми нашей республики. А уж книги о тех, кто становится героями серии ЖЗЛК, непременно заинтересуют и нынешнее и последующие поколения читателей.

Своими впечатлениями от прочитанного на юбилее смогли поделиться гости литературного вечера. По словам академика Национальной академии наук В. Плоских, «ЖЗЛК» получила признание и в научной среде. На недавнем заседании НАН, обсуждая вопрос о праздновании столетия со дня рождения академика Курман-Гали Каракеева, было предложено выпустить

книгу о нем в серии «Жизнь замечательных людей Кыргызстана». А это значит – произведения интересны не только как художественные, но и как документально-исторические труды.

С добрыми пожеланиями к редколлегии обратился Джоомарт Оторбаев:

– Хочу пожелать «ЖЗЛК» избежать «инфляции». Сегодняшняя жизнь сопровождается обесцениванием многих важных понятий, и прежде всего вымыванием из душ нравственности. Но герои этой книжной серии – люди, не подверженные такой инфляции. Поэтому хочется, чтобы вы продолжали держать столь высокую планку и смогли избежать набегов времени. Уверен, в стране были, есть и будут достойные личности, а, значит, серия будет вечной.

Кстати, рассказывая о совсем недавнем прошлом страны, «ЖЗЛК» уже сама становится легендарной. Не раз в редакцию обращались с просьбой о переиздании тех или иных книг из этой серии.

– Всегда с волнением перелистываю страницы этих книг, ведь уходят не только их герои, но и авторы. Вот уже нет с нами Леонида Дядюченко. А это все для нас – их современников – живое, близкое и важно с помощью произведений передать потомкам нашу любовь к этим личностям, к этой стране, – поделилась мнением поэт Светлана Сулова.

Жена Виктора Угарова – героя книги серии «ЖЗЛК», тридцать лет возглавлявшего завод «Физприборы» – Нина Федорова, отметила важность того, что в повествовании о ее муже дана в целом картина всего промышленного комплекса республики.

– Было показано, какой развитой была промышленность, – высказалась Н.Ф. Угарова. – А у нас работали заводы, ничуть не уступавшие по своей мощи уральским предприятиям оборонного сектора. А сейчас этого всего нет. Хорошо, что подчеркнули роль рабочего класса, ведь тогда работало немало интересных людей.

Своим видением на серию и о людях, которым она посвящена, поделился профессор Кыргызско-Российского Славянского университета Георгий Хлыпенко. Начал он с исторической справки, отметив, что ближайшая биографическая серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), была основана А.М. Горьким в

1933 г., более отдаленная – серия под тем же названием, основана Ф.Ф. Павленковым и издавалась в 1890-1907годах. Если заглянуть вглубь веков, то выявится, что история биографического жанра восходит к античности. Это и «Жизнеописания» Плутарха, и «Жизнеописание двенадцати цезарей» Светония. Как считает профессор Г. Н. Хлыпенко, интерес к жизнеописаниям вполне понятен и объясним: чем значительнее личность, тем зримее преломляется через человека историческая жизнь общества. Иными словами, жизнеописания – это и человековедение, и обществоведение одновременно.

– На наших глазах прошли отдельные фрагменты из жизни героев серии «ЖЗЛК», – сказал Георгий Николаевич. – По ним можно воссоздать эскизную, но историческую картину эпохи, в которой они жили и творили. В этом и заключается историзм серии – принцип подхода к действительности как изменяющейся во времени, развивающейся.

Разгорались на вечере и дискуссии, присутствующие деятели культуры, науки, пришли к выводу: произведения этой серии необходимо представить вниманию студентов, учащейся молодежи, ведь передача опыта, связь поколений должна быть неразрывны. А на чьих же еще примерах можно наставлять юных граждан страны?

Прошло всего два месяца с той встречи в Россотрудничестве, но уже вышла еще одна, шестнадцатая, книга серии «ЖЗЛК»: роман в стихах Сооронбая Жусуева в переводе с кыргызского талантливого русского поэта Светланы Сусловой «Судьба Разакова».

Коротко об авторах

Дмитрий АЩЕУЛОВ

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский Государственный Университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Виктор КАДЫРОВ

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы три прозаических сборника – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля» и «В поисках дракона».

Александр КАМЕНСКИЙ

Каменский Александр Васильевич родился 21 января 1952 года в городе Севастополе, где и появились первые стихи и песни. Много путешествуя по стране, выступал пе-

ред моряками Черноморского, Балтийского, Тихоокеанского флотов, воинами Среднеазиатского военного округа, рыбаками и рабочими Камчатки и Колымы, жителями Закарпатья и Средней Азии.... Лауреат фестивалей Солдатской песни, 1-го Международного Московского Фестиваля «Русская песня»... Не раз выступал и в Бишкеке, в «Доме русской книги». Издательство «Раритет» выпустило в 2013 году сборник стихов Александра Каменского «Семь струн».

Бахтияр КОЙЧУЕВ

Койчув Бахтияр родился в 1963 году в Бишкеке. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, опубликовал более 60 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана.

Владимир МЕДВЕДЕВ

Родился в 1944 году в Забайкалье, на озере Кинон и в малом возрасте переехал с родителями в Таджикистан, где прожил большую (на настоящий момент) часть жизни. Работал монтером ПТС, сезонным рабочим в геологических и гидрологических отрядах, учителем в кишлачной школе, репортером и фотокорреспондентом в молодежной и вечерней газетах, тренером, инженером-патентоведом в КБ... Сейчас заведует отделом в журнале «Дружба народов». В 2007 году в издательстве «Лимбус Пресс» вышла книга его рассказов «Охота с кукуем».

Александр НИКИТЕНКО

Поэт, переводчик. Член Союза писателей СССР и Кыргызстана. Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке (бывший Фрунзе). Окончил Киргосуниверситет. Работал слесарем, наладчиком на Фрунзенском заводе сверл, редактором в Госкомиздате, ответсекретарем в «Литературном Киргизстане», репортером в газетах «Вечер-

ний Бишкек», «Моя столица», «МСН». В нашем журнале публикуется с 1967 года. Автор восемнадцати поэтических книг. Академик Международной общественной академии поэзии Омора Султанова.

Вячеслав ТИМИРБАЕВ

Родился в 1942 г. в г. Джалал-Абаде. Окончил факультет журналистики МГУ М. В. Ломоносова. Работал в газетах «Советская Киргизия», «Вечерний Фрунзе», «Вечерний Бишкек», «МСН», в Ошском обкоме партии, ЦК КП Киргизии, «Киргизсовпрофе».

Автор книг серии «ЖЗЛК» «Алиаскар Токтоналиев», «Мирсаид Миррахимов», «Григорий Балян», «Анарбек Бакаев», биографических книг «Хирург Рахманкулов», «Айдаркан Молдокулов. Ученый. Гражданин. Человек».

В 2012 г. в московском издательстве «Орфография» вышел сборник «Время поэтов в воспоминаниях Вячеслава Тимирбаева». Выпускающий редактор информационно-аналитического журнала КРСУ «Русское слово в Кыргызстане».

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызская Республика). Народный поэт Кыргызстана, лауреат государственной премии КР, заслуженный деятель культуры КР. Автор многих поэтических сборников, книг переводов киргизской поэзии и поэзии Запада и Востока. Стихи публиковались в ряде стран Европы и Азии. Доктор филологических наук, профессор. Лауреат Русской премии 2013 г.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 12.07.2013 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 14,5 Заказ 182.

Тираж 300 экз.